

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1969

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Зеленин.</i> В. И. Ленин о национальной революции южного славянства	3
<i>Р. П. Гришина.</i> К проблеме народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1945 гг.)	10
<i>В. Д. Конобеев.</i> Социально-экономическое положение «свободного» крестьянства в Болгарии в 60—70-х годах XIX в.	19
<i>Л. Г. Шахова.</i> К вопросу о художественной концепции характера в тетралогии Димитра Талева	36
<i>В. В. Колесов.</i> Ударение производных имен существительных в праславянском языке	42

Славяноведение в высшей школе

<i>С. И. Сидельников, В. В. Сузарев, Г. И. Черняевский.</i> Преподавание истории южных и западных славян в высшей школе	52
---	----

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>И. В. Милутина.</i> Вступление СССР в Лигу наций и позиция польской дипломатии	59
<i>В. И. Мелешко.</i> К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в.	69
<i>А. И. Рогов.</i> Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению	79
<i>Л. Пэк.</i> Истоки кукольного фильма в Чехословакии	84
<i>С. А. Рейсер.</i> Русский вольнодумец XVIII в. о порабощении Польши	89

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Ирена Карасиньская (ПНР). Станислав Лоренц . . . . .</i>	92
---	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

А. И. Рогов. Станислав Щепановский на королевском суде 97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. П. Мананчикова. Из новых работ по экономической истории Дубровника	98
Д. Б. Мельцер. Г. И. Чернявский. Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925—1929 годы	101
Т. Комкова. Чехи и словаки в первой мировой войне и Октябрьской революции	102
В. А. Дьяков. Jerzy W. Borejsza. Polska emigracja po powstaniu styczniowym	103
И. Р. Фишер. К вопросу о путях аграрного развития стран Центральной Европы в XVI — XVIII вв.	107
Е. З. Цыбенко. Исследование о проблемах романа в польской критике XIX века	110
И. К. Горский. Новеллистическое новаторство Конопницкой	113
Л. К. Книга по истории русско-чешских литературных связей	115
Р. М. Цейтлин. Јосип Врана. Вуканово еванђеље	116

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1968 году (продолжение)	118
Содержание иностранных журналов	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

На VI съезде славистов

А. И. Недорезов. Новейшая история славянских стран	123
И. П. Лециловская. Идеино-политические аспекты славянской взаимности в XVIII—XX вв.	125

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР

Р. Н. Смирнова. К 50-летию Чехословацкой республики	129
Е. В. Пилишек. Сессия, посвященная 50-летию независимости Польши	130

Защита диссертаций

Ю. С. Социальная история школьной системы в Чехословакии	133
Т. В. Попова. Интересная работа по типологии славянских фонологических структур	134
С. Б. Бернштейн. Памяти Э. Петровича	135

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

В. В. ЗЕЛЕПИН

В. И. ЛЕНИН О НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЮЖНОГО СЛАВЯНСТВА

Ровно через три месяца после начала первой мировой войны — 1 ноября 1914 г. в Центральном органе большевистской партии газете «Социал-демократ» (№ 33) был опубликован написанный В. И. Лениным манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». В этом документе с предельной четкостью охарактеризовано истинное значение войны, развязанной враждующими империалистическими группировками, разоблачены «ложь, софизмы и „патриотические“ фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны»¹, показаны подлинные цели блока Центральных держав и Антанты, несколько не уступающих другу другу «в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны»².

Манифест ЦК РСДРП констатировал переход подавляющего большинства партий II Интернационала на позиции социал-шовинизма и провозгласил целью международного рабочего класса создание нового пролетарского Интернационала, выдвинул как единственно правильный пролетарский лозунг — превращение империалистической войны в гражданскую.

Среди подлинных целей группы воюющих наций, возглавляемых немецкой буржуазией, В. И. Ленин подчеркнул стремление последней разгромить национально-освободительное движение югославянских народов, развернувшееся с особой силой в начале XX в. «На деле, — писал В. И. Ленин, — немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...»³.

В формуле «национальная революция южного славянства» содержится, как нам представляется, наиболее обобщенная характеристика национально-освободительного движения югославянских народов на протяжении всего XIX и начала XX вв. Хотя в ленинском наследстве имеется сравнительно немного работ, специально посвященных проблемам освободительной борьбы югославянских народов, тем не менее в его трудах содержится много мыслей, характеристик, оценок и выводов, имеющих большое значение для правильного понимания основных закономерностей этого, весьма сложного и во многом противоречивого процесса.

Ниже мы попытаемся, не претендуя на исчерпывающую полноту, проследить за тем, как В. И. Ленин оценивал национальное движение славянских народов Балканского полуострова в начале XX в. и какое место отводил ему в общем процессе европейского освободительного движения.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 15.

² В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 16-17.

³ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 16.

Оценивая любое национальное движение, в том числе и югославянское, В. И. Ленин всегда ставил его в рамки соответствующей исторической эпохи, проводил четкую грань между характером, целями и задачами национального движения в эпоху «свободного» капитализма и в период империализма.

Необходимость разработки марксистской теории национального вопроса накануне империалистической войны была обусловлена наличием серьезных оппортунистических извращений, возникших в международной социал-демократии, а особенно в социал-демократических партиях таких многонациональных государств, какими были Россия и Австро-Венгрия. В. И. Ленин уделял огромное внимание национальному вопросу, не уставал подчеркивать важное практическое значение его разрешения для подготовки пролетариата к грядущей социалистической революции.

Для Западной Европы, записал В. И. Ленин в «Тезисах реферата по национальному вопросу» в январе 1914 г., XIX век был эпохой «национальных (буржуазно-демократических) революций»⁴, краха феодализма и абсолютизма, сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становились массовыми движениями, когда в них вовлекались в той или иной степени все классы общества. Для данного периода типично образование национальных государств, обеспечивающих, с точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма⁵. Эту эпоху для Западной Европы В. И. Ленин довольно определенно обозначил хронологически: «примерно с 1789 по 1871 год»⁶. «По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств»⁷. Между тем, отмечал В. И. Ленин, «в Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего „востока”»⁸.

Упоминание В. И. Лениным Балканских войн как звена в цепи мировых событий эпохи буржуазно-демократических революций на востоке Европы не случайно. Именно в его статьях по этому вопросу мы находим ряд важнейших идей, имеющих ключевое значение для понимания хода освободительного движения балканских, в первую очередь славянских, народов.

В 1912 г. обстановка на Балканах накалилась. Соперничество оформившихся к тому времени двух империалистических блоков — Антанты и Центральных держав — грозило вылиться в войну за раздел балканских владений Турции. Одновременно с этим под эгидой России создается Балканский союз (Сербия, Болгария, Черногория, Греция), направленный против экспансионистских устремлений Австро-Венгрии на Балканах и имевший также целью борьбу за раздел турецких владений в Европе. 9 октября 1912 г. началась Первая Балканская война.

Уже 16 октября (ст. ст.) в «Правде» появилась статья В. И. Ленина «Балканские народы и европейская дипломатия». В этой небольшой статье содержатся важнейшие положения, определяющие отношение вождя партии большевиков к этому событию. Правда, одни мысли высказаны достаточно ясно и определенно, другие же — только намечены, чтобы впоследствии получить свое дальнейшее развитие.

⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 24, стр. 386.

⁵ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 25, стр. 263—264.

⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 269.

⁷ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 269.

⁸ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 269.

«Всеобщий интерес устремлен теперь на Балканы. И это понятно. Для всей восточной Европы бьет, может быть, час, когда скажут свое свободное и решительное слово сами народы»⁹, — так начинает В. И. Ленин эту статью. В условиях острого политического кризиса, которым всегда является война, вождь русского пролетариата увидел потенциальную возможность для успешного выступления народных масс, причем не только на Балканах, но и во всей Восточной Европе, отставшей в своем социально-экономическом и политическом развитии от Запада. Эта же мысль с особой силой подчеркнута в заключении статьи: «Передовые рабочие на Балканах и вся балканская демократия возлагают свои надежды исключительно на развитие сознательности, демократизма и самостоятельности *масс*, а не на интриги буржуазных дипломатов, какими бы либеральными фразами они себя ни прихорашивали!»¹⁰.

Итак, народы Балкан должны сказать «свое свободное и решительное слово». От «сознательности, демократизма и самостоятельности» этих народов будет зависеть их дальнейшая судьба.

Со всей решительностью В. И. Ленин восстает против вмешательства европейской буржуазии в дела балканских народов. «И враждебное и якобы-дружелюбное вмешательство „держав“ Европы означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации»¹¹.

В заключении этой фразы, как мы видим, содержится чрезвычайно важная мысль: каков может и должен быть, по мнению В. И. Ленина, социально-экономический итог войны, разыгравшейся на Балканах, в этом наиболее отсталом районе Европы с точки зрения общественно-экономического прогресса. Здесь эта мысль только намечена. Немного позднее она будет сформулирована В. И. Лениным гораздо полнее.

И, наконец, к какой политической цели должны стремиться народы Балкан? На этот вопрос В. И. Ленин отвечает совершенно определенно — к «установлению федеративной балканской республики»¹².

Вопрос об объединении балканских народов в федеративное государство имеет свою историю. Впервые эта идея была выдвинута основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом в 50-х годах XIX в. Так, в статье «Военный вопрос. — Парламентские дела. — Индия», опубликованной в газете «Нью-Йорк дейли трибюн» 5 августа 1853 г., К. Маркс писал: «Слишком слабые и слишком робкие, чтобы предпринять преобразование Оттоманской империи путем основания греческой империи или федеративной республики славянских государств», западные державы «направляют все свои устремления только на сохранение *status quo*, т. е. такого состояния разложения, которое не позволяет султану освободиться от царя, а славянам — от султана»¹³.

Идея создания федеративной балканской республики была с глубоким сочувствием воспринята балканскими социал-демократами, в частности болгарской партией «тесных» социалистов и Сербской социал-демократической партией, видевшими в объединении балканских народов фактически единственное средство для сохранения их самостоятельности перед угрозой политической и экономической экспансии западных держав и в первую очередь Австро-Венгрии. Лозунг федеративной балканской республики как ближайшая цель революционной социал-демократии был

⁹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 22, стр. 142.

¹⁰ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 143.

¹¹ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 142.

¹² В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 142.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 219.

принят на Первой Балканской социал-демократической конференции, состоявшейся в Белграде 25—27 декабря 1909 г. (7—9 января 1910 г.)¹⁴. Выступая на этой конференции, выдающийся деятель Сербской социал-демократической партии Димитрий Туцович говорил:

*«Сплочение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах — единственный путь, ведущий к их экономическому, национальному и политическому освобождению. Союз и федерация свободных балканских народов должны стать целью всех тех, кто недоволен нынешним положением»*¹⁵.

Таким образом, уже в первой своей статье по вопросу о Балканской войне, написанной буквально через несколько дней после того, как она стала совершившимся фактом, В. И. Ленин дает глубокую теоретическую оценку войны, ее возможных последствий, формулирует конкретные задачи, стоящие перед народными массами балканских стран и их авангардом — социал-демократией.

Через два дня после рассмотренной выше статьи в «Правде» от 18 октября была опубликована следующая статья В. И. Ленина, полностью посвященная вопросу Балканской войны — «О лисе и курятнике». В едкой форме В. И. Ленин высмеивает ложь о войне, распространяемую всеми фракциями русской буржуазии, от октябристов до кадетов, разоблачая лицемерие и фальшь русских либералов, показывая, что «их политика — тоже реакционная великодержавная политика империализма»¹⁶. Лейтмотив статьи — протест против вмешательства буржуазных правительств в дела других народов.

«Демократия вообще, а рабочие в особенности, — писал В. И. Ленин, — против всякого „протезирования“ славян лисами и волками и за полное самоопределение народов, за полную демократию, за освобождение славян от всякого протезирования „великими державами“»¹⁷.

В статье «Позорная резолюция», помещенной в том же номере «Правды», В. И. Ленин со всей определенностью выражает отношение революционной социал-демократии к такой, во многом своеобразной, войне, какой была Первая Балканская война. Разоблачая откровенно шовинистический характер резолюции, принятой Петербургской городской думой 10 октября и призывавшей народы Балканского союза проливать кровь «за светлое будущее независимой свободы угнетенных народов», В. И. Ленин с гневом писал: «Никогда и нигде „свобода“ не достигалась угнетенными народами посредством войны одного народа против другого. Войны народов только усиливают порабощение народов. Действительная свобода славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена только полной свободой внутри каждой страны и федерацией вполне и до конца демократических государств.

И славянский и турецкий крестьянин на Балканах — братья, одинаково „угнетенные“ своими помещиками и своими правительствами.

Вот где настоящее угнетение, вот где настоящая помеха „независимости“ и „свободе“»¹⁸.

Как видим, В. И. Ленин не просто повторяет лозунг федеративной балканской республики, но и уточняет, какой должна быть эта республика.

¹⁴ См. М. А. Бирман. В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг. «Советское славяноведение», 1965, № 2, стр. 6.

¹⁵ Д. Туцович. Избранные списки. Књ. II, Београд, 1950, стр. 23.

¹⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 22, стр. 146.

¹⁷ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 149.

¹⁸ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 151—152.

Она должна быть «федерацией вполне и до конца демократических государств».

Тем временем события на Балканах стремительно развивались. Через две недели после начала военных действий сербские войска в двухдневном Кумановском сражении разгромили турецкую группировку и развернули успешное наступление в Македонии. Успехов добились и другие союзники¹⁹, что предвещало неизбежное поражение Турции.

Все это позволило В. И. Ленину сделать всесторонние выводы об историческом значении развернувшихся на Балканах событий, теоретически обобщить их последствия как для Балкан, так и для всей Восточной Европы в целом.

«Новая глава всемирной истории» — так названа Лениным следующая статья, появившаяся на страницах «Правды» 21 октября.

«В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — пишет В. И. Ленин, — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевание и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»²⁰. Так, только намеченная в статье «Балканский вопрос и европейская дипломатия» мысль об отсталости уровня социально-экономического развития балканских стран здесь развернута в подробную характеристику. В связи с этим В. И. Ленин говорит о задачах, стоящих перед народами Балкан. Только уничтожение «могучих остатков» феодализма на Балканах обеспечит общественно-экономическое развитие народов, ускорит рост пролетариата, т. е. подготовит условия для подлинного (и социального, и национального) освобождения трудящихся балканских стран.

В. И. Ленин вновь подчеркивает, что наилучшей перспективой для «последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах» было бы создание федеративной балканской республики. Но в современной обстановке объединение балканских народов было осуществлено не в форме союза демократических республик, а в форме союза балканских монархий. В чем же причины этого? «Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах (пролетариат немногочислен, крестьяне забыты, раздроблены, безграмотны)...»²¹. «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе»²².

Окончательный итог подведен в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед», появившейся в «Правде» 7 ноября.

«„Для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию, своего рода 1789 или 1848 год“, — эти слова австрийского марксиста Отто Бауэра сразу вскрывают главную суть происходящих теперь на Балканах событий», — так начинает В. И. Ленин эту, по существу итоговую, статью по вопросу о Первой Балканской войне²³.

Итак, по своему социальному смыслу освобождение Македонии от турецкого ига равнозначно буржуазной революции. Вся суть в *экономическом* освобождении крестьян, именно оно «есть главное», а не только

¹⁹ См. «История Югославии», т. I. Под ред. Ю. В. Бромлея, И. С. Достяк, В. Г. Карасева, С. А. Никитина, М., 1963, стр. 641.

²⁰ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 22, стр. 155.

²¹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 22, стр. 155.

²² В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 156.

²³ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 186.

и не столько *национальное* освобождение, на котором делает упор русская буржуазная печать всех толков²⁴.

В. И. Ленин с особенной силой подчеркивает, что полное освобождение Македонии (и социальное, и национальное) может быть достигнуто только путем революции, т. е. борьбой крестьян против помещиков и монархических балканских правительств. При этом В. И. Ленин ясно говорит, что такой путь стоил бы «балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война»²⁵.

Как и в предыдущей статье, вскрыты исторические причины того факта, почему вопрос решался войной, а не революцией. «Главная историческая причина этого — слабость, раздробленность, неразвитость, темнота крестьянских масс во всех балканских странах, а также малочисленность рабочих, которые хорошо понимали положение дел и требовали балканской федеративной (союзной) республики»²⁶.

Несколько позднее, в марте 1913 г., когда Первая Балканская война подходила к концу, В. И. Ленин считал необходимым дополнить перечень причин, обусловивших разрешение исторических задач, стоявших перед балканскими народами, путем войны, а не путем революции. «Какова историческая причина того, что насущные вопросы Балкан решались войной, руководимой буржуазными и династическими интересами? — писал он в статье „Балканская война и буржуазный шовинизм“. — Главная причина — слабость пролетариата на Балканах, а затем реакционные влияния и давления могущественной европейской буржуазии. Она боится действительной свободы и у себя дома и на Балканах, она стремится только к наживе на чужой счет, она разжигает шовинизм и национальную вражду, чтобы облегчить себе политику грабежа, чтобы затруднить балканским угнетенным классам свободное развитие»²⁷.

Анализ В. И. Лениным балканских войн, а особенно их социально-экономического значения, позволил ему поставить их в одну цепь буржуазно-демократических революций, развернувшихся в Восточной Европе и Азии в начале XX в.

Статьи В. И. Ленина, посвященные Балканским войнам 1912—1913 гг., имеют большое значение для понимания исторического развития южнославянских народов.

Балканские войны 1912—1913 гг. были важным этапом в развитии буржуазно-демократической революции южнославянских народов, в ходе которой одновременно должен был быть решен и национальный вопрос, достигший в канун первой мировой войны небывалой остроты. Балканские войны не разрешили полностью всех проблем национального освобождения югославянских народов, значительная часть которых оставалась под игом Австро-Венгрии. В этот период с особенной силой развернулось движение, направленное на объединение всех югославянских народов как входивших в состав австро-венгерской монархии, так и образовавшихся к тому времени самостоятельные национальные государства (Сербия, Черногория). В связи с империалистической войной 1914 г. встал вопрос об объединении югославянских народов в единое государство.

Нам представляется вполне обоснованной уже высказанная мысль о том, что именно это национально-освободительное движение югославянских народов и имел в виду В. И. Ленин, говоря о «национальной рево-

²⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 187.

²⁵ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 187.

²⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 187.

²⁷ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 23, стр. 38—39.

люции южного славянства». К этому следует добавить еще одно обстоятельство. Как известно, написанию манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» предшествовали тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», написанные В. И. Лениным в Берне не позднее 24 августа (6 сентября) 1914 г. Эти тезисы обсуждались на совещании группы большевиков в Берне, были приняты и, как резолюция группы, разосланы другим заграничным секциям большевиков, а также нелегально переправлены в Россию. Получив сообщение из России об одобрении тезисов, В. И. Ленин переработал их в манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия».

В наброске тезисов мы читаем (в разделе о целях немецкой буржуазии): «они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии...»²⁸.

Как видно из сравнения этой формулировки с формулировкой, содержащейся в манифесте, В. И. Ленин значительно изменил и расширил последнюю. Учитывая подчиненное положение австро-венгерской монархии по отношению к Германской империи, В. И. Ленин заменил австрийскую буржуазию немецкой и добавил обобщенную формулу «национальная революция южного славянства».

---

²⁸ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 26, стр. 5.

Р. П. ГРИШИНА

К ПРОБЛЕМЕ НАРОДНОГО ФРОНТА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1944—1945 гг.)

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых в 1944—1945 гг. была установлена народно-демократическая власть, находились на различных ступенях экономического и социального развития от отсталой полуфеодальной Албании до Чехословакии, входившей в число развитых капиталистических государств. Разными были также степень участия народов этих стран в антифашистской борьбе против гитлеризма, соотношение в них классовых сил в ходе национально-освободительной борьбы и после освобождения, традиции политической жизни.

Тем не менее, в развитии стран Центральной и Юго-Восточной Европы обнаруживается немало общих черт. Автор настоящей статьи стремится выяснить, в чем выразились некоторые из этих общих черт на заключительном этапе второй мировой войны и в первые месяцы после ее окончания. Разумеется, сделанные нами наблюдения имеют лишь предварительный характер.

* * *

Накануне освобождения в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы еще оставались нерешенными некоторые важные задачи буржуазно-демократической революции: например, во всех странах, кроме Болгарии, существовало помещичье землевладение; Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Югославия принадлежали к числу государств с монархическим строем, причем не везде сохранение института монархии было формальностью.

Общей, характерной особенностью почти для всех стран этой группы было наличие довольно большой мелкобуржуазной прослойки в городах (ремесленники, мелкие торговцы и т. п.) и значительное преобладание сельского населения над городским (до 70—80% в некоторых странах).

Рабочий класс, как правило, численно был невелик. На двух крайних полюсах находились опять-таки Албания, в которой промышленный пролетариат составлял 0,7% населения, и Чехословакия, где этот процент поднимался до 45.

Соотношение политических сил в каждой стране после освобождения зависело не столько от численности отдельных классов, сколько от их отношения к национально-освободительной борьбе в предыдущие годы и соответственно от степени развития самой борьбы.

Во всех этих странах преобладающая часть крупной и средней буржуазии, а там, где они были, и помещиков, либо стояла в стороне от национально-освободительного движения, либо в той или иной форме со-

трудничала с гитлеризмом. Поэтому освобождение из-под гнета оккупантов и установление народно-демократической власти привели в большинстве рассматриваемых стран к политическому поражению этих кругов. И именно против коллаборационистских групп буржуазии и помещиков оказалось направленным острое первых социально-экономических преобразований.

Однако другая часть крупной и средней буржуазии была настроена патриотически, антифашистски и относилась сочувственно к борьбе за национальное освобождение своей страны или принимала в ней участие, стремясь, с разной долей успеха в разных странах, овладеть руководством национально-освободительным движением. Конечно, после окончания войны и эта часть буржуазии не собиралась отказываться от своих классовых привилегий.

Участником национально-освободительного движения в значительной степени выступала мелкая буржуазия, но главными движущими силами его были пролетариат и крестьянство. Естественно, политическая роль этих классов, возросшая многократно в годы, предшествовавшие освобождению, стала определяющей в послевоенный период.

Несмотря на своеобразие обстановки в каждой отдельной стране, можно отметить некоторые общие черты, присущие целым группам стран. Так, характерной особенностью национально-освободительного движения Югославии, Албании, Болгарии было то, что левые силы в нем играли очень большую роль. Участие буржуазии в этом движении было невелико, и в общем она даже не пыталась возглавить его. В ходе народной борьбы, приобретшей довольно широкий размах, а в Югославии вылившейся в настоящую освободительную войну, прочно утвердилась гегемония рабочего класса и руководство коммунистической партии, что явилось определяющим фактором внутривнутриполитической обстановки в этих странах после их освобождения.

Далее можно выделить вторую группу стран, в которых буржуазия принимала более активное участие в национально-освободительном движении и боролась за руководство им (Польша, Чехословакия). Наличие двух центров руководства (буржуазного и пролетарского) приводило к тому, что значительная часть населения продолжала оставаться под влиянием буржуазии. Компартиям и шедшим за ними силам в этих странах предстояло еще завоевать на свою сторону массы, преодолеть идеологическое и организационное влияние буржуазных партий.

Наконец, для третьей группы стран характерна слабость национально-освободительного движения в целом (Венгрия, Румыния). Буржуазия в преобладающей своей части не была заинтересована в нем, так как экономически и политически связала свою судьбу с фашистской Германией. Рабочий класс и крестьянство также не принимали активного участия в сопротивлении, что до некоторой степени может быть объяснено результативностью политики и пропаганды правящих кругов этих стран, широко рекламировавших, в частности, выгоды от союза с Гитлером для всех слоев населения. Коммунистические партии Венгрии и Румынии были сравнительно слабыми. Неудивительно, что левые силы здесь далеко не сразу после освобождения получили преобладание в политической жизни.

Столь существенное различие в условиях, сложившихся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после установления в них народно-демократической власти, не обусловило, однако, различной тактической линии коммунистических и рабочих партий. Ибо то общее, что было связано с развитием единого революционного процесса в этих странах, было сильнее, чем частное и специфическое, имевшееся в развитии каждой

отдельной страны или даже группы стран. Поэтому тактическая линия оказалась общей для всех коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Она вытекала, на наш взгляд, из следующих обстоятельств.

Во-первых, повсюду, кроме, быть может, Югославии и Болгарии, компартии к моменту освобождения страны не располагали еще поддержкой большинства населения. Более того, им еще предстояло бороться за часть рабочего класса, находившегося под влиянием буржуазии. Поэтому главной политической задачей для коммунистических и рабочих партий было завоевание на свою сторону широких масс народа. Наиболее эффективным средством для этого становились народные фронты, в состав которых входили не только коммунистические и рабочие, но и мелкобуржуазные партии. Ведущая роль в этих коалициях принадлежала коммунистам, но программы их носили общедемократический характер и отвечали интересам самых различных групп населения.

В Югославии и Болгарии эта задача в основном была решена еще в ходе национально-освободительной борьбы. Коммунистические партии здесь выступали в качестве единственного политического авторитета, за ними шло большинство народа, правда, это сплочение было достигнуто на базе общедемократических, антифашистских платформ. Теоретически поэтому в качестве следующей ступени вполне возможно было выдвигание социалистических лозунгов, но в таком случае коммунисты неизбежно потеряли бы часть своих союзников. Однако дело не только в этом. Коммунисты не могли строить свою тактику, учитывая соотношение сил лишь на внутривнутриполитической арене. Необходимо было принимать во внимание и действие таких факторов, как международная обстановка, состояние экономики и др., а они отнюдь не благоприятствовали в то время проведению некоторых революционных преобразований.

Поэтому для коммунистических и рабочих партий всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы главные политические задачи практически были одни и те же — завоевание на сторону народного фронта, а в перспективе на сторону компартии, большинства народа, а там, где это в основном уже было достигнуто, — укрепление и расширение влияния компартий. Разным был, таким образом, лишь объем этих задач в каждой стране.

Кроме того, система народных фронтов более всего отвечала условиям послевоенного урегулирования международных проблем, которое зависело не только от СССР, но и от его союзников по антигитлеровской коалиции — империалистических государств. Создание власти, опиравшейся на политическое сотрудничество различных партий, лучше всего позволяло избегать возможных провокаций со стороны империалистических сил Запада, располагавших довольно значительными средствами давления на народно-демократические страны, начиная от угрозы непризнания новых государств и их правительств до угрозы непосредственной военной интервенции. Необходимость считаться с международной обстановкой была общей для всех государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно острой она была для тех стран, прежние правительства которых выступали союзниками гитлеровской Германии. Но немалое значение она имела и для прежде оккупированных стран, так как для большинства из них в послевоенном мире встали проблемы урегулирования территориальных вопросов.

Наконец, тактика народного фронта создавала благоприятные возможности для экономического сотрудничества с частью буржуазии, что было совершенно необходимо для преодоления хозяйственной разрухи во всех рассматриваемых нами странах.

Таким образом, народный фронт отвечал, на наш взгляд, требованиям политики коммунистических и рабочих партий со всех важнейших точек зрения. Он являлся основой, на которой строились отношения пролетариата со всеми остальными классами, группами и прослойками населения. Но народные фронты в разных странах были неодинаковыми по своей мощи и авторитету. Так, в Югославии и Болгарии они сложились еще в 1941—1943 гг. и к концу войны прошли большой боевой путь, в Венгрии и Румынии народные фронты были созданы только в 1944—1945 гг. по существу уже на освобожденной территории. Естественно, соотношение политических сил в каждом из них было различным, как было оно различно во всех странах вообще.

Проблема отношений с буржуазией была, пожалуй, самой сложной для коммунистических и рабочих партий при проведении политики народного фронта. Относительно просто решался вопрос о буржуазно-помещичьих кругах, сотрудничавших с оккупантами, всякого рода коллаборационистах, военных преступниках и т. п. При активной поддержке широчайших масс населения эти круги были лишены политической власти, а в большинстве случаев и экономических привилегий. Часть из них подверглась и прямым административным репрессиям¹.

В ином положении оказались остальные буржуазные слои. Разгром гитлеровских войск и продвижение в страны Центральной и Юго-Восточной Европы Советской Армии в большинстве случаев на время парализовали политическую активность местной буржуазии. Но как только прошел первый страх и стало ясно, что Советская Армия пришла как освободитель, а не как завоеватель, буржуазные элементы активизировались. Примерно 2—3 месяца спустя после освобождения буржуазия каждой страны уже сумела организовать свои силы: создать политические партии там, где их до этого не было, организовать реакционное подполье и т. д.

Буржуазия как класс не была едина в своих устремлениях и целях. Часть ее выразила готовность сотрудничать с коммунистами в рамках народных фронтов и вошла в них по договоренности с представителями коммунистических и рабочих партий. В ряде случаев это были партии, стоявшие на защите интересов средней и крупной буржуазии. Так, в народном фронте Чехословакии участвовали национально-социалистическая и народная партии, в Венгрии — буржуазно-демократическая партия.

Другая часть буржуазии заняла резко враждебную позицию по отношению к коалиции, возглавлявшейся коммунистами, и ни в какой форме не желала сотрудничать с ними. Существовали и значительные промежуточные группы, не определившие достаточно четко своего отношения к событиям, выжидавшие и лавировавшие в сложной обстановке того времени.

В результате в большинстве стран сразу после их освобождения состав народных фронтов в политическом отношении оказался сравнительно узким. Народные фронты Югославии, Албании, Болгарии объединяли массовые общественные организации, находившиеся главным образом под влиянием компартии, и различные мелкобуржуазные, включая крестьянские, партии. Никаких политических партий или организаций вне народных фронтов здесь в первое время вообще не существовало.

¹ Разумеется, эти меры подрывали позиции класса буржуазии в целом. При этом сужение сферы влияния буржуазии в странах, переживших фашистскую оккупацию (Югославия, Албания, Польша, Чехословакия), было относительно более сильным, чем в других рассматриваемых странах, так как значительная часть национальной буржуазии здесь, главным образом антинемецкой, была истреблена гитлеровцами еще в период оккупации.

Примерно таким же в классовом и политическом отношении оказался состав народных фронтов в Польше, Венгрии и Румынии с той разницей, что буржуазия этих стран (за небольшим исключением), отказавшись сотрудничать с коммунистами, имела свои политические организации за пределами народного фронта и в противовес ему. Например, продолжали действовать в подполье и бороться с демократическим народным фронтом, возглавлявшимся коммунистами, буржуазные организации Польши. Буржуазно-помещичьи партии (национал-царанистская и национал-либеральная), не вошедшие в народный фронт и блокировавшиеся с королевским двором, составили главную силу реакции в Румынии. Еще сложнее обстояло дело в Венгрии, где народный фронт в течение довольно длительного времени оставался слабее буржуазно-помещичьих кругов, сохранивших свою власть и влияние. Из всех стран, пожалуй, в одной только Чехословакии в более или менее чистом виде осуществлялось политическое сотрудничество между партиями рабочего класса и буржуазии. Однако в последующие несколько месяцев после освобождения пополнение мелкобуржуазных партий в ряде стран происходило в большей мере за счет представителей крупного и среднего капитала, в результате чего эти мелкобуржуазные партии вскоре существенно изменили свой характер, а крупная и средняя буржуазия получила таким образом возможность дополнительного представительства в народном фронте. Так произошло в Болгарии, где группа «Звено», вошедшая в народный фронт как небольшая политическая организация интеллигенции и военных, за короткий срок превратилась в довольно сильную партию промышленного и торгового капитала. Подобным же образом изменился состав и характер партии мелких сельских хозяев в Венгрии.

Участие политических партий буржуазии в народном фронте давало ей доступ к власти, хотя степень этого участия в правительстве, в органах власти в центре и на местах в рассматриваемых странах и была различной. Сравнительно небольшой — в Югославии, Албании, Болгарии, а также в Польше, в которой крупнейшие буржуазные политические организации отказались от сотрудничества с коммунистами. Однако даже значительно ограниченная в этих странах деятельность представителей капитала в органах власти не могла не оказывать сдерживающего влияния на ход революционных преобразований. В еще большей мере это проявлялось в Чехословакии, Румынии, Венгрии, где буржуазным и буржуазно-помещичьим кругам принадлежала значительно большая роль в управлении.

Поэтому совершенно естественным было стремление коммунистических и рабочих партий обеспечить за своими представителями решающие позиции в государственном аппарате, в первую очередь в министерстве внутренних дел, полиции, органах безопасности. Это создавало большие возможности для борьбы пролетариата с внутренней реакцией и позволяло в ряде случаев использовать по отношению к своим политическим противникам принуждение. Кстати, именно эта часть государственной машины в большинстве стран была сломана наиболее решительно и радикально на одной из самых ранних ступеней революции.

Это обстоятельство, а также целеустремленность и настойчивость, которую проявляли коммунисты при реализации программы народных фронтов, заставляли руководство буржуазных партий серьезно задумываться о направлении дальнейшего развития событий. Для них самих с окончанием войны основные цели, с которыми они примкнули к национально-освободительной борьбе и блокировались с коммунистами, были достигнуты. В условиях всеобщего и резкого полевения масс и все возрастающего авторитета коммунистических партий революционные преобра-

зования, проведенные сразу же после освобождения, хотя и не выходили по своему характеру за рамки антифашистских и общедемократических и не были направлены прямо против буржуазии, как класса, косвенно содействовали сужению сферы ее влияния. Буржуазия не могла не понимать, что дальнейшие революционные преобразования обернутся против нее самой. Правда, некоторые наиболее дальновидные политики сознавали невозможность возвращения к прежним довоенным порядкам. Но эта проницательность отдельных деятелей отнюдь не была характерна для буржуазных слоев вообще. И те буржуа, которые представляли в органах народно-демократического государства, использовали этот доступ к власти в основном для саботажа революционных преобразований, для проведения своей политической линии, целью которой в конечном счете было реставрировать прежние порядки.

Более того, стремясь изменить положение в свою пользу, буржуазия в самом конце войны или вскоре после ее окончания перешла в наступление: в одних странах весной 1945 г., в других летом или осенью того же года происходит обострение взаимоотношений между партиями, участвовавшими в народных фронтах. Представители буржуазии открывают клеветническую кампанию против коммунистических и рабочих партий, против «советизации» и Советского Союза, усиливают саботаж реализации программы народного фронта, а в некоторых случаях открыто отказываются от основных ее пунктов. Одновременно активизируется деятельность реакционного подполья.

Главным союзником эксплуататорских классов выступили империалистические круги США и, особенно, Англии. Их не устраивал ни революционный характер событий, ни рост влияния СССР в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Кроме поддержки реакционных сил, США и Англия располагали и другими реальными возможностями для оказания давления на правительства народных фронтов. Острота проблем, связанных с международным признанием новых режимов, определением правового статуса стран—бывших сателлитов гитлеровской Германии, решением пограничных и территориальных вопросов в атмосфере явного ухудшения с окончанием войны отношений между основными участниками антигитлеровской коалиции, превращала международный фактор в один из важнейших по степени влияния на ход революционных преобразований².

Разумеется, действие этого фактора не было однолинейным, но в определенной степени он сдерживал и тормозил темп революционных процессов.

Тем не менее, соотношение внутренних сил, сложившееся к лету 1945 г. в европейских странах народной демократии, было для буржуазии неблагоприятным. Партии буржуазии во всех странах, за исключением Венгрии, не имели поддержки большинства населения. Как ни короток был срок со времени установления народно-демократической власти и как ни тяжелы были условия, в которых приходилось работать коммунистическим и рабочим партиям, к моменту обострения внутриполитической ситуации весной — осенью 1945 г. коммунисты сумели добиться многого в деле завоевания большинства народа на сторону возглавлявшихся ими народных фронтов.

Большое значение для развития революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы имела позиция, занимаемая крестьянством и

---

² В значительной степени следствием международной обстановки было заключение соглашений Тито — Шубашич в Югославии, введение в правительство Миколайчика в Польше, отсрочка выборов в парламент в Болгарии и т. д.

мелкой городской буржуазией, которые в большинстве этих стран составляли наиболее многочисленную часть населения.

Огромное влияние на позицию крестьянства оказало проведение аграрных реформ. Требование аграрной реформы входило в программы народных фронтов во всех странах. Но в осуществлении их решающая роль принадлежала коммунистическим партиям, которым нередко приходилось при этом преодолевать активное сопротивление эксплуататорских классов. Освобождение от гнета помещиков и получение земли фактически из рук коммунистической партии и благодаря помощи рабочих, бригадами приезжавших в деревню, превращало крестьянство в целом в крепкого и надежного союзника пролетариата. Аграрные преобразования в большинстве стран начались еще в ходе войны, и к лету 1945 г. коммунистические и рабочие партии могли уже рассчитывать на поддержку этой самой многочисленной категории населения.

Следует сказать что нерешенность крестьянского вопроса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в буржуазно-демократическом его смысле (исключение составляла Болгария) явилась величайшим резервом народно-демократической революции.

Исключительно положение, в котором оказалась Болгарская коммунистическая партия: помещиков в Болгарии не существовало, крестьянин являлся собственником своего участка. Аграрная реформа здесь могла привести лишь к некоторому перераспределению земли между хозяевами, что отнюдь не могло удовлетворить земельного голода. И тем не менее болгарское крестьянство стало надежным союзником пролетариата и в самые трудные для партии коммунистов моменты оказывало ей большую политическую поддержку.

Что касается отношения городских мелкобуржуазных слоев к новой власти, то оно зависело от нескольких обстоятельств.

Что вообще мелкий торговец, владелец какого-либо заведения, мастерской, ремесленного предприятия мог рассчитывать получить от революции, кроме национального освобождения и мира? В царстве капитализма такой мелкий буржуа страдает от конкуренции крупной монополизированной промышленности, от нехватки средств, от политического бесправия. Он хочет, чтобы государство покровительствовало его производству, предоставило ему доступный и дешевый кредит, облегчило условия быта и т. п. Во всем остальном он уповает на себя, ибо он труженик. Однако он и собственник, поэтому частная собственность для него неприкосновенна.

Но ведь именно это и получила в основном городская мелкая буржуазия вскоре после установления народно-демократической власти. Задача восстановления разрушенного хозяйства была одной из самых важных, и при ее решении немалая роль отводилась использованию энергии и инициативы мелкобуржуазных слоев. Правительства народных фронтов не только не посягнули на право частной собственности, но провозгласили покровительство частной инициативе и, по мере возможности, действительно осуществляли его, предоставляя мелким хозяевам на льготных условиях сырье, кредиты и т. п. Обстановка же хозяйственного хаоса и разрухи была благоприятна для получения определенных материальных выгод, для обогащения мелких предпринимателей. Складывавшийся во всех странах государственный сектор не затронул этой сферы хозяйства, мелкий частник оставался в родной стихии, его не беспокоил ни государственный, ни рабочий контроль. С точки зрения возможностей для своей хозяйственной деятельности мелкий буржуа не имел особых оснований быть недовольным новой властью. Конечно, и его касались тяготы послевоенной разрухи, инфляция, карточная система, недостаток

товаров. Но это было общим бедствием для всего народа, а пробужденный в годы войны к политической жизни мелкий буржуа не был лишен патриотизма.

Кроме того, среди этой категории населения коммунисты также вели большую разъяснительную работу. Через свои партии и профсоюзы, специальные организации городские мелкобуржуазные круги активно участвовали в проведении политики народного фронта, имели своих представителей в органах власти, комитетах народного фронта, во всевозможных хозяйственных, культурных и прочих комиссиях. Они открыто заявляли о своей поддержке народных фронтов и их программ, о признании ведущей роли коммунистической партии, и это было действительной поддержкой не на словах, а на деле.

Одной из характерных черт развития общественных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы весной — осенью 1945 г. было наступление сил реакции на позиции пролетариата. В этом наступлении участвовали и те слои буржуазии, которые во время борьбы с гитлеризмом справедливо считались левыми, но которые закономерно оказались на правом фланге политического фронта, как только в стране была установлена народно-демократическая власть и намеченные революционные преобразования стали проводиться в жизнь. В результате во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы весной — осенью 1945 г. имели место не только обострение внутривнутриполитической обстановки, но и серьезная борьба внутри народных фронтов.

Другой характерной чертой было то, что это наступление реакции не имело особых шансов на успех, так как к этому времени повсюду (исключение составляет Венгрия, положение в которой в определенной мере объясняется слабостью самой коммунистической партии)³ соотношение классовых и политических сил складывалось явно в пользу пролетариата и его партии. Процесс полевения и революционизирования масс трудового народа, начавшийся в годы второй мировой войны, продолжался и после ее окончания.

Нельзя не отметить также огромного влияния международных событий на ход революционных процессов. Факторы международной обстановки в большой мере лишали черт своеобразия развитие событий в каждой отдельной стране, нивелировали ситуации. Давление реакционных сил Запада оказывало тормозящее воздействие на темп революционных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Несколько слов о тактике буржуазии, а также о соотношении теории и практики коммунистических партий в период острых классовых столкновений 1944—1945 гг.

Класс буржуазии оказался тактически безоружным и не сумел ничего противопоставить коммунистической тактике народного фронта. Критикуя коммунистов и их деятельность, даже выступая против народных фронтов, буржуазные политики не смогли предложить взамен никакой позитивной платформы. Тактическая несостоятельность, по-видимому, проявилась и в том, что реакционные силы не смогли выступить организованно, единым фронтом. Немалую роль играли также отдельные ошибки, особенно в таком больном вопросе, как национальный⁴.

³ ВКП медленно восстанавливала свои силы. Только в марте 1945 г. стал издаваться центральный орган компартии, только в апреле 1945 г. произошло слияние двух ее организационных центров. К тому времени буржуазно-помещичьи силы уже успели оправиться от потрясений, связанных с военными поражениями союзной им Германии.

⁴ Национальный вопрос, как и близкий к нему вопрос о границах, оказывал

Основой тактики коммунистических и рабочих партий явилась выработанная Коминтерном еще до войны тактика народного фронта. Естественно, условия каждой отдельной страны требовали творческого отношения к использованию уже разработанных положений. Практика коммунистических и рабочих партий в годы второй мировой войны способствовала углубленному пониманию существовавших теоретических установок и их дальнейшей разработке.

В 1943 г. Коминтерн объявил о своем самороспуске, однако сотрудничество и консультации между ВКП (б) и некоторыми компартиями (например, Польши, Болгарии, Чехословакии) при разработке ими политической линии продолжались и в последующий период. Г. М. Димитров — один из тех, кто непосредственно участвовал в разработке политики народного фронта — был горячим сторонником и пропагандистом этой тактики. Он внимательно следил за особенностями ее развития и применения коммунистическими партиями при организации сопротивления в годы второй мировой войны и настаивал на ее сохранении в течение длительного времени после установления народно-демократической власти.

В целом, судя главным образом по конкретным результатам, коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы сумели правильно использовать и применить основные принципы тактики народного фронта.

События 1944—1945 гг. подтвердили правильность тактики коммунистов, в также необходимость сохранения политики народного фронта и на последующие годы. В условиях, когда буржуазия сохраняла еще определенные экономические и политические позиции, именно эта политика обеспечивала постепенное и все нарастающее сужение сферы влияния эксплуататорских классов.

большое влияние на настроение масс. Так, публичный отказ премьера польского эмигрантского правительства Арцишевского от западных польских земель был одной из причин его отставки в апреле 1945 г. и окончательной дискредитации этого правительства.

В. Д. КОПОВЕЕВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ «СВОБОДНОГО» КРЕСТЬЯНСТВА В БОЛГАРИИ В 60—70-х ГОДАХ XIX в.

Выяснение социально-экономического положения крестьян, которым удалось сохранить или приобрести права на мирийскую землю, и которые накануне освобождения Болгарии составляли большинство болгарского крестьянства¹, — вопрос большой важности. Без решения этого вопроса нельзя понять ни социально-классового, экономического содержания национально-освободительного движения болгарского народа в 60—70-х годах XIX в., ни дать оценки программы революционного движения этого периода, в частности, аграрной ее части.

А между тем социально-экономический облик «свободного» крестьянства менее всего изучен, поэтому в исторической литературе существуют по этому вопросу различные точки зрения².

Все историки — и советские, и болгарские — единодушно считают, что крестьяне этой категории были лично свободными от крепостной зависимости, вели самостоятельное хозяйство. Вопросы же о собственности болгарских крестьян на землю (являлись ли крестьяне этой категории частными собственниками земли) и о характере взаимоотношений крестьян с турецким феодальным государством являются спорными.

Обратимся к современной советской литературе. В «Истории Болгарии» эта категория определяется как «крестьяне-собственники» земли. Но наряду с признанием наличия «полной частной собственности» крестьян на землю, в «Истории Болгарии» указывается на феодальную зависимость крестьян от государства, выражавшуюся в уплате государственных налогов³. Нетрудно заметить противоречие в определении социально-экономического положения «свободных» крестьян, ибо признание полной частной собственности крестьян на землю исключало экономические основы их феодальной зависимости от государства.

¹ Исследования последних лет показывают, что доля болгарских крестьян, зависимых от турецких помещиков-чиflikчиев, в 60—70-х годах XIX в. не превышала $\frac{1}{15}$ части общего числа болгарских крестьян. Даже в районах наибольшего распространения чифликов чифликчийское (помещичье) землевладение составляло приблизительно 15—20% обрабатываемых земель (см. Л. Б е р о в. Аграрное движение в Источната Румелия по време на освобождението. «Исторически преглед», год. XII. София, 1956, кн. 1, стр. 6; Х. Х р и с т о в. Аграрният въпрос и ролята на селяните в българската революция. В кн. «Априлското въстание (1876—1966)». София, 1966, стр. 22).

² Различие точек зрения является основой для разнообразия терминов, обозначающих эту категорию крестьян. Часть историков называют их «самостоятельными мелкими сельскими хозяевами», другая — «свободными крестьянами». Мы условно называем их «свободными», беря этот термин в кавычки.

³ «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 219—222.

Не менее противоречиво определяет социально-экономическое положение этой категории крестьян и Н. Г. Левинтов, который говорит о них как о слое «свободных мелких собственников»⁴, но тут же указывает, что в связи с сохранением ряда норм мусульманского земельного права право «тапу» заключалось в признании государства подлинным владельцем мирийских земель, «признание и обязанность (крестьянина. — В. К.) выполнять все, что вытекает из мирийского землевладения». Но Н. Г. Левинтов обязанности «обладателей мирийских земель» по отношению к турецкому государству видит, по существу, только в наличии ряда «серьезных ограничений», в том, что крестьяне «не могли считать себя полными и постоянными собственниками земли»⁵. Этот вывод правилен, но односторонен. Из признания государства верховным собственником мирийской земли автор не делает вывода о присвоении государством как собственником земли феодальной земельной ренты. Правда, Н. Г. Левинтов говорит о том, что болгарское крестьянство «несло на себе... тяжелую ношу государственных налогов»⁶. Оставим пока в стороне вопрос о справедливости и точности определения существа феодального гнета термином «государственные налоги», отметим, что вопрос о налогах автор рассматривает вне связи с верховной собственностью государства на землю.

Однако главное противоречие в суждениях Н. Г. Левинтова заключается в том, что, признав зависимость крестьянства от феодального турецкого государства, он в указанной работе исключает из сферы аграрного переворота социальное, экономическое освобождение болгарского крестьянства от этого гнета⁷, ограничивая переворот освобождением феодально-зависимых крестьян от чифликчейв. В «Истории Болгарии», в разделе «Аграрный переворот в Болгарии в 1877—1879 гг.», Н. Г. Левинтов, говоря об аграрном перевороте, по-прежнему сводит его лишь к освобождению болгарских крестьян от феодальной зависимости от турецких помещиков и к захвату крестьянами части земель турецкого государственного фонда (пастбища, луга и т. п.). При этом Н. Г. Левинтов делает далеко идущий, но не подтвержденный конкретным материалом вывод о том, что результатом переворота «была ликвидация турецкого землевладения, мусульманского земельного права и различных видов феодальной зависимости»⁸.

В современной болгарской литературе социально-экономическое положение «свободных» крестьян трактуется также различно.

Д. Косев определяет эту категорию крестьян термином «самостоятельные производители», полагая, что «большая часть обрабатываемой земли еще до освобождения принадлежала болгарским крестьянам», но крестьяне были обременены налогами со стороны турецкого феодального государства⁹.

Х. Гандев и И. Снегаров считают, что эта категория крестьян имела «собственную землю». А в «Истории Болгарии» говорится, что эти крес-

⁴ Н. Г. Левинтов. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг. В кн. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953, стр. 167, 170.

⁵ Там же, стр. 180.

⁶ Там же, стр. 177.

⁷ «Аграрный переворот, — пишет Н. Г. Левинтов, — протекал в трех основных формах: а) захват земель турецких землевладельцев болгарским крестьянством, б) ликвидация всяких форм личной феодальной зависимости и личных повинностей, в) захват болгарским населением значительной части турецких казенных земель». Там же, стр. 199.

⁸ «История Болгарии», т. I, стр. 333—334.

⁹ Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 245; е го ж е. Към изясняване на някои проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в. Ист. преглед, год. XII. София, 1956, кн. 3, стр. 52.

тьяне, хотя и владели землей, но не являлись «собственниками плодов своего труда», так как их эксплуатировало и грабило турецкое феодальное государство¹⁰. И наконец, оригинальную точку зрения высказал Ж. Натан, который считает, что «хотя с формально юридической точки зрения они («свободные» крестьяне.— В. К.) и являлись в этот период собственниками земли, которой владели и на которую имели документы, подтверждающие право их собственности, но настолько были обременены налогами и так часто произвольно эксплуатировались турецким феодальным государством, местными турецкими властями и болгарскими чорбаджиями, что фактически являлись фиктивными собственниками земли»¹¹.

Из сказанного видно, что часть болгарских историков, до последнего времени составлявшая большинство, считала «свободных» крестьян полными частными собственниками земли. Такая постановка вопроса логически приводила к отрицанию экономической основы феодальной эксплуатации крестьян со стороны турецкого государства (следует, правда, заметить, что экономический гнет турецкого феодального государства в форме «государственных налогов» признается всеми авторами), оставляла в тени природу зависимости крестьян от государства — отношения собственности. Это происходило потому, что социально-экономическое положение крестьян рассматривается здесь без учета верховной собственности турецкого государства на мирийские земли, т. е. вне связи с поземельными отношениями крестьян в системе турецкого феодального государства.

В болгарской литературе имеются и другие точки зрения. Так, С. Димитров считает, что после отмены военно-ленной системы спахийские крестьяне остались на своих прежних наделах; избавившись от власти спахиев, они стали самостоятельными хозяевами, и держали землю непосредственно от государства. «Крестьянам,— замечает он,— противостоял уже не тот или иной спахия, а государство как коллективный спахия»¹². Таким образом, С. Димитров фактически признает верховную собственность государства на мирийские земли¹³.

И, наконец, по мнению Х. Христова и после реформ 30-х — 40-х годов XIX в. турецкое феодальное государство осталось верховным собственником мирийских земель. Феодальный характер поземельной собственности и формально-юридически и фактически сохранился вплоть до освобождения Болгарии. Вместе с тем, отмечает Х. Христов, нельзя отрицать и наличие элементов капиталистической собственности на мирийские земли¹⁴. На наш взгляд, такая постановка вопроса наиболее верно характеризует поземельные отношения самой многочисленной категории крестьян. Однако автор ограничился констатацией факта сохранения

¹⁰ Х. Г а н д е в. Към въпроса за периодизацията на българската история. Ист. преглед, год. VII, София, 1951, кн. 3, стр. 332; И. С п е г а р о в. По периодизацията на българската история. Ист. преглед, год. VIII, София, 1951/1952, кн. I, стр. 103—104; «История на България», т. I, София, 1961, стр. 339.

¹¹ Ж. Н а т а н. История экономического развития Болгарии. М., 1961, стр. 123.

¹² С. Д и м и т р о в. Към въпроса за отменяването на спахийската система в нашите земи. Ист. преглед, год. XII, София, 1956, кн. 6, стр. 51.

¹³ Правда, в другой работе он утверждает, что «свободные» крестьяне были почти полными собственниками мирийской земли (См. С. Д и м и т р о в. За классовото разслоение сред селяните в Североизточна България през XVIII и началото на XIX в. «Известия на Института за история», кн. 8. София, 1960, стр. 227).

¹⁴ Х. Х р и с т о в. Някои проблеми на перехода от феодализма към капитализма в историята на България. Ист. преглед, год. XVII, София, 1961, кн. 3, стр. 100—101; с г о ж е. Аграрният въпрос и ролята на селяните в българската националната революция, стр. 23.

верховой собственности государства на землю, не исследовав экономических отношений крестьян и государства.

Для выяснения проблемы ее следует разделить на два вопроса: первый — об отношении крестьян к мирийской земле как к важнейшему средству производства; второй — о характере экономических взаимоотношений болгарского крестьянства и турецкого феодального государства.

Как известно, изменения в аграрных отношениях в Болгарии были юридически оформлены только 21 апреля 1858 г. «Законом о землях»¹⁵. В результате отмены военно-ленной системы утверждалась прямая государственная собственность на мирийские земли, к их категории были отнесены все земли, владение которыми было оформлено тапиями (земли частного пользования — пашни и луга, пастбища и леса и т. д.). «Верховная собственность на мирийские земли, — говорилось в Законе, — принадлежит государственной казне...». Мирийские земли переуступались, передавались органами османского государства во владение и пользование частным лицам¹⁶.

Отмечая наличие верховной собственности государства на землю, характерное для турецкого феодализма, К. Маркс имел в виду не только далекое прошлое, эпоху классического турецкого феодализма, но и вторую половину XIX в.¹⁷ Право верховной собственности турецкого государства на землю не было юридической фикцией. Опираясь на это право, турецкое феодальное государство устанавливало значительные ограничения в землевладении, различным образом регламентировало пользование земель. Так, крестьянин, более трех лет не обрабатывавший участок земли без уважительных причин, как и прежде лишался права владения им. Владелец мирийской земли не мог передать участок без согласия органов государства. Всякая передача мирийской земли без такого разрешения объявлялась недействительной. Мирийские земли могли передаваться по наследству, но без санкции властей наследовать могли только ближайшие родственники. Законом санкционировалась купля-продажа мирийских земель, но вводилось право предпочтительности купли-продажи. На мирийской земле запрещалось возводить постройки, сажать фруктовые деревья, сеять рис. Всякого рода ограничения и регламентации существовали при пользовании лугами и пастбищами. Минеральные богатства, полезные ископаемые, имеющиеся на мирийских землях, оставались собственностью государства, без разрешения которого нельзя было даже производить, например, кирпич и черепицу¹⁸.

Как видим, закон, подводивший итог реформам 1832—1834 гг., свидетельствует об их феодальном характере; в «Законо о землях» сохранялась верховная собственность государства на мирийские земли, составлявшие большую часть обрабатываемых земель и не являвшиеся безусловной неограниченной и полной собственностью «свободных» крестьян и других держателей этой категории земли.

¹⁵ «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, София, 1959, стр. 14—39. В «Законо о землях» от 21 апреля были кодифицированы как основные нормы старого поземельного законодательства, так и акты, изданные после провозглашения танзимата на протяжении с 1839 по 1858 г., которыми регулировались отдельные стороны поземельных отношений (подробно см. Ф. М и л к о в а. Развитие и характер на османското поземлено законодателство от 1839 до 1878 г. Ист. преглед, год. XXI, София, 1965, кн. 5, стр. 31—55).

¹⁶ «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 15.

¹⁷ К. М а р к с. Капитал, т. III, М., 1949, стр. 804.

¹⁸ «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 16—31.

Вместе с тем уже в ходе реформ турецкое феодальное государство было вынуждено в результате классовой антифеодальной борьбы болгарского народа сделать некоторые уступки развивавшимся капиталистическим отношениям. Так хатт-и-шерифом 1839 г. провозглашалось уравнение мусульман и немусульман в правах распоряжения имуществом, за христианами признавалось право приобретать землю и владеть ею. Это было подтверждено и в «Закоме о землях» от 21 апреля 1858 г.¹⁹, устанавливавшим основы, на которых земля могла стать предметом купли-продажи. После 1858 г. турецкое феодальное государство под возрастающим напором классовой и национально-освободительной борьбы угнетенных народов сделало в поземельных отношениях ряд новых уступок развитию капитализма. Законом от 21 мая 1867 г. круг наследников на мирийские и вакуфные земли был расширен в пределах родства до седьмого колена²⁰, а правила от 2 и 27 декабря 1869 г. разрешали продавать земли должников без их согласия, расширяли возможности заклада и продажи мирийских и вакуфных земель за долги²¹.

В результате реформ мирийская земля была широко вовлечена в торговый оборот. Более того, государство само стремилось передать пустующие земли государственного фонда (так называемые земли «меват») в частное пользование, что вело к увеличению фонда мирийских земель. При этом, как свидетельствуют данные аграрной переписи, проведенной русским гражданским управлением, выкупная плата даже в районе товарного зернового хозяйства (Добруджа) «была не велика»²², а в Ловченском и Севлиевском округах государство продавало землю «за ничтожную цену». Правда, этим обстоятельством воспользовались богатые турки, главным образом чиновники, которым было поручено проведение учета земель и которые, скупив земли по низким ценам, часть из них превратили в собственные владения, а часть распродали по спекулятивным ценам²³. Многие крестьяне явочным порядком начинали обрабатывать пустующие земли, а государство вынуждено было официально это санкционировать, ведя, однако, строгий учет новых владений²⁴.

Если к этому добавить, что часть земель, оставшихся после реформ в руках турецких феодалов (чиflikчиев), постепенно была продана ими болгарским крестьянам, то можно сделать вывод, что передача земли новому держателю приняла форму купли-продажи.

Все это, естественно, имело важные последствия. Сила векового наследственного владения, право непосредственных производителей в известных рамках распоряжаться своими участками, избавление от вмешательства спахия в хозяйственную деятельность крестьянина, купля и продажа земли, отсутствие личной зависимости, свободная перемена места своего жительства, все это порождало у крестьян взгляд на мирийскую землю как на свою собственность, создавало тенденцию к превращению держания в парцелльную крестьянскую собственность, свидетельствовало о постепенном становлении буржуазной собственности на землю.

¹⁹ Там же, стр. 21—24.

²⁰ Там же, стр. 113—117; Ф. М и л к о в а. Към въпроса за развитието на наследствените права върху мирийските земи през периода 1839—1877 г. Ист. преглед, год. XVII, София, 1961, кн. 3, стр. 73—82.

²¹ «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 125—128.

²² Централный Государственный Военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 430, д. 214, л. 243—260; д. 205, л. 316—317.

²³ Х. Г а н д е в. Турски извори за аграрната история на България през Възраждането. Ист. преглед, год. X, София, 1954, кн. 2, стр. 124.

²⁴ Там же, стр. 125.

Поэтому для утверждения, будто турецкий феодализм сохранил свое господство в «полной мере»²⁵ нет основания.

Однако этот процесс был еще далек от своего завершения. Важнейшим препятствием на пути полного утверждения буржуазной собственности на землю являлась необеспеченность даже провозглашенных реформами прав крестьян на владение землей, произвол, который творили турецкие феодалы при прямой поддержке государственных официальных органов, захваты крестьянских земель турецкими феодалами, продолжавшиеся вплоть до освобождения Болгарии. О таких захватах крестьянских и общинных мирийских земель имеются данные в аграрной переписи русского гражданского управления²⁶ и в донесениях русских дипломатических чиновников в Болгарии. Так, Н. Геров, вице-консул в Филиппополе, в своих донесениях, отмечая наличие права крестьян на владение землей²⁷, неизменно подчеркивал необеспеченность этого права: «самое вредное для христиан содействие, оказываемое местными властями туркам для отнятия у христиан под разными предлогами недвижимых имуществ, проданных им хотя бы за двадцать лет перед сим с соблюдением всех установленных форм. И что важнее, зло это с каждым днем усиливается. С некоторых пор, можно сказать, только этого рода тяжбы и рассматриваются в межджисе и мехеме и решаются всегда в пользу турок»²⁸.

Проблема необеспеченности земли болгарских крестьян от захвата со стороны турецких феодалов постоянно присутствует в социально-экономических и политических обзорах и донесениях Н. Герова²⁹, а в 1870 г. он со всей категоричностью делает вывод о том, что в Болгарии, несмотря на все провозглашенные реформы, в действительности имеет место «отсутствие обеспечения имущества, чести и жизни христиан»³⁰.

Идентичную оценку поземельных отношений на севере Болгарии дал русский генеральный консул в Русуке А. Мошнин, который в 1873 г. в экономическом обзоре Болгарии, отмечая известные изменения в поземельных отношениях после 1858 г., писал: «...земледельцу все-таки не дано еще тех гарантий во владении землею, которые в Европе считаются существенными. За болгарским земледельцем некоторым образом признается право владения землей, ибо с некоторых пор он получил возможность располагать своею землею, передавать ее по своему усмотрению, хотя земля по-прежнему считается исключительно принадлежащей султану и землепашец есть временный ее эксплуататор»³¹. А. Мошнин подчеркивает несколько раз, что земля не принадлежит болгарскому крестьянину, а находится в его пользовании³², и делает вывод, что неопределенность прав крестьянина на землю является одной из причин отсталости сельского хозяйства Болгарии, наличия больших площадей необработанных

²⁵ Ж. Н а т а н. Към въпроса за първоначалното натрупване на капитала в България. «Известия на икономическия институт», кн. 1—2, София, 1954, стр. 18; А. Б у р м о в. За ролята на класовите сили в България през епохата на Възраждането. «Отечествен фронт», 23 IX 1953.

²⁶ ЦГВИА, ф. 430, д. 209, л. 202; д. 214, л. 11—12; Н. Л е в и т о в. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения..., стр. 146—148.

²⁷ «Документи за българската история», т. II, София, 1932, стр. 151.

²⁸ «Документи за българската история», т. I, София, 1931, стр. 49.

²⁹ В этом отношении характерен обзор Н. Герова от 7 января 1861 г., где он писал о том, как теряют земельную собственность, купленную от помещиков «с соблюдением всех законом установленных формальностей», крестьяне, которые имеют «документы на законное владение ею»; «тысячи крестьян, купившие вакуфные земли, также теряют свои земли». Как указывает Н. Геров, «свидетельством двух турок всякий письменный документ теряет свою силу». (Там же, стр. 203).

³⁰ Там же, стр. 562.

³¹ «Материалы для изучения Болгарии», вып. III. Букарешт, 1877, стр. 36.

³² Там же, стр. 37, 45.

плодородных земель, «так как мало у кого чувствуется надобность тратить деньги, чтобы иметь землю лишь для обработки»³³.

В заключение следует сказать, что комиссия, образованная в мае 1877 г. руководителем гражданского управления кн. В. Черкасским из видных болгарских политических буржуазных деятелей (Н. Геров, Ф. Бурмов, Х. Стоянов и др.), отметив известные сдвиги в поземельных отношениях в сторону расширения прав крестьян на владение мирийскими землями, пришла к выводу, что земли мира принадлежат всецело государству, а чиновники при губернаторе, и позже при административных советах вилаетов, «как представители собственника земли — государства, заведывали уступкою государственных земель частным лицам»³⁴. Комиссия отметила, что в Болгарии «владение землею имеет характер полной собственности только в землях мюльк»³⁵. Следует заметить, что подобная оценка поземельных отношений была подтверждена после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. российским комиссаром А. М. Дондуковым-Корсаковым и учитывалась при выработке аграрной политики русского гражданского управления в освобожденной Болгарии³⁶.

Таким образом, болгарские крестьяне до самого освобождения страны от турецкого ига не были полными собственниками мирийской земли; верховным собственником земли оставалось турецкое феодальное государство. Это не противоречило тому, что большая часть земель находилась во владении «свободных» крестьян. В условиях, когда верховным собственником земли является государство, писал К. Маркс, «...существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»³⁷.

Поземельные отношения в Болгарии до ее освобождения в своей сущности остались феодальными. Турецкое феодальное государство, санкционируя куплю-продажу и другие акты перехода мирийских земель от одного владельца к другому, обставляло их одним, казалось бы, «незначительным» условием: оформлением «тапу» на нового владельца. Но нельзя сводить эту операцию к простой формальности, к простой операции в интересах фиска³⁸. Главное состояло в том, что через систему «тапу» государство строго следило за тем, чтобы феодальные повинности, которыми был обложен участок земли, при переходе его к новому владельцу переносились и на него, дабы не уменьшилось поступление в казну феодальной ренты³⁹.

Все или почти все феодальные повинности были перенесены с личности крестьянина на землю. В этих условиях земля свободно отчуждалась на

³³ Там же, стр. 48.

³⁴ «Материалы для изучения Болгарии», вып. IV, 1877, стр. 8—9.

³⁵ Там же, стр. 27.

³⁶ «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.» Под ред. Овсяного Н. Р. вып. 5, СПб., 1903—1907, стр. 284—288.

³⁷ К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 804.

³⁸ За оформление документа на владение («тапу») взыскивался незначительный разовый сбор.

³⁹ Первыми актами турецкого государства периода тапзимата в области аграрных отношений было распоряжение о строжайшем учете мирийских земель (Ф. М и л к о в а. Указ. соч., стр. 34). И в последующие годы основной задачей земельных органов было установление контроля над обрабатываемыми землями, тщательный их учет. В 1860—1870-х годах в Болгарии дважды проводилась перерегистрация крестьянских земель. Были составлены поземельные реестры и выданы «тапу» на незарегистрированные земли. (См. «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 97—180, 133—137; Х. Г а п д е в. Турски извори за аграрната история на България през Възраждането. Ист. преглед, год. X, София, 1954, кн. 2, стр. 125).

основе «тапу»⁴⁰. Более того, каждая уступка со стороны государства, позволявшая крестьянам более свободно распоряжаться землей, как увидим, сопровождалась увеличением размеров земельной ренты. Государство было непосредственно заинтересовано в том, чтобы передать крестьянам возможно большие земельные площади из государственного фонда и обложить эти земли возможно большей рентой⁴¹. И поскольку в основе этой политики лежало непреодолимое противоречие, результаты не всегда были в пользу государства. В Болгарии до освобождения налицо имелись большие площади необработанных земель, хотя болгарское крестьянство в своей массе, как это признано всеми исследователями, страдало от малоземелья. Все это, в частности, затрудняло процесс капиталистической концентрации земли. На пути развития производительных сил в сельском хозяйстве стояло турецкое феодальное государство. Отсюда основным объективным содержанием крестьянского движения была борьба за превращение земли в свободную крестьянскую собственность.

Мы подошли к рассмотрению второй стороны проблемы: вопроса о характере экономических взаимоотношений болгарского крестьянства и турецкого феодального государства. Сущность феодальных отношений между болгарскими крестьянами, обладателями мирийских земель, и турецким государством заключалась не только и не столько в тех ограничениях в землевладении, которые рассмотрены выше, сколько в сохранении и размерах феодальной ренты, уплачиваемой турецкому государству как верховному собственнику земли. Именно в этом смысле право верховной собственности государства на землю не было простой юридической фикцией. «Суверенитет здесь — земельная собственность», — писал К. Маркс⁴². Феодальная же земельная собственность реализуется через ренту. «Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда...»⁴³.

Феодальное государство как верховный собственник земли по-прежнему присваивало прибавочный труд крестьянина или прибавочный продукт его труда. И после реформ эксплуатация «свободных» крестьян по своей сущности осталась феодальной. Если до танзимата государство часть централизованной ренты отдавало турецким феодалам в виде ленов, и крестьянин часть ренты выплачивал государству, а часть спахию, то после ликвидации военно-ленной системы рента была полностью централизована, взимание ее почти во всем объеме перешло в руки государственного аппарата, который и осуществлял функции внеэкономического принуждения⁴⁴. В держание турецким феодалам давались теперь не лены, а определенные и многочисленные «доходные» должности в центральном государственном аппарате, или вилаетском, санджакском и

⁴⁰ В болгарской литературе приводятся образцы «тапу» и во всех случаях в них не только напоминает, что земля принадлежит государству, но и указывается, что на землю новому лицу «дается разрешение на владение при условии уплачивать каждый год шериятскую десятину» (Ф. М и л к о в а. Към въпроса за развитието на наследствените права..., стр. 81; «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 127; Г. Г ъ л ъ б о в. За осовните начала на поземелната собственост в Османската империя и специално в България под турско владичество. «Годишник на Софийския университет», т. 43, София, 1946—1947, стр. 54).

⁴¹ Х. Г а н д е в. Турски извори за аграрната история на България през Възраждането, стр. 125.

⁴² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

⁴³ Там же, стр. 805.

⁴⁴ Это обстоятельство подметили составители «Материалов для изучения Болгарии». Излагая закон в вилаетах, редакция сделала примечание: «Администрация почти в полном своем составе принимает непосредственное участие в финансовых делах. Это участие составляет один из существенных принципов турецкого управления, так как главная забота правительства заключается в собрании с населения возможно большего количества податей» («Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 52).

г. п. Источником всех материальных благ правящего феодального класса, всех ступеней его иерархической лестницы оставалась земельная рента. Даже бывшие спахии, которым не довелось превратить свои лены в чифлик, получали свою часть ренты в виде государственной пенсии, установленной им пожизненно.

Таким образом, основа ренты осталась прежней — верховная собственность на землю, и класс, присваивающий эту ренту, тоже остался прежний — класс турецких феодалов. Не изменился и размер земельной ренты, изменилась только форма распределения централизованной феодальной ренты. За время реформ произошла только ее частичная фальсификация или трансформация некоторой ее части в различные государственные налоги, которые превратились в своего рода дополнительную централизованную ренту.

Напомним указание К. Маркса о том, что в восточных феодальных державах, где верховная собственность на землю принадлежит государству, феодальная рента и налог совпадают, т. е. вернее, не существует налога, который отличался бы от земельной ренты⁴⁵. К сожалению, ни в советской, ни в болгарской литературе нет конкретного исследования, посвященного историческому развитию фискальной системы в Болгарии в связи с танзиматом в целом и Уставом о финансах, в частности, не выяснены конкретные пути превращения феодальной ренты в форму государственных налогов⁴⁶. Не претендуя на всестороннее выяснение вопроса, укажем только на некоторые характерные черты турецкой налоговой системы в Болгарии во второй половине XIX в. Согласно особому уставу о финансах 1867 г. повинности болгарских крестьян делились на 3 категории: 1) «верги», 2) «бедель», 3) десятина и другие повинности⁴⁷. Рассмотрим кратко каждую категорию по существу.

«Верги» — подоходный налог, который взимался со всех подданных империи, владевших движимым и недвижимым имуществом⁴⁸. Поскольку Гюльханейский рескрипт провозгласил неприкосновенность жизни, чести и имущества всех подданных империи, а новый султанский рескрипт (хатт-и-хумаюн) 1856 г. объявлял равенство мусульман и немусульман в правах на владение недвижимой собственностью, соответственно этой мере, способствовавшей утверждению буржуазной собственности, должна была перестроиться и фискальная система. Еще Гюльханейский рескрипт обещал установить регулярное распределение и взимание податей и отменить откупную систему⁴⁹. При осуществлении этой меры, несомненно, был бы сделан большой шаг в направлении капиталистического развития. К. Маркс отмечает, что отношение между земельным собственником и плательщиком денежной ренты приобретает характер договорного, чисто денежного отношения. По словам К. Маркса, в этом случае «... возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором», что, в конце концов, облегчает крестьянину возможность экономического ос-

⁴⁵ К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 804.

⁴⁶ Классификация ренты в XV—XVI вв. дана в работах В. Мутафчиевой «Аграрные отношения в Османската империя през XV—XVI в.» (София, 1962, стр. 212—244) и «De l'exploitation feodal dans les terres de population bulgare sous la domination turque au XV et XVI s.» (в кн. «Etudes historiques», S. 1960, p. 145—170); в работах Б. Цветковой «Турский феодализм и положение на болгарский народ до начала XIX в.» (Ист. преглед, год. XI, София, 1955, кн. 1, стр. 68—77), в кн. «Турский феодализм и болгарский народ» (София, 1962, стр. 50—61) и в кн. «Извъредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт» (София, 1958).

⁴⁷ «Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 53.

⁴⁸ Там же, стр. 85.

⁴⁹ Х. А р н а у д о в. Пълно събрание на държавните закони, уставы, наставления и високите заповеди на Османската империя, т. I, Цариград, 1871, стр. 5.

вобождения от феодального гнета⁵⁰. Но эта возможность могла превратиться в действительность только при условии развитого капиталистического способа производства в городе, чего не было в Турции.

Введение подоходного налога явно было заимствовано Турцией из налоговой практики наиболее развитых европейских капиталистических стран. Но поскольку реформы исходили от класса феодалов, стремившихся в конечном счете остановить распад Османской империи, сохранить феодальное господство над болгарским и другими народами, система подоходного налога «верги» сохраняла элементы феодальных методов исчисления.

«Верги» объединял три вида подоходного налога: «емляк» — налог со стоимости недвижимого имущества; «ижар» («иджар») — налог с доходов от недвижимого имущества; «теметю» («теметаут») — налог с заработка каждого мужчины в возрасте от 16 до 65 лет⁵¹. Нетрудно заметить, что недвижимое имущество здесь облагается дважды — налог с его стоимости («емляк») и налог с доходов от него («ижар»), т. е. в основе категории «верги» лежит тот же метод взимания феодальной ренты периода классического феодализма, когда она присваивалась феодалами и в форме поземельных платежей и в форме поборов с продуктов труда. Кроме всего прочего «емляк», применительно к мирийской земле, означал не что иное, как трансформированную часть феодальной ренты, взимаемой ранее как поземельный налог под самыми различными наименованиями, но чаще всего под названием «испенче»⁵². Но если тогда его присваивали феодалы, то теперь — государство.

В системе «верги» «емляк», как воплощение части земельной ренты в перерасчете на отдельное крестьянское хозяйство, по данным А. Мошнина, составлял одну третью часть (из 300 грошей «верги» — 100 грошей «емляка») ⁵³.

«Емляк», как налог, распространялся и на мирийские земли, которыми владел крестьянин⁵⁴. Более того, «емляк» был своеобразным выкупом, который выплачивал крестьянин за свои права распоряжаться мирийскими землями, которые были расширены в ходе реформ⁵⁵. Подати и повинности, писал В. И. Ленин, даже после реформы сохраняют на себе громадные следы средневековья⁵⁶.

Общая сумма «верги» назначалась министерством финансов произвольно, в зависимости от нужд государства (только за один 1866 г. налог «верги» увеличился на одну треть). Так же произвольно, по усмотрению администрации, он раскладывался по городам и селам Болгарии. Обе-

⁵⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 814.

⁵¹ «Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 88—89.

⁵² В. Мутафчиева. Феодальная рента, присваивана от ленния държател в Османската империя соглед на нашите земи през XV—XVI в. «Известия на Института за българска история», т. 7. София, 1957, стр. 179 и др.; Б. Цветкова. Принос към изучаването на турския феодализъм в българските земи през XV—XVI в. «Известия на Института за българска история», т. 6. София, 1956, стр. 129—131.

⁵³ «Материалы для изучения Болгарии», вып. III, 1877, стр. 46.

⁵⁴ А. Мошнин писал в своем докладе, что «емляк» взимается с земли, «сму (крестьянину. — В. К.) не принадлежащей и за которую он платит 4 гроша с денюма в год» (там же, стр. 45). В таблице налогов, уплачиваемых отдельным крестьянским хозяйством, А. Мошнин исчисляет «емляк» со всей крестьянской земли. Средний размер крестьянского участка он определяет в 25 денюмов, а общую сумму валога, соответственно в 100 грошей (там же, стр. 46).

⁵⁵ Это обстоятельство подметил и А. Мошнин. В своем докладе он писал, что «за болгарским земледельцем некоторым образом признается право владения землею» (там же, стр. 36), «ныне же введена подать за владение землею 4 гроша с денюма («емляк»)» (там же, стр. 42).

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 97.

щанное «справедливое» распределение налога турецким правительством было вверено болгарским чорбаджиям⁵⁷. Оседавшая в руках чорбаджиев часть налога являлась экономической основой связи последних с турецким феодальным государством.

В 1870-х годах в Болгарии проводится сплошная регистрация имущественного состояния населения, создаются кадастры объектов налогового обложения⁵⁸ как поземельные, так и промысловые. Переход от подушного обложения, хотя и классифицированного в зависимости от имущественного положения, к обложению объектов дохода, означал, казалось бы, внедрение буржуазно-капиталистических порядков в налоговую систему. Однако, во-первых, завершение кадастровых работ повлекло за собой новое увеличение налога «верги». Так, только в Дунайском вилаете он возрос на 34%⁵⁹. «Верги», как налог, складывался из нескольких десятков отдельных платежей и затрагивал почти все области хозяйственной деятельности налогоплательщиков, причем как непосредственных производителей, так и торгово-промышленной буржуазии. Усилия господствующего эксплуататорского класса были рассчитаны в конечном итоге на то, чтобы через систему «верги» извлечь возможно больше прибавочного и необходимого продукта от непосредственного производителя⁶⁰ (крестьянина, ремесленника, наемного рабочего). Во-вторых, еще до проведения кадастровых работ, сбор «верги» был отдан на откуп⁶¹, откупщиками его выступали представители господствовавшего эксплуататорского класса. Сама система откупа, со всеми ее последствиями, означала сохранение пережитков ленной системы.

Из сказанного видно, как сложно в рассмотренной категории налога сочетались старые и новые начала. Но феодальная сущность экономического гнета состояла не столько в том, что в категории налога «верги» были редуцированы многие существовавшие до танзимата способы взимания феодальной ренты, сколько в том, что наряду с введением категории «верги» осталась без изменения основная система уплаты земельной ренты болгарским крестьянином турецкому государству в виде десятины с продуктов земледелия, «беглика» (десятина с овец) и «беделя». «Верги», как увидим ниже, был только своего рода дополнением к централизованной ренте.

Рассмотрим следующую категорию налогов — «бедель». «Бедель» формально представлял собой военный налог, взимавшийся исключительно с христианского населения за освобождение его от воинской повинности. В действительности же «бедель» был не чем иным, как видоизмененной частью феодальной земельной ренты, которая взималась до танзимата в виде подушного налога с христианского мужского населения под названием «харач» («харадж») или «джизие». Им облагались мужчины в возрасте от 15 до 75 лет, здоровые телесно и душевно, т. е. способные тру-

⁵⁷ О распределении «верги» см. П. Г р у е в. Моите спомени. Пловдив, 1906, стр. 12; «История на България», т. I. София, 1961, стр. 340.

⁵⁸ Первый том кадастра издан Институтом истории БАН. К сожалению, в нем содержится кадастр только одной казы Добричка (Добруджа). См. «Извори за българската история», т. V. Турски извори за българската история, т. II. Составители Х. Гандев и Г. Гълъбов. София, 1960.

⁵⁹ «Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 88. По турецкой империи налог возрос с 46 млн фр. в 1856 г. до 75 млн фр. в 1875—1876 гг. (там же, стр. 87).

⁶⁰ К сожалению, из-за отсутствия статистических данных о стоимости произведенных продуктов в отдельном среднем крестьянском хозяйстве невозможно определить, какую долю труда крестьянина (неоплаченный прибавочный труд) присваивало турецкое феодальное государство в форме налога «верги».

⁶¹ «История на България», т. I, стр. 397.

даться в поле⁶² и, следовательно создавать прибавочный продукт, который и присваивался фиском⁶³.

Реформами танзимата «харач» был отменен, но вскоре восстановлен в форме — «беделея»⁶⁴, в основе исчисления которого лежали те же принципы. Он взимался исключительно со здоровых мужчин, теперь в возрасте от 12 до 60 лет, т. е. способных трудиться и создавать прибавочный продукт⁶⁵. Помимо этого он являлся выражением национальной дискриминации, так как взыскивался только с христиан, что было прямым нарушением провозглашенных принципов реформ.

Если о категории «верги» можно говорить как о форме налога, характерной для буржуазно-капиталистического общества, в которой в условиях феодальной Турции рецитуировались некоторые старые виды феодальной земельной ренты, а о «беделе» как о видоизмененном подушном налоге («харач»), то десятина была ничем не прикрытой феодальной земельной рентой, ранее уступаемой государством феодалам-ленникам, теперь же централизованной и собираемой самим государством как верховным собственником земли.

Десятина составляла самую значительную долю из общей суммы всех трех категорий налогов (десятины, «беделея», «верги»). С 1856 по 1876 г. десятина возросла по Турецкой империи не только абсолютно (с 50 млн фр. до 156,5 млн фр.), но увеличилась и относительно в общей сумме рассмотренных налогов (если в 1856 г. на десятину приходилось около 46% всей суммы сборов, то в 1872 г. она составляла 64,9%, в 1876 г. — 62,7%)⁶⁶. «Верги» и «беделея» по империи выросли с 1856 г. по 1876 г. в 1,5—1,6 раза, десятина же выросла за это время в 3 раза.

Соответственно такая же картина наблюдалась и в Болгарии. Интересные данные из периодической печати 60—70-х годов XIX в. собрал академик М. Димитров по Дунайскому вилаету, где десятина (без «беглика») до 1867 г. составляла 40% всех доходов казны. Только в 1867 г. сбор десятины в вилаете увеличился на 15 млн грошей (с 53,4 млн грошей в 1866 г. до 68,4 млн грошей в 1867 г.), а за 1868 г. десятина выросла на 58,4%, достигнув 108 млн грошей⁶⁷. За три года сбор десятины удвоился, она прочно заняла первое место среди сборов Дунайского вилаета⁶⁸.

⁶² Б. Недков. Поголовният данък в Османската империя с оглед на България. Ист. преглед, год. II, София, 1945—1946, кн. 1, стр. 21 и след. Б. Недков показал, что «харач» не только по существу был поземельным налогом, но и по этимологическому происхождению слово «харадж» означало поземельный налог, а слово «джизие» означало «поголовный».

⁶³ В. Мутафчиева. Аграрните отношения..., стр. 236—238. С. А. Никитин. Описание экономического состояния юго-восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. «Славянское возрождение», М., 1966, стр. 173—174.

⁶⁴ Б. Недков. Указ. соч., стр. 30—31.

⁶⁵ А. Мошнин замечает, что для уплаты налога взамен освобождения от рекрутской повинности назначался возраст 12 лет не потому, что детей в 12 лет можно брать в рекруты, а так как «мальчики христиане начинают помогать своим родителям в обработке поля, т. е. в добывании средств к жизни, почти с 12 лет» («Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 92). Следует заметить, что на прямую преемственность налогов «харач» и «беделея» указывают и деятели Одесского болгарского настоятельства (там же, стр. 89).

⁶⁶ «Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 69—96.

⁶⁷ «История на България», т. I, София, 1961, стр. 396—397.

⁶⁸ Это обстоятельство признавалось официальными властями вилаета. Так, в звании вилаетского управления от 14/26 мая 1875 г. к плательщикам десятины говорилось, что «десятина составляет для государства самый большой источник дохода» («Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 139).

Из приведенной А. Мошниним таблицы налогов по вилаету за 1870 г.⁶⁹ можно сделать заключение, что десятина (без «беглика») составила более половины всех налогов (включая в последние и «беглик»); на десятину и «беглик», вместе взятые, приходилось 66% от всех повинностей по вилаету.

Таким образом, Турция взимала с Болгарии большую часть дани в виде феодальной земельной ренты, львиная доля поступлений в казну турецкого государства от Болгарии приходилась на доходы от феодальной эксплуатации крестьянства, владевших мирийскими землями. При этом централизация ренты достигла в 70-х годах исключительно высокой степени. М. Димитров вычислил, что из собранных по Дунайскому вилаету доходов 74,8% отправлялись в Константинополь в распоряжение центральных властей и только 25,2% оставалось в вилаете, но и они шли на содержание администрации и войска⁷⁰. Турецкое государство являлось для болгарского крестьянства непосредственным феодальным эксплуататором.

Мы рассмотрели вопрос о доле земельной ренты в доходах Османской империи и, в частности, по Дунайскому вилаету, в состав которого входила большая часть Болгарии. Какую же долю составляла феодальная земельная рента среди всей суммы налогов взыскиваемых с отдельного, среднего крестьянского хозяйства, основной земельный фонд которого составляли мирийские земли⁷¹.

Мы не останавливаемся на вопросе дифференциации болгарского крестьянства, имевшей место в исследуемый период из-за ограниченности объема этой статьи.

А. Мошнин сообщает, что болгарский крестьянин, владелец среднего хозяйства, платил в год различных налогов 1382,5 гроша⁷². Приблизительно такие же данные сообщает и Л. Каравелов: «Каждый поселянин, у которого есть земля, по теперешнему положению должен платить от 300—1200 пиастров»⁷³. Если разделить повинности «свободного» крестьянина на государственные налоги и феодальную земельную ренту, исходя из того двойственного положения, которое он занимал в системе

⁶⁹ По официальным источникам, которыми пользовался А. Мошнин, в 1870 г. по вилаету собрано было всех налогов 36 654 тыс. фр. (в том числе: «верги» — 5061 тыс. фр., «беделя» — 2325 тыс. фр., «беглики» — 5452 тыс. фр., разных пошлин — 4 32 тыс. фр., десятины — 18 980 тыс.). А. Мошнин или редакция сборника, видимо, допустили ошибку в подсчете суммы «беглика», указав в таблице только 504 тыс. фр. По если из общей суммы налогов вычесть сумму налогов без «беглика» (36 654 тыс. фр. — 31 198 тыс. фр.), то на последний придется 5452 тыс. фр. («Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 43).

⁷⁰ «История на България», т. I, София, 1961, стр. 399. М. Димитров произвел подсчет на основе данных, опубликованных в вилаетском офицозе «Дунав» от 22 марта 1867 г. На основе официальных источников за 1870 г. А. Мошнин дает другое распределение доходов между центральными и местными властями: из 36 354 тыс. фр., собранных по Дунайскому вилаету, в константинопольскую казну поступило 29 434 тыс. фр. (около 81%). В вилаете израсходовано 6920 тыс. фр. (около 19%). Интересны статьи расхода: на администрацию, полицию, жандармов, тюрьмы, т. е. исключительно на аппарат принуждения («Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 43).

⁷¹ А. Мошнин, как говорилось выше, составил описание такого типа хозяйства, земельный участок которого состоял из 25—30 денюмов мирийской земли плюс небольшая часть, занятый жилищем и гумном (мюльом). В собственности крестьянина находились пара волов, одна лошадь, одна корова, 20 овец, две свиньи («Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 45—46).

⁷² «Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 47.

⁷³ «Публицистиката на Любен Каравелов». София, 1958, стр. 214. В аграрной переписи русского гражданского управления по Старо-Загорскому округу указывалось, что «болгарин среднего состояния уплачивал в год налогов до 40 рублей; в переводе на пиастры (гроши) по курсу того времени это составляло приблизительно 800 грошей (ЦГВИА, ф. 430, л. 209, л. 223).

феодалного турецкого государства как его подданный и как мелкий производитель, феодальнозависимый от этого государства (это деление, естественно, будет в значительной степени искусственным), то при таком делении земельная феодальная рента занимала относительно большую долю во всем объеме экономического бремени, тяготевшего над крестьянином.

Так, если из общей суммы налогов (1382,5 гроша) выделить феодальную ренту (десятину — 337 грошей, «беглик» — 80 грошей, «серчим» — 20 грошей, налог с виноградников и вина — 249,5 гроша, поземельный налог за 25 денюмов мирийской земли — 100 грошей, на корм чиновникам и фураж для их лошадей — 100 грошей), то она составит 886,5 гроша⁷³, т. е. свыше 64% всех повинностей крестьянского хозяйства⁷⁵.

Итак, большая часть прибавочного продукта труда крестьянина присваивалась государством в виде ни чем не прикрытой феодальной земельной ренты. Эксплуатация крестьянства в своей основе носила феодальный характер. Размер феодальной ренты, как известно, есть обобщенное выражение степени феодальной эксплуатации. В Болгарии величина феодальной ренты, уплачиваемой непосредственно производителями, в 60—70-х годах XIX в. нарастала. Хотя по смыслу закона, десятина должна была составлять десятую часть урожая, само государство, чтобы сверстать бюджет⁷⁶, увеличивало под разными предлогами десятину до восьмой и даже шестой части урожая⁷⁷.

Так, в 1867 г. десятина взималась в размере 15% урожая, а в последующие годы — по 12,5%⁷⁸.

Для увеличения десятины турецкое правительство использовало законодательные акты 1867 г., которые расширили круг лиц, наследовавших мирийские земли, и разрешило закладывать землю и продавать ее за долги. Безусловно, прав Н. Г. Левинтов⁷⁹, оценивая эти действия турецкого правительства как установление выкупа крестьянами этих прав⁸⁰.

⁷⁴ А. Мошши не включает в таблицу налогов десятину, собираемую с таких продуктов сельского хозяйства, как сено, кожа, конопля, лен, разные семена, овощи, фрукты. Он считал, что десятину с этих продуктов труда по вилаету можно оценить в 7 млн фр. В таблице налогов не указаны натуральная рента («ангария») и множество податей, «все имеющих даже названия на европейских языках» («Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 47).

⁷⁵ Заметим, что сущность перечисленных видов земельной ренты не изменилась с 30-х годов XIX в. (Ср. С. А. П и к и т и н. Указ. соч., стр. 173—175). В своей основе она не изменилась и со времен классического турецкого феодализма (Ср. В. М у т а ф ч и е в а. Аграрные отношения..., стр. 212—240; Б. Ц в е т к о в а. Турский феодализм и болгарский народ, стр. 50—61).

⁷⁶ Мы не рассматриваем здесь тот финансовый кризис, в который ввергли западные державы Турцию после Крымской войны. Об этом см. А. Ф. М и л л е р. Краткая история Турции. М., 1948, стр. 83, 93; Д. К о с е в. Положение на болгарский народ пред Ирильскогото въстание. Ист. преглед, год. IV, София, 1948, кн. 2, стр. 146; А. Б у р м о в. Нараставане на революционния подем всред болгарския народ през 1875—1876. Ист. преглед, год. VII, София, 1950, кн. 1, стр. 74—75, 91; Ж. Н а т а н. История экономического развития Болгарии, стр. 169.

⁷⁷ «Материалы для изучения Болгарии», вып. 1, стр. 78.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Н. Г. Л е в и н т о в. Аграрные отношения..., стр. 181.

⁸⁰ Выкуп был установлен в размере 15% от продуктов, произведенных крестьянином на этих землях (т. е. дополнительных 1 1/2 десятины). Выкуп раскладывался на пять лет: в первый год крестьянин должен был выплатить 1/3 причитающейся с него дополнительной суммы, т. е. 1/2 десятины, а в последующие четыре года (до 1872 г. включительно) — оставшуюся десятину (по 1/4 десятины в год). Расширяя права крестьян на владение мирийскими землями, турецкое государство сохраняло на нее верховную собственность. В особом объявлении турецкие власти сообщали, что и с принятием нового закона «истинным хозяином (собственником) их (мирийских земель. — В. К.) является государственная казна (бейтюлмалат)». Повышением десятины турец-

Повышение десятины вместе с тем компенсировало потери фиска при расширении круга наследников. Об этом недвусмысленно говорилось в обращении к держателям земли: «Раньше пивы и луга того лица, которое после смерти не имело детей или родителей, продавались, а деньги, полученные от продажи, поступали в казну. Это составляло достаточно большой приход государственной казны». Взамен потерянных доходов в связи с расширением наследственных прав, казна должна была получить «ничто»⁸¹. Это «ничто» казна получала за счет увеличения десятины.

На основании статистических данных, собранных А. Мошным, можно установить, какую долю денежной стоимости годовой продукции зерновых культур по вилаету составляла десятина (без «беглика»). Наши подсчеты (на основе таблицы «Статистика земных произведений за 1870») ⁸² показывают, что в вилаете было произведено зерна (всех культур) на общую сумму в 104 303 тыс. фр., а десятины собрано 18 980 тыс. фр. Таким образом, земельная рента только в виде десятины составила 18% денежной стоимости годовой продукции зерновых культур.

Естественно, этот средний процент по вилаету не может быть применим к отдельному крестьянскому хозяйству, так как в итоговую денежную стоимость годовой продукции официальная статистика включала валовой сбор зерна во всех типах хозяйства вилаета, и поэтому взимаемые ренты с различных типов хозяйств и по величине и по способу были различны.

Турецкое правительство, отменив военно-ленную систему, сохранило систему откупа сбора десятины, что по существу было прямым остатком леной системы. Если раньше над крестьянином стоял спахия, то теперь над «свободным» крестьянином возвышался откупщик. Произвол откупщиков при взимании десятины общеизвестен ⁸³. Для нас важно подчеркнуть, что из-за произвола откупщиков норма официально установленной десятины удваивалась, а иногда утраивалась. В итоге размеры феодальной земельной ренты (десятина и «беглик») достигали 30—40% стоимости облагаемой ею сельскохозяйственной продукции ⁸⁴.

Из приведенных данных видно, что право верховной собственности феодального турецкого государства на землю было отнюдь не формально-юридическим фактором. Непосредственный производитель, хотя и был наследственным, можно сказать, традиционным держателем земли, хотя и имел относительно широкие права владения мирийской землей, но он вынужден был отдавать верховному собственнику земли — феодальному государству — прибавочный труд, т. е. прибавочный продукт. При этом степень феодальной эксплуатации болгарского крестьянства была высокой. Ни чем не прикрытая феодальная рента и всевозможные налоги, дополнявшие централизованную ренту, поглощали не только прибавочный труд крестьянина, но и часть его необходимого труда.

кие власти компенсировали те потери в доходах, которые нес фиск в связи с расширением круга наследников (См. «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 111—113). Обычно любой налог, введенный как временный в Турции, превращался в постоянный. Только в 1875 г. под влиянием революционных выступлений народа турецкое правительство обещало уменьшить десятицу до одной десятой. («Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 78.)

⁸¹ «Извори за българската история», т. IV. Турски извори за българската история, т. I, стр. 112.

⁸² «Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 79—80.

⁸³ «Документи за българската история», т. II, София, 1932, стр. 107; «Материалы для изучения Болгарии», вып. I, стр. 77—85; Н. Г. Левинтов. Аграрные отношения... стр. 178.

⁸⁴ «История на България», т. I, София, 1961, стр. 339.

Этот факт отмечали деятели, принадлежавшие к различным классам и социальным слоям тогдашнего болгарского общества и придерживавшиеся различных политических убеждений. Наблюдения такого рода мы находим и у официальных представителей России.

Любен Каравелов в различные периоды своей общественно-политической деятельности подчеркивал, что болгарский крестьянин «истощен турецкими поборами», что он «работает как вол, трудится день и ночь, а не может прокормить своих детей, жену и старых родителей». Налоги особенно тяжелым бременем ложились на бедное крестьянство, «тюрьмы и ямы наполнены бедняками, которые еще не могут заплатить прошлогоднюю подать», — писал Л. Каравелов⁸⁵. И после 1874 г., когда Л. Каравелов уже отошел от революционных методов борьбы, он отмечал, что с райи «содрали кожу»⁸⁶.

Христо Ботев так образно определял степень эксплуатации болгарского крестьянина: «Если у крестьянина два вола, одного отбирает у него правительство»⁸⁷. Другими словами, половину произведенного продукта у болгарского крестьянина забирало турецкое правительство. В воззвании к болгарскому народу во время Апрельского восстания 1876 г., обращаясь к крестьянам, он писал, что турецкие власти «под видом честных податей, забирают последние крохи ваши», «... все крохи, добытые потом и кровью для жен и детей наших»⁸⁸.

Х. Ботев писал, что турецкое правительство довело налоги до разбоя или, наоборот, возвело разбой в ранг налогов⁸⁹. Болгарские революционеры понимали, что крестьянин вынужден был отдавать турецкому государству львиную долю продуктов своего труда, значительную часть того, что было необходимо ему для содержания семьи.

Либерал Н. Геров также неоднократно отмечал, что десятина и другие поземельные налоги поглощают большую часть результатов труда болгарского крестьянина, что у крестьян за недоимки продают пожитки, забирают «хлеб, оставленный ими для семян и для пропитания себя до нового урожая»⁹⁰. Интересны выводы Н. Герова о том, что даже ликвидация системы откупа десятины и других налогов не «сделает чувствительного облегчения населению», ибо к 1876 г., когда турецкое правительство обещало отменить систему откупов, «подати доведены до такой несоразмерности с производительностью, что, и при правильном сборе, уплачивание их не по силам населения»⁹¹. Та же мысль изложена и в докладе А. Мошнина, который считал, что налоги составляют 30% стоимости всего скота, находящегося в собственности крестьянина, и что в ре-

⁸⁵ «Публицистиката на Любен Каравелов». София, 1958, стр. 123, 214, 245; газ. «Свобода», г. II, № 17 от 4 окт. 1871 г.

⁸⁶ «Публицистиката на Любен Каравелов», т. II, София, 1965, стр. 155.

⁸⁷ Х. Б о т е в. Публицистика. М., 1952, стр. 73.

⁸⁸ «Публицистиката на Любен Каравелов», т. II, стр. 180.

⁸⁹ «Знамя», 2 марта 1875, № 10 (Х. Б о т е в. Съчинения, автентично издание, т. I, София, 1950, стр. 353—354).

⁹⁰ «Документи за българската история», т. I, стр. 305. Н. Геров — Е. М. Новикову, 29 дек. 1862 г. Следует отметить, что в донесениях Н. Герова, посвященных социально-экономическим темам, находится обильный материал о степени эксплуатации болгарского крестьянства и о парастании эксплуатации из года в год (см. «Документи за българската история», т. I, стр. 291, 294; т. II, стр. 31). В донесении от 5 марта 1875 г. мы читаем: «Здесь народонаселение страдает голодом; но причиною тому не столько неурожай, сколько крайняя бедность, до которой доведено население как непомерными налогами, так и неправильным управлением». Крестьяне, продолжает он, «тотчас после уборки должны были продать все произведения скудного урожая для уплаты податей» (там же, т. II, стр. 107).

⁹¹ «Документи за българската история», т. II, стр. 151. Н. Геров — Н. П. Игнатьеву, 23 марта 1876 г.

зультате непосильных налогов и гнета ростовщиков «состояние земледельца решительно разрушается»⁹².

Подведем итоги. В 60—70-х годах XIX в. болгарские крестьяне не обладали полной, в буржуазном смысле, собственностью на мирийские земли. Юридически и фактически верховным собственником земли вплоть до освобождения Болгарии оставалось турецкое феодальное государство. Поземельные отношения, несмотря на известные сдвиги в сторону буржуазных отношений, оставались в своей сущности феодальными.

При изучении социально-экономического положения «свободного» крестьянства не следует ограничивать проблему рассмотрения юридически-правовых отношений крестьян к мирийской земле как к важнейшему средству производства. Сущность феодальных отношений между болгарскими крестьянами и турецким государством заключалась главным образом в сохранении феодальной земельной ренты, которая в 60—70-годах возрастает абсолютно и относительно. Кроме того, турецкое государство, не отменив ни чем не прикрытую феодальную земельную ренту, ввело налоги буржуазного характера. В результате поглощался не только прибавочный продукт труда крестьянина, но и часть необходимого.

Такой сдвоенный экономический гнет и явился одной из коренных причин революционного кризиса в Болгарии в 70-х годах XIX в. Объективным социально-экономическим содержанием классовой борьбы крестьян в рассматриваемый период была не только борьба за уменьшение размеров присваемого турецким феодальным государством прибавочного труда или прибавочного продукта в виде ренты и налогов, дополнявших централизованную ренту, но и прежде всего за ликвидацию верховной собственности турецкого феодального государства на мирийские земли. Ликвидация права верховной собственности турецкого феодального государства на землю явилась важнейшей составной частью аграрного переворота в Болгарии.

Вопрос о том, в какой мере программа революционной демократии Болгарии отражала эти социально-экономические интересы и объективные цели крестьянства, должен стать предметом пристального исследования историков.

⁹² «Материалы для изучения Болгарии», вып. III, стр. 47, 49. Весь скот, находившийся в собственности среднего крестьянина, А. Мошин оценивает в 5000 грошей, а годовая сумма налогов, взыскиваемых с этого крестьянина, равнялась 1382,5 гроша. О степени эксплуатации болгарского крестьянина интересную записку оставил составитель проекта железной дороги В. Прессель, который, подводя итоги налоговым поборам, заключает: «Счастлив бедняк труженик, если из всей этой передрыги вынесет свою шкуру целою» (там же, вып. I, стр. 81). Русский публицист В. Теплов также писал, что налоги выжимают из крестьянина последний сок, что в конечном итоге судьба крестьянина в Болгарии находится в руках откупщика десятины, чиновников, от воли которых зависит оставить крестьянину некоторую часть произведенного им или полностью разорить его хозяйство и снять с него последнюю рубаху (См. В. Т е п л о в. Адрианополь в 1874 г., СПб., 1877, стр. 36—39).

Л. Г. ШАХОВА

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ХАРАКТЕРА В ТЕТРАЛОГИИ ДИМИТРА ТАЛЕВА

В настоящей статье речь пойдет о тетралогии Димитра Талева, состоящей из романов: «Железный светильник» (1952 г.), «Преспанские колокола» (1954 г.), «Ильин день» (1953 г.), «Слышу ваши голоса» (1966 г.). (Три первых романа переведены на русский язык). Взятые в целом, они являются одним из крупных достижений социалистического реализма в Болгарии.

Повествуя о драматической борьбе в Македонии с середины XIX до начала XX в. против турецкого феодализма, Талев создал типические характеры, запечатлел многие существенные черты эпохи национального возрождения. Каждый созданный автором характер становится зеркалом судьбы народной.

В основе художественной концепции характера в творчестве Д. Талева лежит представление о целостности человеческой личности в ее сложности и многогранности. Решая проблему гармонической личности, автор показывает, что гармония возникает из схватки непримиримых противоречий; путь к ней порою пролегает через внутренние процессы, порождающие своей остротой и катастрофичностью. Талев утверждает сложность характера как эстетический принцип. Характеры его героев претерпевают глубочайшие изменения и в то же время в существенном остаются неизменными.

Болгарские исследователи и критики неоднократно обращались к проблеме художественного характера при изучении творчества Талева (работы Т. Жечева, Е. Каранфилова, С. Каролева, Р. Ликовой, Б. Ничева, С. Правчанова и др.). Сделаны интересные наблюдения и обобщения, касающиеся отдельных персонажей тетралогии.

Думается, уместно поставить вопрос о системе характеров, которая подчинена общему художественному замыслу эпопей.

В статье делается попытка рассмотреть систему женских характеров, которая рисует процесс внутреннего освобождения человека от власти быта, раскрывает основную проблему тетралогии — раскрепощение личности.

Показательно, что в каждом романе тетралогии есть центральный женский характер, который становится одним из фокусов исследования действительности, символически знаменуя собой этап в духовном раскрепощении личности. Таким характером в первой книге тетралогии — романе «Железный светильник» — является Султана Глаушева, которая продолжает жить и на страницах романа «Преспанские колокола».

Внучка богатого горожанина, круглая сирота, Султана «осталась, как одинокий цветок на верхушке дерева, которое прежде буйно тяну-

лось ввысь, а теперь стояло с обломанными ветвями, обожженное молнией. А может, оно было отравлено ядовитыми соками, которые всосало своими корнями. Но цветок распустился на самой верхушке этого дерева, вобрав в себя все лучшие животворные соки, все его жизненные силы... Султана крепко держалась на родословном дереве, на котором она выросла как последний его цветок и плод, и, может быть, вобрав в себя все его силы, оказалась самым жизнестойким его отпрыском»¹.

В этом сравнении дано глубокое обоснование характера Султаны: она крепко связана с землей, с «корнями», отсюда одновременно и сила ее характера, его здоровая нравственная основа — и его трагические слабости, ибо исторический опыт народа нес в себе и черты вековой отсталости.

Противоречиво и социальное положение героини: бедняков отпугивает ее знатное происхождение, а богачей — ее бедность. И все-таки характер Султаны, казалось бы, весь сотканный из непримиримых противоречий, не распадается. Противоречия характера получают социальное объяснение — и он обретает единство.

В нашем сознании Султана прочно связана со своим полуразвалившимся домом, на пороге которого она впервые появляется в романе. Вне бытовой обстановки Султану представить невозможно. Она живет в ритме дня, в мире вещей, дел, забот.

Следует отметить, что быт в тетралогии получает двойное звучание и как бы высвечивает противоречивый характер героини. С одной стороны, быт поднимается до поэтического ритуала народной жизни, с другой — воспринимается как узкие семейные рамки.

Характер Султаны проявляется в резких столкновениях с обстоятельствами, в которые она поставлена. Вначале — с косными традициями г. Преспы. Пренебрегая нерушимыми, освященными веками обычаями, она сама выбирает себе мужа и тем самым осмеливается бросить камень в сонную воду жизни преспанцев, которая долгие годы «текла по ровному, проложенному с незапамятных времен руслу». Опережая время своим поступком, Султана утверждает право женщины на личное счастье. Но, в сущности, только этим и ограничивается ее бунт. Мечты ее замыкаются рамками семьи. Героиня и в дальнейшем вступает в конфликты с действительностью, но теперь уже все ее силы направлены на то, чтобы отстоять незыблемость семейных устоев. Она хочет, чтобы в ее доме все было «степенно, чинно, по истари установленным порядкам».

Султан Глаушевой противостоит в романе ее муж Стоян, крестьянин, поневоле втянутый в городскую жизнь, так и оставшийся в городе чужим. Рядом с Султаной, строгой, заставляющей себя быть во всем умеренной («Все у нее рассчитано»², — говорят о ней), — живой, естественный, простодушный Стоян. «В свободные часы он с наслаждением работал в саду, ему было приятно копаться в земле, а Султана торопилась поскорее засадить грядки овощами; он радовался каждому цветку, каждому свежему побегу молодых саженцев, а она отвела под цветы всего две грядки, и только первые плоды молодых деревьев доставили ей удовольствие»³. Султана в глубине души немного побаивается мужа, чувствуя, что в нем остается что-то ей недоступное. А недоступна ей — его живая душа, жадно отдающаяся впечатлениям жизни. Султана же становится рабой собственной непреклонности. Стремясь подчинить все своей воле и разуму, она вынуждена бороться с собой, со своим сердцем.

¹ Д. Т а л е в. Железный светильник. Изд-во иностр. лит., 1957, стр. 49. (В дальнейшем ссылки на роман даются по этому изданию.)

² Д. Т а л е в. Железный светильник, стр. 82.

³ Там же, стр. 80.

Ее пугает любая перемена, любая дерзость. Она интуитивно чувствует опасность, когда к ее дому приближаются новые люди, чье сознание не сквано догмой: резчик Рафе Клинче, революционер Райко Вардарский, учительница Иванка Руменова.

Когда ее невестка Ния зажигает вместо железного светильника — символа неизбежности семейного очага — первую в Преспе керосиновую лампу, Султана протестует: «... Я всю жизнь со светильником, со старых еще времен... Так все мы привыкли, а эту штуку, видать, дьявол придумал. Оставь ты это светило, дочка, приberi его опять в сундук»⁴. Именно замкнутость, традиционность сознания заставляют ее заявлять: «Так уж господь установил... мужчина в торговых рядах, женщина в доме»⁵. Таким образом, цельность характера героини порою оборачивается косностью, ограниченностью и приходит в острое столкновение со всем новым и неиспытанным.

Трагизм Султаны — в несоответствии между силой природы и незначительностью идеалов. Жертвой ее морали стала и дочь Катя, которую мать заставляет скрыть «позор» от людских глаз и выпить для спасения «чести очага» настойку, ставшую для Кати смертельным ядом. Талев писал о том, что у него замирало сердце, когда он рисовал смерть Кати. «Еще один шаг — и Султана стала бы убийцей»⁶.

С удивительным чувством меры, художественного такта создает писатель эти драматические страницы романа. Душу Султаны раздражают противоречия: хранительнице семейного очага, ей хочется скрыть «позор» дочери, но ей, как матери, смертельно страшно за жизнь Кати. «Снова началась борьба. Со всеми — с богом, с дьяволом, со смертью. Против всех них стояла лишь воля матери. Надо было выстоять, крепко держаться на ногах и ждать»⁷.

Логика характера Султаны не тождественна логике ее поступка. Судя по поступку, Султану можно было бы назвать убийцей. Однако Талева интересует не столько сам поступок, сколько внутренние мотивы его свершения, сложная, непрямая связь поступка и побуждения. Он отказывается от однолинейного определения человека, понимая сложность и многозначность критериев в оценке личности. Ни одно выхваченное звено в характере Султаны не может быть его полной характеристикой, и только все они вместе могут дать представление о его сложности и полноте.

Не случайно на каждом повороте жизненного пути Султаны автор заставляет читателей задуматься о богатых возможностях ее натуры, проявляющихся в отношениях с сыном Лазарем (особенно сцена в тюрьме, куда она приходит его навестить), с Нией. Характер героини одновременно и деградирует и растет; он в чем-то опережает время и в чем-то отстает от него.

Талев, воссоздавая «типические обстоятельства», показывает в то же время, что характер Султаны зависит не только от среды в узком смысле слова, от быта. Жизнь общества в целом начинает оказывать влияние на его формирование. Опережая время или отставая от него, Султана вынуждена вступать с ним в новые, нежели это было в другие исторические эпохи, отношения. История испытывает человека, она создает для личности потенциальные возможности освобождения, расширения ее

⁴ Д. Талев. Преспанские колокола. Изд-во иностр. лит., 1957, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 192.

⁶ Г. Найденова-Стоилова. В творческата лабораторията на писателя Д. Талев. «Литературна мисъл», 1957, № 2, стр. 94.

⁷ Д. Талев. Железный светильник, стр. 300—301.

границ. И тем сильнее звучит обвинение героине, сопротивляющейся влиянию нового.

Более восприимчива к требованиям времени Ния Глаушева, центральный женский персонаж романа «Преспанские колокола». Ния, живущая сначала в мрачном доме отца, богатого торговца, потом в холодном доме Султаны, — «это свет, с которым идет новое... та далекая ... гармония, к которой устремлено новое время. Ее физическая и духовная красота, ее художественная полнота и гармоничность, молодость и духовная зрелость, ее душевная широта и богатство, гордость и внутренняя вольность — символ духовного раскрепощения эпохи...»⁸. Отсюда и особенность портретной характеристики Нии — ее постоянная «освещенность». Портрет ее дается в несколько импрессионистской манере. Происходит своего рода «высветление» палитры в портрете по сравнению с красками, которыми писатель пользуется в описовке Султаны: «По необыкновенной красоте смуглому лицу Нии разлилась мягкая бледность... Еле уловимая, приветливая улыбка затрепетала на ее устах, и какой-то свет озарил ее лицо»⁹. «Она просияла улыбкой, приоткрывшей ее алые губы... потом подняла... смеющиеся глаза, и все остальное вокруг померкло, угасло — остался только блеск двух темных зрачков. Из глубины шел этот чистый, теплый блеск»¹⁰.

Нии не по душе напряжение, которое чувствовалось в доме Султаны, словно здесь по обязанности выполняли какую-то повинность. Она бунтует против норм жизни в доме, первой зажигая керосиновую лампу. Поединок ее в этой сцене с Султаной помогает вскрыть существующий между ними глубокий антагонизм. Как справедливо отмечает Б. Ничев¹¹, традиционный бытовой конфликт (сноха — свекровь) автор показывает в его социальной глубине. Сталкиваются не просто Султана и Ния, а два миропонимания, две эпохи. «Когда Ния надела на лампу стекло, черный дым исчез, и все увидели, как засияло ее лицо и руки, озаренные спокойным, ровным и ярким светом... Светло! Чудесно!... На выступе очага стоял и старый светильник. Он стоял на трех своих кривых ногах, тяжелый, грубый, почерневший от времени, и сейчас казался особенно черным без своего мерцающего пламени»¹².

Эту сцену можно назвать символической. Эпизод в жизни отдельного человека показан как момент осмысления действительности в ее историческом развитии. Талева интересуют нравственные столкновения, за которыми стоят социальные сдвиги.

Ния не только зажигает новый свет. Она вместе с учительницей Руменовой осмеливается пойти в торговые ряды, где, по старому обычаю, появлялись только мужчины; отдает свой дом под первую женскую школу в Преспе; на месте старого дома ее отца они с Лазарем строят новый, светлый и просторный дом и уходят туда жить.

Бунт Нии завершается уходом из-под власти домашнего очага Султаны. Поселив Нию в новом доме, Талев дает ей только один удел — радость материнского самоотречения.

На третьем центральном женском характере тетралогии — Доне Крайчевой, героине романа «Ильин день», автор показывает иную судьбу женщины — ее новое место в жизни¹³.

⁸ Р. Л и к о в а. Времето в героите на Талев. «Пламя», 1966, № 8, стр. 75.

⁹ Д. Т а л е в. Преспанские колокола, стр. 66.

¹⁰ Там же, стр. 119.

¹¹ См. Б. Н и ч е в. Димитър Талев. София, 1961, стр. 34.

¹² Д. Т а л е в. Преспанские колокола, стр. 18, 19.

¹³ Правда, уже в романе «Железный светильник» дан образ учительницы Иванки Руменовы. Но это не центральный персонаж. К тому же, характер Иванки дан почти без развития, в «готовом» виде.

Цельная натура Доны раскрывается, в отличие от других женских персонажей тетралогии, не через бытовую обстановку, а через труд учительницы, пользующейся большим авторитетом у крестьян. Содержание характера героини, пришедшей из Преспы в заброшенное горное село учить ребятишек грамоте, — процесс становления нового человека, внутренний рост личности. Дона помогает повстанческому отряду (чете) в борьбе с турецкими насильниками. Отряд доверяет ей хранить знамя. И погибает она в борьбе за свободу.

Следует отметить, что для Талева характерным принципом в оценке героя является соотнесение его судьбы с судьбой народа в целом. Это особенно показательно на примере Доны. Пережив большую личную трагедию (гибель страстно любимого мужа — воеводы, убитого турками, смерть ребенка), она становится символом общего народного горя, живым олицетворением огромных потерь и невзгод народа. Духовно мужая, героиня поднимается вместе с народом как воплощение его проснувшихся духовных сил.

Дона, казалось бы, заканчивает линию постепенного социального роста женского характера в тетралогии. Характер четвертой героини, гречанки Ангелики Милонас (роман «Слышу ваши голоса»), на первый взгляд, стоит в стороне от этой линии: Ангелика не принимает участия в борьбе народных масс, не продолжает линию Доны. Но при внимательном рассмотрении очевидно, что ее характер не противоречит логике движения женских характеров, а подчеркивает ее, хотя и своеобразно, даже несколько неожиданно.

Ангелика уже совсем не «прикреплена» к быту. Она, иноземка, намеренно «вынута» автором из обычных, каждодневных забот, из ритма дня и дана в романтическом ключе. Обстоятельства жизни в богатом греческом доме с косными традициями не формируют ее характер. Он развивается в отрыве от них, в сопротивлении им. Но они заставляют характер прийти в движение, проявить свою полноту. Пребывавший долгое время в состоянии гармонического покоя, он взрывается в чрезвычайной ситуации. Ангелика, полюбив революционера, болгарина Бориса Глаушева, кончает жизнь самоубийством, надеясь таким образом примирить любимого человека со своими братьями и положить конец националистической вражде между болгарями и греками в г. О. «То, что ты говоришь мне о ненависти, об уничтожении, где-то внизу и очень далеко от меня, — говорит она, — и слава богу! Во мне, в сердце моем — другое... Передо мной открылся мой путь, и я пойду по нему. Не останавливай меня, отец, да ты и не сможешь меня остановить»¹⁴. Путь этот — утверждение любви, которая сильнее ненависти, утверждение новых отношений между людьми. Смерть героини — голос человечности в мире раздоров, националистической вражды, зла. Впрочем, она и не жила в этом мире. Оазисом в нем представляется ее комната, из которой она почти не выходит, чувствуя себя совершенно одинокой даже среди любящих ее домашних, и ее балкон, где много цветов. Да и сама она, по словам Талева, «живой цветок среди цветов».

Вспомним, что Султану Глаушеву автор тоже сравнивает с цветком. Трудно решить, намеренная ли это перекличка сравнений или она случайно прозвучала в романе. Но перекличка эта явно чувствуется. Султана сравнивается с цветком, который расцвел на верхушке дерева с крепкими корнями. Она неотделима от корней, в этом ее сила и слабость.

¹⁴ Д. Т а л е в. Гласовете ви чувам. Изд-во «Български писател», 1966, стр. 251.

Ангелика же — цветок, выросший в оранжерее. Она не связана с «почвой» и по-своему внутренне свободна. Но в то же время — она вне жизни. И в этом ее уязвимость.

«Я избрал для себя три направления движения: в г л у б ь, к истокам человеческой души, к внутренней сущности каждого явления; в в ы с ь, к чистым вершинам человеческих идеалов, и в п е р е д, к огням будущего, к более светлой и счастливой жизни для всех», — пишет Талев ¹⁵ (разрядка моя. — Л. III.). Очевидно, именно стремление ввысь, к чистым вершинам человеческих идеалов и дорого Талеву в Ангелике. Она — идеал автора, его мечта о гармонической личности, которой не дано осуществиться в обстоятельствах жизни того времени.

Смерть Ангелики как бы подчеркивает, что движение «ввысь» должно быть наполнено конкретным социальным содержанием, т. е. быть соединенным с движением «вперед», которое несет в себе характер Доны.

Сравнительный анализ прослеженных характеров тетралогии, думается, подтверждает высказанную в начале статьи мысль о том, что Талев на системе женских характеров решает проблему постепенного (от Султаны к Ангелике по восходящей линии) «выламывания» личности из узких семейных рамок, из быта, показывает процесс ее внутреннего освобождения.

¹⁵ Предисловие к русскому изданию романа «Железный светильник», стр. 7.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционная реконструкция ударения производных имен в праславянском языке неоднократно излагалась Л. А. Булаховским. Соглашаясь с тем, что «причина бывшего (исходного) распределения по тому или другому типу в настоящее время недостаточно определена» в отношении многих групп слов¹, Л. А. Булаховский часто сводит это распределение к различным семантическим противопоставлениям вторичного происхождения (например, ударение на суффиксе *-нѣк* у названий лиц и накоренное ударение у названий предметов в болгарском языке и т. п.).

Наиболее древние отношения устанавливались с ориентацией на недовольные фонетические изменения, приписываемые праславянскому, прежде всего на закон Фортунатова — де Соссюра. Так, предполагалось исконное распределение акцента у имен на *-*ьс-* (1) ударение на корне, если слово образовано от акутового корня (*стáрец*), (2) ударение на суффиксе, если слово образовано от циркумфлексового или краткого корня (*молодѣц*, *конѣц*), а т а к ж е если оно (3) образовано от имени, характеризовавшегося постоянным наконечным ударением (*вдовѣц*). Налицо смешение принципов деления — зависимость не только от исходной интонации корневого слога, но и от акцентной парадигмы, в которую входило производящее имя.

Все позднейшие изменения обязательно связывались с фонетическими движениями иктуса. Л. А. Булаховский, хотя и неуверенно, вслед за В. Вондраком соглашался признать древность подвижной акцентной парадигмы у производных, т. е. ударение типа чакавского *dobrotà* — *dǎbrotu* (из **dobròta* с изменением в *dobrotà* по закону Фортунатова — де Соссюра и *dǎbrotu* по закону Шахматова) и т. д.².

Материал современных славянских языков и средневековых акцентированных источников позволяет пересмотреть изложенную точку зрения, выделив в ней рациональное зерно. Для краткости остановимся на производных с «этимологически» родственными суффиксами *-*ьс-*, *-*ьк-*.

Достаточно сравнения любых двух языков, чтобы убедиться в существовании трех, а не двух акцентных типов производных в языке, к которому восходят современные славянские.

¹ Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. XVII, 1959, стр. 28.

² См. Л. А. Булаховский. Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке. — Изв. Отд. рус. яз. и словесности, т. XXXI, 1926; е го ж е. Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению. «Вопросы славянского языковедения», кн. 4, Львов, 1955, и др.

Болгарский язык

(а) *дѣлец, краѣц, кѹрец* 'петух', *лѹец, палец, пѹец, ралец, старец, тѣлец*.

(б) *вѣлец, грбѣц, двбрѣц* 'дворик' (но *дворѣц* 'дворец'), *кѡнец* 'конь', *кѡшец, кѣтец, лѡвец* 'охота' (но *ловѣц* 'охотник'), *мѣец, мѣрец, мѡтец, нѡжец, пѣсец, пѡпец, снѡпец, стѡлец, трѣмец*.

(с) *вѣмѣц, знѡѣц, квасѣц, класѣц, крадѣц, кулѣц, мрѣцѣц, мужѣц, певѣц, рудѣц* 'овечья шерсть', *святѣц, слепѣц, снежѣц, стрѣц*.

Сербско-хорватский язык

крдѣц, лѹкац, пѣлац, старѣц, хлѣбац, также *пѹнак* и др.

бѣлац 'белый конь', *вѣнац, грѡбак, жѣтац* 'желток', *јѹнац* 'бычок', *лѡвац, лѹчац* 'смычок', *пѡпац* 'сверчок', *сѹдац, црѣнац* 'негр'.

врѣнац, вѹчац 'гангрена', *глѣсак, грѣдац, звѣрац, зѹбац, жѡсац, кѡнац, пѣвац, свѣтац, слѣпац, цѣлац* 'челина'.

Сопоставление показывает, что результаты изменения акцента имен группы *b* совпадают либо с *a* (в болгарском), либо с *c* (в сербско-хорватском). Это значит, что в праславянском имена *b* составляли самостоятельную группу, отличную от *a* и *c*, но впоследствии совпавшую с одной из них. Сравнение примеров показывает, что группу *a* составляют производные от баритонированных основ (акцентная парадигма *a*), группу *b* — производные от окситонированных основ (акцентная парадигма *b*), группу *c* — производные от подвижных основ (акцентная парадигма *c*)³.

Внимательное изучение славянских фактов приводит также к выводу, что наибольшее число отклонений возможно у имен с суффиксом *-ък-*, ср. в с.-х. *грѣшак* 'горох' при исконной акцентовке в форме женского рода *грѣшка* 'зерно фасоли' и под. Действительно, несмотря на исходную фонетическую близость суффиксов *-*ък-*, *-*ьс-*, ни один славянский язык не дает совпадений производных с *-*ък-*, *-*ьс-* в акцентологическом отношении. Более того, в чешском, например, состоялось полное перераспределение количества корневого слога в зависимости от характера суффикса — долгота при *-ек-* и краткость при *-ес-*, ср. (а) *stárek*, но *stárec*; (б) *vínec*, но *věnes*; (с) *hrádek*, но *hrádec* и т. д. Больше соответствуют исходному распределению словацкие факты (за исключением производных от *c*). Суффикс *-ес-*, в отличие от *-ек-*, не является продуктивным в современном чешском языке; можно полагать поэтому, что выравнивание корневого количества в зависимости от суффиксального элемента слова вторично, а долгота именно при *-*ък-* обязана влиянию праславянского суффикса *-*ок-*. Вообще правильнее было бы данные типы производных рассматривать отдельно, поскольку наша реконструкция ретроспективна и основана на изменившихся позднее конкретных акцентных системах. Важно в этих условиях определить те отношения, которые можно считать древнейшими, в частности учесть основные словообразовательные изменения славянских языков. Наиболее общей является подмеченная Л. А. Булаховским зависимость акцентных изменений производных от продуктивности суффиксов, от степени слитности их с корнем⁴.

Остальные славянские языки подтверждают вывод о первоначально различном ударении производных от имен *a*, *b*, *c*.

В п о л ь с к о м обнаруживаем рефлекс краткости корневого слога

³ Характеристика акцентных парадигм позднего праславянского языка дана по исследованию: S h r. S t a n g. Slavonic Accentuation. Oslo, 1965. Для краткости в настоящей статье не документируются акцентные парадигмы конкретных производных, которые специально рассмотрены в исследовании автора «Именная акцентуация в древнерусском языке» (в печати).

⁴ См. L. B u l a c h o v s k i j. Die Akzentzurückziehung im Slovenischen. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. II, 3—4, 1925, S. 406.

в (а) и рефлекс долготы корневого слога в (b) и (с), ср. диалектный материал:

(а) *palec*, *petrak* (литературное *pepek*), *zadek* (*žadek*) и др.;

(b) *b'áček* 'белок яйца', *cárek* и *cárka*, *gáreck* и *gárcka*, *řotek* 'пятница', *lůnek*, *xl' y'vek*, *žry' b'ec* и др.;

(с) *bocek*, *cičunek* 'челнок', *kfátek*, *kvásek* (но *kf'ečec* при другом суффиксе), *kůsek*, *šlypeč* (*šlypča*) и др.

В словинском наречии к а ш у б с к о г о языка:

(а) краткость *brātk*, *slābók*, *stāpók*, *stārc*, но долгота *pāylc*;

(b) долгота *mōūdřec*, *pjećk*, *skōupc*;

(с) краткость *slěpc*, *střičlc*.

Та же неустойчивость рефлексов у производных от а женского и среднего рода, ср.:

(а) *stārkā* и *stārkā* 'бабушка', *bāupkā* 'бабка', *gūpkā* 'складочка', но *māškā* 'мышка' и под.;

(b) *gvjāustkā*, *jūškā* 'уха', *žérkā* 'дырка', *mlōučkō*, *mōučkā* 'мука', *pōučtkā* 'путка (растение)', *řěičkā* 'речка';

(с) *rāčkā* 'ручка' и др.

Косвенные указания на первоначальные отличия производных от b и с находим и в результате внутреннего сравнения.

В штокавском наречии с е р б с к о - х о р в а т с к о г о языка наиболее выразительны слова с кратким корневым слогом. Они входят в две акцентные группы с характерными отличиями в количестве корневого слога:

(b) *kōсац*, *kōсца*, *kōсцу*, *kōсца*, *kōсцем*, *kōсцу*; *kōсци*, *kōсцима*, *kōсце*;

(с) *kōнац*, *kōнца*, *kōнцу*, *kōнац*, *kōнцем*, *kōнцу*; во множественном числе возможно изменение интонации корневого слога, ср. *kōнци*, *kōнцима*, *kōнце*, но *лōвци*, *лōвцима*, *лōвце*.

В первую группу входят имена *bōбац*, *bōдац*, *bōјак*, *bōрак*, *вōзац*, *вāшац*, *гвōздац*, *грōбак*, *kōтац*, *лāжац*, *лāстац*, *лōвак*, *нōрац*, *ндсац*, *прōсац*, *рōбак*, *рōвац*, *скōчац*, *тōчац*, *хōдац*, *хрōмац*, *чāтак* и другие производные от окситонированных основ. Во вторую группу входят производные от подвижных основ *bōгац*, *dōлац*, *зōрац*, *kōлац*, *нōвац*, *плōвац*, *pōјац*, *стōјак*, также, возможно, *твōрац* и под., но и производные от окситонированных *bōјац*, *вōљак*, *лōвац*, *стōлац*, *тēлац* (и *тēлац*), *чēлац*, *штēнац*. В последнем случае важно, что при вариативности суффикса (*лōвац* — *лōвак*, *bōјац* — *bōјак*) имена с *-*ъk-* относятся к первой группе, а имена с *-*ъk-* ко второй, с удлинившимся корневым слогом; ср. с этим сохранение долготы в *српак* — *српка* и ее сокращение в *српац* — *српча* и т. д. Важно также, что имена группы с, образованные только от окситонированных, во множественном числе имеют лишь *'*, а не *ˆ* (ср. *нōвци*, но *bōјци*), а в ряде случаев могут чередовать *ˆ* и *'* корневого слога (ср. *двōрац* и *двōрац*, *тēлац* и *тēлац*). Удлинение корневого слога в таких словах вторично и, возможно, связано с аналогическим выравниванием по второму типу с привлечением формы именительного падежа единственного числа.

Аналогичным образом в чешском и словацком происходит удлинение корневого гласного только у тех производных среднего и женского рода, которые восходят к подвижным основам, ср. (после тире следует словацкое слово): *lůžko* — *lōžko*, *skělko* — *skielko*, *cévka* — *cievka*, *dcérka* — *dcérka*, *kůrka* — *kōrka*, *píčka* — *piecka*, *víska* — *vieska*, *kůstka* — *kōstka*, а также несовпадающие в этих двух языках чешск. *půlko*, *slůvko*, *dénko*, *tvůrce*, диал. *vůčko* и др. и словацк. *hōrka*.

Без удлинения корневого слога остаются те производные, которые восходят к окситонированным основам, ср. чешск. *bleška*, *cestka*, *cetka*,

deska, kopka, krevka, krovka, lebka, letka, nožka, pětka, selka, skobka, stopka, včelka, veška, vodka, vojsko, vozka, ženka и др. То же и в словацком, хотя здесь больше исключений, т. е. могут быть *pliecko, ciestka, včielka, nôžka, nôcka, vôdka* (и *vodka*). Впрочем, и в сербско-хорватском обнаруживается различие в корневом слоге у данных двух групп производных, именно: (b) *жѣнка, лѣвка, сѣйка* и др. производные от *b*; (c) *зѣнце, зѣнца, слѣвце* и др. производные от *c*. Эти примеры уже определенно показывают, что оттяжка ударения на корень в первом случае предшествует оттяжке у производных от *c*. Западнославянские языки подтверждают, что возмездительное удлинение корневого слога перед слабым редуцированным сохранилось как долгота только у производных от *c*, следовательно, еще и после утраты редуцированных там сохранялось противопоставление двух типов: **kōrkā* и **krōvka*.

Все сказанное позволяет восстановить три акцентные парадигмы производных имен с суффиксом *-*ъk-*, *-*ьk-*:

(a)	(b)	(c)
<i>*brātъcь > brātec</i>	<i>*dvorъcь > dvoręc</i>	<i>*gorъcь > goręc</i>
<i>*brātъca > brātea</i>	<i>*dvorъca > dvōrca</i>	<i>*gorъcā > gōrca</i>
	<i>*bělъcь > bēlęc</i>	<i>*mōžъcь > mōžęc</i>
	<i>*bělъca > bēlca</i>	<i>*mōžъcā > mōžca</i>

Характерно, что в ряде языков намечается дифференциация форм единственного и множественного числа, ср. *кѡнац, кѡнца*, но *кѡнци* и под. в сербском, также *конѣц, концā*, но *кѡнци, кѡнцам* и под. в северных русских говорах. Можно допускать поэтому какое-то влияние формы родительного падежа множественного числа, акцентовка которой своеобразна во всех типах склонения.

Восточнославянские языки косвенно указывают на справедливость приведенной реконструкции, делая ее общеславянской. В у к р а и н с к о м:

(a) *брāтець, горбшок, билець, краѣць, кўнець* 'толпа', *липець, морѡзок, пāлець, старець* и др. (но *дiдѡк, пупѣць* и *пупѡк*, хотя род. п. ед. ч. *з пўнку*);

b) обычно окончательное ударение с сохранением накоренного только на долгом слоге, ср. мн. ч. *винця, вiнець* 'края посуды' (но *винѣць, винцā* и *винѡк, винкā*), *гѡрнець* при возможном *горнѣць* 'горшок', *крiлець*, мн. ч. *смiшки* (но *смiшѡк, смiшкā*), *чѣрвець* и *червѣць*, но только *гiнець, двiрѣць, кровѣць, ловѣць, повѣѡк, стiлѣць* и под.;

(c) последовательное окончательное ударение типа *бiрѡк, воронѣць, городѡк* и др.

Вторичность окончательного ударения в группе *b* подтверждается древнеукраинскими памятниками, в которых отмечено ударение *твѡрца, твѡрцевъ, кѡнца* и под.⁵

В б е л о р у с с к о м исконное распределение сохранилось отчетливее:

(a) *краѣц, липец, мāлец, старец, хлѡпец* и др. (но *братѡк, дзедѡк*);

(b) новое ударение *боѣц, бойцā* и т. д., но *гѡрнец — гѡрцы, лѡжек — лѡжка* 'постель', *слѡнец — слѡнца* 'скамья', мн. ч. *смѣшки, стѡлец — стѡльца* 'стул', *стѡлек — стѡлка* 'табурет', *слѡец — слѡйца* 'стеклянная банка', *чѣрвец* и др.; в древнебелорусском возможно *ловѣц — лѡвца, тѣлец — тѣльца, бѡрца, пѣток* и под.⁶

⁵ I. O г i е н к о. Український наголос на початку XVII віку. У Жовкві, 1926, стор. 9 и др.

⁶ Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 1. М., 1955, стр. 426, 427 и др.

(с) только окончательное ударение типа *борѡк* — *боркѡ*, ср. *бочѡк*, *волчѡцѣ*, *дубѡк*, *дубѡцѣ* и т. д.

Больше всего отклонений от исконного распределения в русском языке. Здесь обычно обобщение по тигу *с*, которое в литературном языке распространяется и на баритонированный класс. Однако такое выравнивание вторично, и акцентованные памятники прекрасно доказывают это.

В рукописных русских источниках⁷ производные от *а* и *с* наиболее строго соответствуют ожидаемому ударению: постоянное на корне у слов типа *дѡмѣцѣ*, *пѡлѣцѣ*, *нѡнок*, *стѡрецѣ*, *хлѣбецѣ* и др. от *а* и окончательное у имен типа *борѡк*, *борѣцѣ*, *волчѡцѣ*, *волосѡкѣ*, *воронѣцѣ*, *городѡкѣ*, *городѣцѣ* и др. производные от *с*. Напротив, производные от *в* имеют большое число отклонений от установленного первоначального ударения производных. Все колебания в древнерусских текстах сосредоточиваются именно на этой группе имен — факт сам по себе значительный, доказывающий безусловное отличие в исходном ударении производных от *в* и *с*.

В рукописях находим примеры свойственного современному литературному языку окончательного ударения, ср. р. *бѣлѡкѣ* Леч. 94, з *бѣлѡмѣ* Леч. 71, в *бѣлкѣ* П. 195б, *белѣцѣ* М.8, 190б, к *белѣцѣ* М. 8, *вдовѣцѣ* Кч. 312, *вдовѣцѣ* Св. 300, *гонѣцѣ* Уст. 85, *гонѣцѣ* Уст. 85, *жеребѣцѣ* В. 52, *жеребѣцѣ* В. 322, *жеребѣцѣ* Кор. 52, *купѣцѣ* Шум. 201б, Пч. 109б, *купѣцѣ* Кч. 315, *купѣцѣ* Ч. 8^г, *купѣцѣ* Ч. 156^в, дат. п. мн. ч. *купѣцѣ* Др., I, 658б, *ловѣцѣ* В. 287б, Шум. 436б, *ловѣцѣ* В. 339, к *ловѣцѣ* Нв. 593б, *лѣстѣцѣ* Х. 443б, *лѣстѣцѣ* Нв. 476б, к *лѣстѣцѣ* Ч. 116^б, *стрѣлѣцѣ* Х. 1091б, Пч. 178, о *стрѣлѣцѣ* Пал. 4, род. п. мн. ч. *стрѣлѣцѣ* Ч. 76^а, (к) *стрѣлѣцѣ* Пал. 68, *телѣцѣ* Х. 1374б, Пч. 26б, *телѣцѣ* Ч. 150^г и т. д.

Не во всех памятниках совпадает ударение именительного падежа единственного числа и косвенных форм. Так, в Чудовском новом завете 1355 г. (Ч.): *вѣнѣцѣ* 85^г, но *вѣнѣцѣ* 150^б, вин. мн. *вѣнѣцѣ* 150^г, также *конѣцѣ* 83^б, *конѣцѣ* 85^а, 104^б, 140^б, *конѣцѣ* 30^г, 108^б, 133^а и вместе с тем *до конѣцѣ* 48^в, 116^г (такое же колебание в Уст. 124б), *в конѣцѣ* 112^б; в Хронологическом своде XVI в. (Х.): *вѣнѣцѣ* 404б, 641 и др., но род. п. ед. ч. *вѣнѣцѣ* 440б (ср. в *триехѣ вѣнѣцѣ* 441 — единственный пример местного падежа мно-

⁷ Приняты следующие сокращения для рукописных источников: В. — Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1618—1640 гг., Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина (далее: ГПБ), Кир-Белоз. 78/1317; Воскр. — Воскресенская летопись, XVI в., ГПБ, Ф. IV. 678; Г. — Голицынский том Лицевого свода, XVI в., ГПБ, Ф. IV. 225; Гз. — Сборник XVII в., Библиотека АН СССР в Ленинграде (далее: БАН), 17. 5.27; Д. — Хождение игумена Даниила, XVII в., БАН, Собрание Г. Ф. Нефедова, 3; Дом. — Домострой, XVI в., ГПБ, О. XVII. 149; Др. — Летописец Древний, 2 части, сер. XVI в., БАН, 31.7.30; Зап. — Записная книжка монаха, конец XVI — начало XVII в., Кубенское озеро, ГПБ, О. XVII. 67; Кор. — Хождение Трифона Коробейникова, XVII в., Ин-т рус. лит-ры АН СССР, Усть-Цилемское собр., 6; Кч. — Кормчая, 1517 г., Тверь, ГПБ, Ф. II. 74; Лапт. — Лаптевский том Лицевого свода, сер. XVI в., ГПБ, Ф. IV. 233; Леч. — Лечебник, XVII в., Шуя, ГПБ, собр. Н. Я. Колобова, 649; М. — Миняя, сер. XVII в., Пинега, собрание автора; Мин. — Миняя, сер. XVI в., Псков, Псковский музей, № 542; Нв. — Новгородская летопись, начало XVII в., Псков (?), БАН, 34. 4. 32; П. — Иконописный подлинник, XVII в., ГПБ, О. XVII. 37; Пал. — История Авраамия Палицына, XVII в., ГПБ, О. IV. 352; Пв. — Сборник, XVII в., ГПБ, собр. Н. И. Погодина, 1611; Псл. — Псалтирь, XVII в., ГПБ, Ф. I. 7; Пч. — Пчела, 1640 г., Вологда, ГПБ, Кир-Белоз. 114/1191; Сб. III — Сборник, XVI в., ГПБ, Соф. 1393; Сб. IV — Сборник, XVI в., ГПБ, Соф. 1464; Сб. V — Сборник, XVI в., Веряя, ГПБ, Ф. II. 255; Сб. 23 — Сборник, XVII в., ГПБ, Ф. XVII. 23; Св. — Стоглав, 1645 г., Серпухов, ГПБ, О. II. 102; Сийск. — Сийский иконописный подлинник, сер. XVII в.; по изданию: «Памятники древней письменности и искусства», т. 161. СПб., 1909; Сим. — Симеоновская летопись, XVI в., БАН, 16.8.25; Соф. — Софийская первая летопись, сер. XVI в., Вологда, БАН, 34. 2. 31; Уст. — Жития устюжских чудотворцев, XVII в., Великий Устюг, БАН 45.10.2; Х. — Хронологический том Лицевого свода, XVI в., БАН 17.17.9; Ч. — Чудовский новый завет 1355 г., Москва; Шум. — Шумиловский том Лицевого свода, XVI в., ГПБ, Ф. IV. 232.

жественного числа с конечным ударением, который удалось обнаружить в рукописных источниках), также *конѣць* 402, 487б, *конца* 481б, но и *до конца* 432, 442 (также Пч. 62б, 180, Шум. 251б), род. п. мн. ч. *до конѣць* 452б, 1194б, *в концѣхъ земля* 451б и др. В этих памятниках, отражающих довольно архаическую акцентную систему, обнаруживаются некоторые следы старого ударения производных от окситонированных имен. Соответствующие примеры можно увеличить.

В рукописных источниках можно выделить ряд форм, наиболее прочно сохранивших ударение на корне:

им. и вин. п. ед. ч. — *бѣлокъ* Сийск.19, *bis*, *бѣлецъ* Воскр. 47б, *вѣнецъ* Ч. 85г, Мин. 289б, *дворецъ* Г. 669б, *двѣтець* Лапт. 842б, *тѣржскъ* Др., I, 668, *хитрець* Ч. 147^б (и *хитрѣць* 157^а) (в белорусских памятниках XVII в.: *лѣстець*, *пѣтокъ* и под. ⁸);

им. п. мн. ч. — *бѣйцы* Лапт. 174, *вѣнцы* В. 340б, *гѣнцы* Сим. 282, *кѣнцы* Др., II, 145, Шум. 265б, Г.992б, Кор.113, *лѣвцы* Сб. III 209 (но *ловцѣвъ* 80б), *лѣстыцы* Х. 1056б, *тѣлыцы* Сб. IV 85, *хитрыць* Ч. 72^г, *чѣрныцы* Соф. 400, Воскр. 259б, *юнцы* Сб. IV 85;

местн. п. мн. ч. — только в *бѣлцах* Гз. 147, *о двѣцѣхъ* Кч. 1, *в концѣхъ* Х. 451б, *в храмѣхъ* Нв. 631, *в чѣрницѣхъ* Сим. 151, 437 и др., Гз. 139, 147 и др. (но *чѣрнѣць* 139б);

в остальных формах очень редко, в виде исключения, например, *до двѣрца* Нв. 485б, *заклати тѣльца* Сб. XXIII 169, *на востромъ конци* Сим. 579б.

Все прочие падежные формы имен характеризуются постоянным конечным ударением. Образуется акцентное противопоставление ряда форм, свойственное непроемным существительным мужского рода исконно окситонированной акцентной парадигмы: накоренное ударение в им., вин. п. ед. ч. и им., местн. п. мн. ч. при конечном ударении всех прочих падежных форм единогласно свидетельствуется русскими акцентуированными памятниками XIV—XVII вв., т. е. *дворѣць*, *дворѣць*, *дворѣци* (*дворѣцы*), *дворѣцѣхъ*, но *дворѣцѣ*, *дворѣцѣ*, *дворѣцѣ* (вин. п. мн. ч.) и т. д., как и в указанных производных. Оставляем в стороне вопрос о причинах такого изменения парадигмы *b⁹*, отметим только его полное совпадение с ударением производных в эпоху, когда, возможно, происходило перераспределение основ, приведшее к совпадению типа *вѣнцѣ-*, *гонцѣ-* и под. с типом *срѣцѣ-*, *дворѣ-* и под. Из примеров типа *дворѣца*, *тѣльца* ясно, что морфологическое выравнивание ударения по продуктивному типу происходит из первоначальной баритонезы производных от *b* и имеет несколько этапов, завершаемых последовательной окситонезой (параллельно с развитием последовательного конечного ударения и в словах типа *дворѣ*). Поскольку производные от *c* (с исходным конечным ударением) такому выравниванию не подлежали, исходное ударение производных от *b* может быть только на основе. Совпадение акцентовок типа *дворѣцѣ* — *дворѣцѣ* и *дубѣцѣ* — *дубѣцѣ* в русском языке вторично и завершается только к XVII в.

Некоторые этапы совпадения пока трудно определить, необходимо накопление исторического материала. Интересно, в частности, диалектное расхождение в ударении суффиксальных с корневым сочетанием типа *tъrt, ср. в Леч. *желтѣкъ* 94б, *bis*, *ж желтѣкъмъ* 127б, *желтѣкъвъ* 76б, 94б, но в Сийск. 19 *жѣлтѣкъ*, *от жѣлтѣка*, *з жѣлтѣкомъ*.

Имена женского и среднего рода с интересующими нас суффиксами сами характеризуются собственными тенденциями акцентного выравнивания, связанными с изменением первоначальных акцентных типов непроем-

⁸ См. Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 490, 493 и др.

⁹ Об этом см. указанное выше исследование Хр. Станга.

водных имен женского и среднего рода. Например, окончное ударение у производных от *c* встречается в памятниках довольно редко и возможно при подвижности ударения соответствующего имени (ср. в Д.: *яко горкѧ мала* 37, *но на той горкѣ* 5б по типу *горѧ — на горѣ, в горѣ*). Здесь также большое значение имеет характер корневого сочетания, например, корни типа **tǫrt*. Так, лит. *širdis* (3 а. п.), латыш. *siņds* 'сердце' указывают на подвижность производящей основы, которая требовала бы окончного ударения в славянском *сердце*. В древнерусских источниках возможна вторичная подвижность, например, в Псл. *сѣрдце* 38, 115, *от сѣрдца* 37. *сѣрдца моего* 50, 110, вин. п. ед. ч. *сѣрдце* 142, 153, тв. п. *сѣрдцемъ* 97, 103 и *сѣрдцѣмъ* 8б, *в сѣрдцѣ своемъ* 13, 15, 192 и др., им. п. мн. ч. *сѣрдцы* 117, *сѣрдэць* 113, *в сѣрдцыхъ вашихъ* 5б, *в сѣрдцыхъ своихъ* 99б, 106б при полном отсутствии отяжек на предлог; последнее возможно только в рукописях, отражающих современное ударение этого слова, ср. *оу с(е)рдца* П. 50б, *по с(е)рдцу* Пч. 103, *на сердце* Зап. 37, *на сѣрдцы* Сб. V 414б, вин. п. мн. ч. *по с(е)рдця* Сб. IV 126б и т. д.

Аналогичные результаты следует ожидать у кратких имен прилагательных с суффиксами *-*ъk*, *-*ъn*. Несмотря на естественные отклонения в этой малопродуктивной группе имен, в современных славянских языках обнаруживаем три возможных акцентных типа:

Сербско-хорватский язык

(а) *блѧтан, сѣран, влѧжан, жѧтан, рѧбан, сѧлан, сѧтан* и др.

(б) *бѣдан, бѣран, грѣшан, крѧсан, стѣдан, трѣдан* и др.

(с) *бѣсан, срдѧн, злѧтан, мрѧчан, стрѧшан, тѣжак, хлѧдан* и др.

Западнославянские языки

краткость корневого слога: чешск. *nuzně, silně, věrně*; словацк. *čudne, divne, silne, verne*;

долгота корневого слога: чешск. *krásně*; словацк. *bieľne, búrne, krásne, smiešne*; кашубск. *krãsnò, smjějśno, trjãdnò*.

краткость корневого слога: чешск. *strašně, umně, věčně*; словацк. *besne, strašne, v'ážko, umne, večne*; кашубск. *strãśnò, tãżko*.

В сербском не только (как в русском) происходит смешение имен групп *b* и *c* (ср. *грѣдан, крѧсан, стѣдан, тѧман, тѣжак* и *грѣан, крѧсан, стѣдан, тѧман, тужан*), но и смешение имен групп *b* и *a* (*слѣван* и *слѧван*). Таким образом, имена *b* корреспондируют именам *a*, с которыми совпадают рефлексом древнего накоренного ударения (*грѣшан* и *грѣшан*). Наоборот, имена *c* могут корреспондировать только производным группы *b* (*крѧсан* и *крѧсан*), с которыми их соединяет рефлекс долготы корневого слога. Отсутствие подвижности у данных производных привело в конечном счете к совмещению типов *b* и *c*. Совмещение происходило по линии долготы корневого слога, а не совпадения предполагаемой исходной акцентовки, различной у *b* и *c*. Следовательно, три различные по происхождению акцентные группы впоследствии дали только двойкий результат: имена с ударением на окончании (*c*) или на основе (*b* и *a*).

Западнославянские данные уточняют вывод, сделанный относительно имен с суффиксами *-*ъk-*, *-*ъk-*: долгота корневого слога исконна только у имен *b*. Следовательно, у суффиксальных имен положение в *c* лучше всего отражается кашубским языком (краткость корневого слога), в польском началось смешение *b* и *c*, в чешском и словацком — отстоявшаяся дифференциация между *b* и *c* в зависимости от суффикса (*-*ъk-* или *-*ъk-*); в южнославянских языках (например, в болгарском и словенском), наоборот, происходит смешение групп *a* и *b*, тогда как группа *c* сохраняет свою исконную самостоятельность.

Западнославянские факты также можно объяснить только следующим праславянским распределением акцентных типов:

- (a) *sīlŕno > *sīlŕno* > *silne*;
 (b) *bēdŕno > *bēdŕno* > *biedne*;
 (c) *bēsŕno > *bēsŕno* > *besne*.

Таким образом, и сербский дает долготу с праславянским местом ударения в *бѣдан*, указывая на праславянскую окситонезу в *бѣсан*, *бѣсна*, *бѣсно* и под.

В древнерусских памятниках соответствующее этому ударение:

(a) *сїленъ* Ч. 62^в, 63^г; X. 3, 25; Др. II. 132, 356; Сим. 173, 295; Нв. 454 и др., *врагу его сїлну* X. 580, *поводъ бѣ сїлна*, Др., I, 236, также Сим. 49; Нв. 454 и др.; *в землю сїлну* Нв. 491, *от сїлны бури* Сб. III, 152, *сїлно* Леч. 145б, мн. ч. *сїлни* Ч. 77^а; X. 660; Др., II, 546б и мн. др.;

(b) *крѣсенъ* X. 424б, 516; Нв. 458б, *словомъ крѣсномъ* X. 1006, *во храмѣ крѣснѣ* М. 285, *крѣсно* Сим. 367б; Сб. III 3б, *брези крѣсни* X. 1155 и др.;

(c) *равнѣ* Зап. 112б, *по ровнѣ* Зап. 219б; П. 189 и др., *равнѣ* П. 189; Зап. 109; Пч. 151 и др., *равнѣ* Ч. 38^в; П. 58, 105, 122 и т. д.

Все последующие изменения связаны с переразложением основ (особенно заметным в словах с утраченными производящими корнями — *гладок*, *узок*, *жесток* и др.) и некоторыми грамматическими преобразованиями в русском языке (например, противопоставлением атрибутивных форм формам с предикативным значением)¹⁰. Каждая из трех групп имеет свойственные только ей колебания, которые могут указывать направление изменения.

Производные от *a* сохраняют накоренное ударение или дают окситонезу в форме женского рода, ср. *земля ти естъ сїлнѣ* Соф. 279 (но *сїленъ* бб), также Зап. 5б, 193 и др., *славнѣ* Св. 32.

Производные от *b* сохраняют накоренное ударение или дают окситонезу всех форм новой парадигмы (последнее особенно хорошо прослеживается по современным северным говорам, в которых записаны акценты типа *болѣн* — *болнѣ* — *болнѣ* — *болнѣ*, *беднѣ* — *беднѣ*, *грѣшнѣ* — *грѣшнѣ* — *грѣшнѣ* и т. д.). В слове, приведенном выше в качестве образца этой группы, эти изменения довольно наглядны, ср. *красѣн* X. 851 б; Др., II, 340, (*его*) *краснѣ* X. 577б; Пч. 91б, *краснѣ суци* Зап. 72б; Пч. 181б, *краснѣ* Пч. 177б; М. 88б, *женѣ краснѣ* Пч. 17, *краснѣ жены* Пч. 125б, *краснѣ* Нв. 430б; П. 193 и мн. др., *на краснѣ мѣстѣ* Пч. 101, *краснѣ* Ч. 104^в, Зап. 156б; Пч. 33б и т. д. Отсюда акцентовки типа *мирѣнъ* Соф. 458б, *темѣнъ* М. 182, *бесчестѣнъ* Сб. 23, 170 и др.

Наоборот, *волѣнъ* Соф. 417б, *Пв. 155*, *дивѣнъ* Псл. 88б, *страшѣнъ* Ч. 65^б, Др., I, 592б; Зап. 28; Пч. 51б; Псл. 62 и др., *тѣсѣнъ* Др., II, 385 отражают исконное место ударения у производных от *c*. Эти производные наиболее последовательно развивают в древнерусском новую подвижность с наконечным ударением только в форме женского рода; ср. в пределах отдельной рукописи: в Леч. *блѣднѣ* 180б и *блѣдно* 128б или в Др. *страшѣнѣ* II, 132, 625б и др., *страшнѣ* II, 78, 92б, *страшнѣ* I, 424; II, 627б и др., но *страшнѣ* I, 461б (такое же распределение в Шум.).

Учитывая характер колебаний во всех трех акцентных группах, можно было бы следующим образом представить результаты происходящих в древнерусском языке изменений:

- a* (из *a*) переходят в *c* или сохраняются как *a* (*сїленъ*);
a (из *b*) переходят в *b* или сохраняются как *a* (*красѣнъ*);
b (из *c*) переходят в *c* или сохраняются как *b* (*равѣнъ*).

¹⁰ См. В. В. Колесов. Изменение ударения кратких прилагательных в древнерусском языке. Уч. зап. Карельского пед. ин-та, т. XXII, Петрозаводск, 1968.

Только третье изменение являлось общерусским; разрушение *a* (из *a* и *b*) отмечается преимущественно в северных памятниках (из числа упомянутых в этой статье — Зап., Соф., Леч., М., Пч.) и безусловно связано с диалектными особенностями в преобразовании акцентных парадигм в северных русских говорах.

Возвращаясь к именам с суффиксами *-*ъk-*, *-*ъc-*, заметим, что и у них имело место выравнивание акцента по соответствующему типу непроезженных, которое, как и в последних, было вторичным. В каждом славянском языке четко выделяется по меньшей мере два акцентных типа производных — *a* и *b*. Однако несовпадения в результатах изменения производных от *b* по славянским языкам неизбежно приводит к реконструкции типа, впоследствии совпавшего с производными *a* или *b* (от *c*). Другими словами, в соответствии с общим законом акцентного подобия ударение суффиксальных имен определялось акцентной парадигмой производящей основы, поэтому в праславянском языке акцентная парадигма подвижного типа у суффиксальных была вторичной, обязанной последующим фонетическим преобразованиям.

По аналогии с членными прилагательными, образованными от *c*, можно было бы предполагать первоначальную подвижность типа *suъъjъ*, но *sъlъago* (из **su.ъъjъ* и **su.ъlъago*)¹¹, т. е. им., вин. и род. п. ед. ч. **gradъcъ* — **gradъcъ* — ** gradъca* в соответствии с исконным ударением «производящей словоформы», однако ни в одном случае это не объясняет возникновения окончного ударения типа *городца* и под. Именно окончное ударение является единственно возможным во всех средневековых русских источниках; изменениями охвачены как раз производные от окситонированных имен. Кроме того, при обычной для древнерусского рецессии ударения на предлог у подвижных имен мы не находим ни одного надежного примера такой рецессии у суффиксальных имен. Исключение касается только слова, акцентная характеристика которого наиболее спорна¹², ср. *дб конца* Др., II, 396, Лапт. 45. Любопытно, что в древнерусских нотных рукописях это слово всегда имеет ударение над суффиксальным гласным, например, род. п. ед. ч. *коньца*, им. п. мн. ч. *коньци* и под.

Выходя за пределы образований на еровый суффикс, взятых здесь в качестве примера, столь же выразительные соотношения обнаруживаем и у других производных. Так, в словинском образовании на *-ica*:

- (а) *dāmjica*, *hčica* 'хижина', *lapjica*, *palāca*;
 (б) *řčica*, *gāřčica* 'горстка', *lōučica* 'луговина' и др., ср. *bjédnica*, *gřěšnica*, *klāčnica*, *střěbnica*;
 (в) *glābjica*, *řzbjica* и др., ср. *dlāžnica*, *řāčnica*, *strāšnica*.

С последней группой можно связать сербские акцентовки типа *брѣца*, *зимѣца*, которые по традиции считаются аналогичными типу *брѣна*¹³.

Все это не исключает каких-то особенностей акцентного развития производных в различных славянских языках. Даже в границах древнерусского языка находятся некоторые факты, указывающие на диалектные вариации в акцентных типах производных (прежде всего, это тенденция к совпадению с *c* производных не только от *b*, но и от *a*). Соответствующие материалы по южнославянским памятникам требуют специальных исследований. Здесь хочется подчеркнуть только, что древнерусская система, по-видимому, не знала подвижности суффиксальных имен, т. е. не давала

¹¹ См. С h r. S t a n g. Ibid., p. 103.

¹² Вслед за Л. А. Булаховским, опирающимся на сербско-хорватский материал, здесь это слово введено в тип *c*, хотя исконно возможна его связь с окситонированными производными основами.

¹³ См. Л. А. Булаховский. Об интонационных суффиксальных дублетах..., стр. 336.

чередования иктуса между крайними слогами слова. Только впоследствии по аналогии с неизменяемыми, изменившими свои акцентные характеристики в результате ряда поздних праславянских фонетических изменений, началось выравнивание в ударении производных с неизменяемым этапом подвижности без характерной для исконно подвижной парадигмы ретрессивности (прежде всего, оттяжек на клитки).

В качестве примера приведем очень частое в памятниках слово *хоромина*. Исконное ударение производящего имени трудно определить, имея в своем распоряжении чешск. и словацк. *chrám*, сербск. *xrám*, *xráma*, русск. *хором* (с указанием на окситонезу) и белорусск. *храм* (с указанием на подвижность). В древнейших источниках обычно окончательное ударение суффиксального слова, свойственное производным от подвижных, ср. в Ч. (середина XIV в.) *от храниць* 13^г, 29^г, *храминь* 29^г, *храминю* 29^г (но также *храмину* 5^г) *в храниѣ* 66^в. Аналогичное ударение дает Др. (середина XVI в.) с той только разницей, что в вин. п. ед. ч. здесь возможно накоренное ударение (*в хрѣмину* I, 616, но *храминѣ* II, 322 и под.). Все остальные рукописи XVI в. и более поздние дают последовательное ударение на корне с рефлексом новоаккутовой интонации, что характерно для производных от окситонированных имен, ср. *хоромина* Д. 78, *хорбмине* Дом. 95, *хорбмину* Д. 78, *о хорбминѣ* Леч. 445 и др. В ранних источниках любопытно выделение формы винительного падежа единственного числа (у других образований также и именительного падежа множественного числа). Это явная аналогия к подвижным типа *зимѣ* — *зимѹ* (и им. п. мн. ч. *зимы*), которая дает не фонетическую подвижность с чередованием иктуса между крайними слогами слова (подобно *сковородѣ* — *сковородѹ*), а вторичную «морфологическую» подвижность с выделением формы вин. п. ед. ч. (*храмину*, а не *храмину*).

Каждый славянский язык обнаруживает свои принципы и условия акцентного выравнивания, и потому мы не можем возводить подобное морфологическое выравнивание иктуса в парадигме к праславянскому периоду¹⁴.

¹⁴ В превосходном докладе на пражском съезде славистов (1968 г.) «Акцентология и словообразование в славянском» В. А. Дыбо (см. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации», М., 1968), между прочим, обильно привлечен материал южнославянских средневековых источников; сопоставление этого материала с древнерусским позволит сделать более надежные заключения об исходной акцентуационной системе производных имен. В одном отношении выводы В. А. Дыбо расходятся с нашими выводами, сделанными в настоящей статье: В. А. Дыбо уже для праславянского реконструирует подвижную акцентную парадигму целого ряда производных (*с* от *с*, или, по его обозначению, *С^с*), хотя сам в известных случаях и высказывает некоторые колебания (ср., например, сказанное относительно производных на *-ота*). Не отрицая такой возможности целиком (по крайней мере как явления диалектного в границах позднего праславянского языка), считаем нужным еще раз подчеркнуть, что акцентуанные русские источники указывают на вторичность подобной подвижности в восточнославянских языках.

С. И. СИДЕЛЬНИКОВ, В. В. СУХАРЕВ,
Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

История южных и западных славян — одна из обязательных профилирующих дисциплин, которую изучают студенты исторических факультетов университетов нашей страны. Курс истории зарубежных славян читается в университетах уже 25 лет. За четверть века историками-славистами вузов накоплен значительный опыт научно-исследовательской, учебной и учебно-методической работы. В годовщину Октября были подведены итоги исследовательской работы, проделанной историками-славистами нашей страны за годы Советской власти¹. Настало время серьезно обсудить вопросы преподавания в вузах истории южных и западных славян, обменяться накопленным опытом, определить задачи на будущее. Этому и посвящена настоящая статья².

Добиваясь, чтобы советские вузы готовили широко образованных специалистов, В. И. Ленин рекомендовал так строить преподавание, чтобы выработать у учащихся умение подходить к изучаемому вопросу самостоятельно³. Руководствуясь этим ленинским указанием, историки-слависты стремились координировать свои усилия, обмениваться опытом. В 1962 г. по инициативе кафедры истории южных и западных славян Московского университета впервые была проведена конференция историков-славистов нашей страны⁴.

В 1968 г. состоялась IV (Минская) конференция, на которой было решено на очередной встрече славистов (Харьков, февраль 1970 г.) широко обсудить вопрос о преподавании истории южных и западных славян в вузах с целью улучшения подготовки кадров историков-славис-

¹ И. М. Б е л я в с к а я, И. Д. О ч а к. Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке. В сб. «Славянская историография», изд. МГУ, 1966; В. В. М а р ь и н а. Вопросы послевоенного развития зарубежных славянских стран в советской историографии. Там же, В. Д. К о р о л ю к. Советские историко-славянские исследования (1917—1967 гг.). «Советское славяноведение», 1967, № 5; И. М. Б е л я в с к а я, И. Д. В о р о н к о в. Советское славяноведение в Московском университете. Вестник МГУ, № 1, серия IX. История, 1968 и др.

² В статье использованы материалы, представленные историческими кафедрами 15 университетов и 9 педагогических институтов страны: Московского, Киевского, Львовского, Ленинградского, Дальневосточного, Ереванского, Томского, Латвийского, Иркутского, Черновицкого, Самаркандского, Воронежского, Ташкентского, Вильнюсского, Харьковского университетов, Ивано-Франковского, Марийского, Минского, Мурманского, Омского, Пензенского, Полтавского, Северо-Осетинского, Ташкентского пединститутов.

³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 65.

⁴ Первая конференция состоялась в 1962 г. в Московском университете, вторая — в 1963 г. в Киевском, третья — в 1966 г. в Воронежском и четвертая — в 1968 г. в Белорусском.

тов⁵. В данной статье мы хотим поставить некоторые вопросы преподавания истории зарубежных славян, которые станут предметом обсуждения на Харьковской конференции.

В настоящее время в четырех университетах страны (Московском, Львовском, Киевском и Воронежском) существуют самостоятельные кафедры по истории зарубежных славян. В остальных университетах историю южных и западных славян читают сотрудники кафедры всеобщей истории. На историческом факультете Ленинградского университета существует славянский сектор, который координирует работу кафедры по данной проблематике. (Следует отметить, что в этом университете, а также Харьковском, Саратовском и некоторых других имеются опытные и квалифицированные кадры историков-славистов.)

Общий курс истории южных и западных славян читается в университетах студентам старших курсов всех отделений. Объем учебных часов сравнительно невелик. В Московском университете, например, он составляет 68 часов (на дневном и вечернем отделениях) и 22 часа — на заочном. В Московском университете читаются также специальный общий курс по истории зарубежных славян в объеме 200 часов, курсы источниковедения и историографии зарубежных славянских народов в объеме 8 часов каждый.

В других университетах объем часов на общий курс истории зарубежных славян несколько выше. Согласно учебному плану для исторических факультетов университетов, утвержденному Министерством высшего и среднего специального образования СССР в 1967 г., курс истории южных и западных славян читается на 7 и 8 семестрах стационара в объеме 100 часов, на вечерних отделениях — в объеме 44 часов. Кроме общего курса для студентов-историков во многих университетах читаются спецкурсы, организуются спецсеминары, предусмотрены темы курсовых и дипломных работ. Все это разнообразие форм учебной работы необходимо для углубленного изучения коренных проблем курса, помогает прививать будущим специалистам навыки самостоятельной работы. Большой опыт в организации спецкурсов накоплен в Московском университете. Тематика курсов за 1963—1968 гг. здесь охватывает важные вопросы истории всех зарубежных славянских стран: Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. В течение последних пяти лет к чтению спецкурсов кафедра истории южных и западных славян МГУ привлекала не только своих сотрудников, но также научных работников Института славяноведения АН СССР и ряда вузов Москвы. С чтением спецкурсов выступали также историки из Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии (профессора Д. Косев, С. Кеневич, М. Маловист, Я. Шидак, Г. С. Радоичич и др.). На спецкурсах истории зарубежных славянских стран в МГУ изучаются проблемы социально-экономического развития, национально-освободительного, рабочего и общественного движения, общественной мысли, межславянских связей. Значительная часть спецкурсов посвящена вопросам новейшей истории — «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Болгарии (1917—1919 гг.)», «Основные этапы развития народной Польши», «Некоторые проблемы национально-освободительной борьбы и народной революции в Югославии (1941—1945 гг.)» и другие. В тематике спецкурсов Киевского университета также преобладают сюжеты новейшей истории: «Борьба

⁵ П. З. Савочкин, Д. Б. Мельцер. Четвертая межвузовская научная конференция историков-славистов. «Советское славяноведение», 1968, № 4; И. А. Воронков, В. Г. Карасев. Межвузовская конференция историков-славистов. «Новая и новейшая история», 1968, № 4.

народов Центральной и Юго-Восточной Европы за единый фронт против фашизма и войны», «Характер и особенности народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «История коммунистических и рабочих партий европейских социалистических стран», «Осуществление кооперирования сельского хозяйства в зарубежных социалистических странах» и др.

Кафедра истории южных и западных славян Львовского университета ведет спецкурсы по истории гуситских войн, новой истории Польши, новейшей истории Югославии и др.

На спецкурсах Ленинградского университета представлены проблемы истории главным образом Польши, а также некоторые разделы из истории Болгарии и Чехословакии. Среди них «Падение Речи Посполитой в освещении историографии», «Положение болгарского народа под турецким игом», «Идеи Октябрьской революции и их творческое применение в деятельности Болгарской коммунистической партии», «Народная революция в Польше и строительство социализма (1944—1956 гг.)».

В Харьковском университете читались спецкурсы «Революционное движение в Болгарии 60—70-х годов XIX в.», «Строительство социализма в славянских странах народной демократии», «Антифашистское движение в славянских странах в период второй мировой войны», «История гуситского движения».

В тематике спецкурсов Дальневосточного университета преобладают вопросы истории второй мировой войны: «Участие вооруженных сил славянских стран в разгроме гитлеровской Германии», «Отношение СССР с зарубежными славянскими странами в 1941—1945 гг.».

Важное место в подготовке историков-славистов занимают спецсеминары. Наиболее разнообразна проблематика спецсеминаров в Московском университете. Здесь за последние пять лет на семинарских занятиях со студентами, специализирующимися на кафедре истории южных и западных славян, разрабатывалось свыше 30 тем, охватывающих важнейшие сюжеты социально-экономического и политического развития славянских стран, рабочего, социалистического и коммунистического движения в них. Примерно половина всех спецсеминаров посвящена проблемам новейшей истории, в частности движению Сопротивления в славянских странах в годы второй мировой войны, возникновению народно-демократического строя и строительству социалистического общества.

Необходимо отметить, что на исторических факультетах некоторых педагогических институтов, где общий курс истории славян не преподается, все же читаются спецкурсы и проводятся спецсеминары, посвященные некоторым актуальным вопросам истории зарубежных славян. Так, в Северо-Осетинском пединституте в течение ряда лет читается спецкурс «История Болгарской коммунистической партии», в Марийском пединституте — курс истории славянских народов в средние века.

Наибольший опыт в изучении славянской проблематики накоплен историческим факультетом МГУ. По проблемам истории зарубежных славянских стран, главным образом нового и новейшего времени, за 1963—1967 гг. в МГУ написано около 150 дипломных работ, причем часть из них посвящена вопросам источниковедческого и историографического характера.

Дипломные и курсовые работы по истории славянских народов защищаются во многих других университетах (Киевском, Ленинградском, Львовском, Воронежском, Саратовском, Белорусском и др.), а также в некоторых пединститутах (Ивано-Франковском, Северо-Осетинском, Омском). Большое значение имеет языковая подготовка историков-славистов. Без знания славянских языков не может быть квалифицирован-

ного специалиста. В Московском университете все студенты, специализирующиеся по истории южных и западных славян, в течение 2—2¹/₂ лет изучают славянские языки. В большинстве же университетов славянские языки или вообще не изучаются, или изучаются факультативно. Нам кажется, назрела необходимость организовать изучение языков стран народной демократии в ведущих университетах и других крупнейших вузах страны. Этого требуют интересы развития науки, практика нашей жизни.

Большой объем курса всеобщей истории и сравнительно скромный — истории южных и западных славян в учебных планах университетов, как и отсутствие его в педвузах, — все это, естественно, затрудняет углубленную научную и педагогическую специализацию преподавателей по истории зарубежных славянских народов.

Подготовка кадров преподавателей истории южных и западных славян в аспирантуре ведется в ряде университетов, располагающих крупными научными силами — в Московском, а также в Киевском, Львовском, Харьковском и Воронежском университетах.

На кафедре истории южных и западных славян МГУ было подготовлено более 30 кандидатских диссертаций⁶. Только за 1966—1967 гг. здесь защищено пять диссертаций, посвященных истории зарубежных славянских народов. Из них три по истории южнославянских народов и Чехии в средние века, а две — по новейшей истории Польши и Болгарии. Из шести подготовляемых в настоящее время в МГУ кандидатских диссертаций пять посвящены проблемам новейшей истории Польши, Болгарии и Югославии.

В Львовском университете за последние несколько лет защищено восемь кандидатских диссертаций по истории Польши и Болгарии в новое и новейшее время.

Большую работу по подготовке научно-педагогических кадров ведет недавно образованная кафедра истории зарубежных социалистических стран и южных и западных славян Киевского университета. Здесь над тематикой, охватывающей проблемы новейшей истории всех зарубежных славянских стран и их взаимоотношений с СССР, работают шесть аспирантов.

В Харьковском университете лишь за последний год состоялась защита двух кандидатских диссертаций по новейшей истории Болгарии и Чехословакии.

Несколько кандидатских диссертаций по истории зарубежных славян подготовлено в Воронежском университете и других вузах страны.

Над докторскими диссертациями работают историки-слависты Московского, Львовского, Ленинградского, Киевского, Харьковского и некоторых других университетов, а также пединституты. В последние годы 10 преподавателей университетов и педвузов защитили докторские диссертации. Тем не менее вузы страны все еще медленно пополняются научно-педагогическими кадрами высшей квалификации — докторами наук, специалистами по истории зарубежных славян. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в ряде вузов лекционные курсы истории славянских стран читаются преподавателями, не имеющими ученых степеней. Расширение аспирантуры по истории славянских стран является неотложной задачей.

В материалах, поступивших из ряда вузов, ставится вопрос о необходимости создать курсы повышения квалификации для молодых преподава-

⁶ И. М. Белявская, И. А. Воронков. Советское славяноведение в Московском университете, стр. 11.

телей, читающих курсы истории южных и западных славян. Если учесть к тому же, что во многих вузах курс истории славян читают преподаватели, научные интересы которых не связаны с историей славянских стран, станет понятной и, по нашему мнению, оправданной такая постановка вопроса.

Одним из наиболее важных вопросов организации нормального учебного процесса в вузе является обеспечение студентов учебной и учебно-методической литературой. Советские ученые-слависты проделали значительную работу по созданию необходимых пособий. В 1957 г. вышел в свет первый учебник по истории славян⁷. Он оказал значительную помощь преподавателям и студентам исторических факультетов, учителям средних школ, читателям, интересующимся историей зарубежных славянских народов. Наряду с несомненными достоинствами, учебник, однако, имеет и ряд крупных недостатков. Он перегружен фактическим материалом в ущерб выводам и обобщениям, изложение материала здесь было доведено лишь до 1944—1945 гг.

С каждым годом становилась все более очевидной необходимость создания новых учебников, которые удовлетворяли бы современным требованиям. Попыткой в решении этой сложной задачи можно считать учебник, созданный коллективом украинских ученых⁸. В этом учебнике история зарубежных славянских народов доведена до 1964—1965 гг.

К сожалению, оба учебника были выпущены незначительным тиражом и уже стали библиографической редкостью.

В настоящее время ученые Московского университета при участии сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, Воронежского и Харьковского университетов подготовили новый учебник истории южных и западных славян, который находится в производстве. В новом учебнике изложение доводится до 1965—1966 гг., в него впервые включены разделы по истории культуры зарубежных славян. При определении тиража учебника необходимо учесть потребности в нем университетов и пединституты страны.

В ближайшее время преподаватели и студенты вузов получат заново составленную программу университетского курса истории славян и новое издание методических указаний по курсу.

Во многих вузах спецкурсы и спецсеминары недостаточно обеспечены соответствующими пособиями, так как их издается все еще очень мало. Редко практикуется издание самостоятельных общих курсов лекций. Разработка спецкурсов и издание их в виде монографий или учебных пособий поможет решить не только некоторые вопросы организации самостоятельной работы студентов, но и восполнить пробелы, существующие в литературе по ряду узловых проблем истории зарубежных славянских народов.

Следовало бы также увеличить выпуск литературы по историографии, источниковедению. Историографический сборник, подготовленный кафедрой истории южных и западных славян МГУ⁹, и глава по историографии славянских стран в двухтомном учебном пособии по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки¹⁰ — только начало. Наз-

⁷ «История южных и западных славян». Под ред. И. М. Белявской, С. А. Никитина, П. Н. Частухина. М., изд. МГУ, 1957.

⁸ «Історія південних і західних слов'ян». За ред. проф. В. А. Жебокрицького, проф. І. С. Дзюбка, доц. А. Ф. Кізченка, доц. І. М. Гранчака. Київ, вид. Київського ун-ту, 1966.

⁹ Славянская историография. Сб. статей под ред. И. М. Белявской, И. А. Воронкова, В. Г. Карасева. Изд-во МГУ, М., 1966.

¹⁰ «Историография нового времени стран Европы и Америки», М., 1967; «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М., 1968.

рела необходимость в издании специального учебного пособия по истории науки и культуры зарубежных славянских стран.

Для улучшения подготовки молодых специалистов по истории южных и западных славян вузам нужны различные виды учебных наглядных пособий — репродукции картин, диафильмы, учебные кинофильмы и т. п. Совершенно недостаточно пока обеспечены вузы тематическими картами по истории славянских стран.

Решить все эти задачи сразу, естественно, невозможно. Поэтому, думается было бы целесообразно через Координационную комиссию Министерства высшего и среднего специального образования СССР по истории зарубежных славянских народов, созданную при МГУ в 1962 г.¹¹, разработать перспективный план выпуска необходимой учебной, учебно-методической литературы и наглядных пособий. К его составлению можно было бы привлечь историков-славистов, работающих не только на кафедрах истории славян, но также сотрудников научно-исследовательских институтов и преподавателей университетов и пединститутов, не имеющих специальных кафедр.

В связи с большими и ответственными задачами, которые стоят перед вузами, более высокие требования должны быть предъявлены к обучению и воспитанию молодых специалистов. Исторические кафедры и факультеты значительно усилили внимание к вопросам организации контроля самостоятельной работы студентов. Преподаватели многих вузов считают необходимым ввести практические и семинарские занятия по истории южных и западных славян. Это мнение разделяют, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, ученые Иркутского, Черновицкого, Ереванского, Латвийского университетов. Речь идет не о дополнительном увеличении количества учебных часов, а о введении семинарских занятий по истории славянских народов, по истории средних веков и новой истории. Подобный опыт полностью оправдал себя на исторических факультетах Московского и Харьковского университетов.

В настоящее время все более очевидна необходимость скорейшей подготовки и издания источников по славянской проблематике. На исторических факультетах университетов желательно ввести, наряду с общим курсом, по крайней мере по одному спецкурсу и спецсеминару по истории южных и западных славян, необходимы курсовые и дипломные работы по славянской тематике.

Заслуживает внимания и вопрос о включении самостоятельного курса истории южных и западных славян в учебные планы некоторых исторических факультетов педагогических институтов. Таково мнение преподавателей не только ряда университетов, но и педвузов (Ташкентского, Минского и других).

Проведение республиканских и союзных конкурсов студенческих научных работ по истории южных и западных славян, организация встреч победителей республиканских и союзных конкурсов с видными учеными-славистами в Москве, Киеве и других университетских центрах страны, проведение студенческих межвузовских конференций по истории славянских стран и участие студентов — начинающих исследователей — в научных конференциях историков-славистов было бы, на наш взгляд, серьезным стимулом в приобщении студентов к исследовательской работе.

Для повышения качества подготовки молодых специалистов по истории славянских народов было бы весьма полезно организовать более ши-

¹¹ С середины 1968 г. она переименована в Комиссию истории зарубежных славян объединенной исторической секции Научно-технического совета МВ и ССО СССР и РСФСР.

роко, чем до сих пор, учебно-ознакомительную практику студентов в зарубежных странах на безвалютной основе.

Быстрое развитие исторических исследований по славянской тематике в нашей стране, а также в зарубежных славянских странах требует систематического улучшения содержания читаемых общих и специальных курсов, совершенствования организации и методов обучения. В этом плане трудно переоценить значение личного знакомства преподавателей-славистов с постановкой научно-исследовательской и учебно-методической работы в зарубежных славянских странах. Видимо, следует значительно расширить поездки преподавателей-славистов за границу для обмена опытом работы, сбора материалов и усовершенствования знаний славянских языков.

На Минской конференции историков-славистов было обращено внимание на необходимость улучшения преподавания истории южных и западных славян в вузах. Такого рода конференции позволяют проанализировать и обсудить новейшие результаты научных исследований в области славистики. Очередная, пятая, межвузовская конференция историков-славистов состоится в феврале 1970 г. в Харькове. Она будет посвящена 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Советские историки-слависты считают своим долгом показать историческую роль В. И. Ленина, Коммунистической партии Советского Союза, влияние идей ленинизма на развитие революционного движения в зарубежных славянских странах.

На предстоящей конференции решено рассмотреть следующие проблемы: изучение ленинского наследия, значение идей ленинизма для исторического развития славянских народов, проблемы социалистического строительства, революционного и национально-освободительного движений в славянских странах и т. д.

Специально будет обсужден вопрос о состоянии преподавания истории южных и западных славян в высших учебных заведениях страны. Это позволит расширить круг участников конференции. На предыдущих конференциях собирались, как правило, историки-слависты. Но ведь во многих вузах преподавание истории южных и западных славян осуществляют и не «чистые» слависты, а нередко — ученые, чьи научные интересы связаны с иными областями истории. Хотелось бы услышать и их голос, узнать их мнение по вопросам, связанным с дальнейшим повышением уровня преподавания истории южных и западных славян в советской высшей школе.

Советские историки-слависты, как и все преподаватели вузов, направляют свои усилия к тому, чтобы у молодых специалистов, которых они готовят для служения своему народу, крепили коммунистическая убежденность, чувство советского патриотизма и пролетарского интернационализма, идейная стойкость в борьбе с любыми проявлениями буржуазной идеологии.

Нет никакого сомнения в том, что дальнейшее совершенствование преподавания истории южных и западных славян в вузах, разрешение назревших проблем будет способствовать выполнению жизненно важных задач, стоящих перед нашей высшей школой в области исторического образования.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

И. В. МИХУТИНА

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ЛИГУ НАЦИЙ И ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Фашистский переворот в Германии в 1933 г. стал началом нового этапа в международных отношениях периода между первой и второй мировыми войнами. Гитлеризм пришел к власти под флагом завоевания мирового господства для германской «расы господ», в первую очередь за счет экспансии на востоке Европы. Идеологическим обоснованием гитлеровской внешнеполитической программы явились лозунги антикоммунизма и крестового похода против СССР, что привлекало к ней самые реакционные силы капиталистического мира. Правительство Советского Союза раньше других поняло глубину военной опасности со стороны гитлеризма. Против гитлеровских планов выступили также те политические круги капиталистических стран, которые в достаточной степени осознали неизбежность столкновения с гитлеровской Германией.

В этих условиях Советское правительство видело реальную возможность сохранения мира путем организации коллективных мер по предотвращению фашистской агрессии.

Весной 1934 г. Советское правительство ознакомило представителей стран — участниц международной конференции по разоружению с идеей организации коллективной безопасности¹. Предложение Советского правительства предусматривало принятие общих гарантий в форме соглашения широкого, ничем не ограниченного круга государств о применении санкций против нарушителей мира. С этой целью советский делегат внес 4 июля предложение о превращении конференции по разоружению в постоянную конференцию мира². Общее соглашение должно было сочетаться с региональными договорами по обеспечению безопасности отдельных групп государств. К весне 1934 г. на базе французских предложений о двусторонних франко-советских обязательствах взаимопомощи, внесенных осенью 1933 г. по инициативе СССР, возник проект регионального пакта взаимопомощи для стран Восточной Европы³. С французскими дополнениями он представлял собой систему взаимосвязанных договоров, первый из которых предусматривал участие СССР, Германии, Польши, Чехословакии, прибалтийских стран и их взаимное обязательство предоставлять помощь против агрессии (Восточный пакт), а по второму — франко-советскому договору — Франция и СССР, учитывая Восточный

¹ Советская точка зрения была изложена в выступлении на конференции наркоминдел СССР М. М. Литвинова. М. М. Л и т в и н о в. Все силы на борьбу с поджигателями войны. «Правда», 1934, 30 мая.

² «Правда», 1934, 4 июня.

³ Архив внешней политики СССР опубликовал документы, отражающие историю борьбы СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. Междунар. жизнь, 1963, № 6, 8, 10.

пакт и Локарнские соглашения, обязаны были бы оказывать друг другу помощь в случае нарушения этих соглашений любым из участников⁴.

Французское правительство с самого начала переговоров выдвинуло условием осуществления этой меры вступление СССР в Лигу наций. Советское правительство в принципе не возражало против этого, справедливо считая, что в обстановке поляризации сил мира и войны Лига наций сможет выполнить положительную роль в обеспечении безопасности народов.

Идея коллективной безопасности в Европе вызвала яростное сопротивление гитлеровской Германии. Правда, ее правительство старалось действовать так, чтобы формально избежать ответственности за срыв Восточного пакта или по крайней мере разделить ее с правительствами других стран. Покладистым и согласным партнером Германии в этом деле стала буржуазная Польша, правительство которой в этот период приступило к осуществлению широкого великодержавного плана, с помощью которого оно рассчитывало укрепить позиции Польши в Европе. Важнейшим фактором в этом отношении, по мнению правящих кругов Польши, должно было быть достижение соглашения с Германией. При этом широко известная внешнеполитическая программа гитлеризма с ее восточным направлением экспансии не принималась в расчет, а тактические маневры фашистского правительства, выразившиеся во временном смягчении антипольских акцентов германской политики, польское правительство принимало за реальную действительность. Подписание германо-польского пакта о ненападении 26 января 1934 г. было признано удачным и значительным шагом вперед в осуществлении намеченной программы.

Пилсудчики боялись, что участие Польши в Восточном пакте повредит германо-польскому сближению. Опасной для их авантюристических планов представлялась сама идея коллективной безопасности и многостороннего договора с участием СССР, Франции и Германии, на фоне которых Польша, по их мнению, не могла играть первостепенной роли, понимаемой как гегемония и диктат над малыми и слабыми государствами. С этой точки зрения неблагоприятным казалось усиление международной роли СССР, проводившего принцип равноправия в международных отношениях. Польское правительство и дипломатия не щадили усилий для срыва Восточного пакта, оказывая тайное и явное противодействие вступлению СССР в Лигу наций.

Формальным основанием для сопротивления Польши могло служить то, что вступление СССР в Лигу наций обеспечило бы ему как великой державе постоянное место в Совете Лиги, на которое Польша претендовала в течение долгих лет. Однако, зная неприязнь и пренебрежение Ю. Пилсудского к этой международной организации⁵, нетрудно было догадаться, что претензии на постоянное место могли служить лишь поводом для сопротивления приему СССР.

На первых порах представители польского правительства подвергали сомнению действительное желание СССР вступить в Лигу наций, выражали неверие в прочность положения Советского Союза и в стабильность его политики: в таком духе высказывались Ю. Пилсудский и Ю. Бек во время визита в Польшу французского министра иностранных дел Л. Барту в апреле 1934 г.⁶ Тогда же польские представители пытались заручиться французской поддержкой в получении Польшей постоянного места в слу-

⁴ Там же, № 6, стр. 154—155.

⁵ J. B e c k. Final Report. New York, 1957, p. 52.

⁶ J. S z e m b e k. Diariusz i teki J. Szembeka, t. I. Londyn, 1964, s. 156—157.

чае вступления СССР в Лигу⁷. Однако эта попытка оказалась безуспешной. В своем выступлении в палате депутатов 25 мая 1934 г. Л. Барту подчеркнул, что «было бы нескромным и несвоевременным» выдвигать сейчас вопрос о положении Польши в Совете Лиги наций, если это может создать дополнительное препятствие для вступления в нее СССР, которое он считает «значительным событием для дела европейского мира»⁸.

Английское правительство, желая предотвратить двустороннее франко-советское соглашение, сочло за лучшее поддержать многосторонний договор о взаимопомощи и после переговоров с Л. Барту 9—10 июля 1934 г. заявило об официальной поддержке Восточного пакта. Министр иностранных дел Англии Д. Саймон заявил 13 июля в палате общин, что вступление СССР в «ареопаг народов будет большим мирным достижением»⁹.

До конца июля 1934 г. советскими и французскими представителями была обсуждена процедура приглашения и приема СССР на ближайшей сессии Генеральной ассамблеи Лиги наций в сентябре 1934 г. с предоставлением ему постоянного места в Совете, а также установлено, что Франция согласует вопрос с великими державами и постарается «успокоить те государства, которые высказались против приема СССР». Характерно, что в ходе обсуждения этих мер французский представитель предложил провести переговоры с Польшей лишь в конце августа—начале сентября¹⁰. Опасение, что Польша окажет сопротивление приему СССР в Лигу наций, было всеобщим¹¹.

В этих условиях польской дипломатии стало ясно, что открытое выступление против и даже повторение ею требования о постоянном месте поведет к международной изоляции Польши и усилению подозрений о наличии тайного польско-германского сговора. Кроме того, во время встречи польского посла в Германии Ю. Липского с Гитлером 27 августа 1934 г. был окончательно согласован отрицательный ответ на предложение о Восточном пакте¹² и правительство Польши теперь было уверено, что ему удастся поставить под угрозу миролюбивый франко-советский план — не допустить заключения пакта безопасности в Восточной Европе.

Поэтому польской дипломатии оставалось одно: затруднить путем различных придирчивых оговорок вступление Советского Союза в Лигу наций хотя бы для того, чтобы бросить тень на этот акт, одобрявшийся всей миролюбивой общественностью.

Перед самым открытием сессии Ассамблеи Лиги наций польское правительство потребовало от СССР специального заявления о том, что вступление Советского Союза в эту международную организацию ни в чем не изменит советско-польских отношений. Сама постановка вопроса была провокационной демонстрацией недоверия к советской политике и имела целью нанести ущерб международному престижу СССР. Готовясь к этой акции, польская дипломатия провела ряд предварительных маневров. 3 сентября польский посланник в Турции Е. Потоцкий в беседе с турецким министром иностранных дел по поручению из Варшавы специально подчеркнул, что в советско-польских отношениях наступило большое охлаждение на почве различного отношения к Восточному пакту. Это сообщение, как писал сам Е. Потоцкий, было сделано в надежде на то, что турецкое

⁷ «Documents on British Foreign Policy» (далее — DBFP), ser. 2, v. VI, № 418, p. 689.

⁸ «Известия», 1934, 27 мая.

⁹ «Times», 14 V 1934.

¹⁰ Междунар. жизнь, 1963, № 7, стр. 152—153.

¹¹ Там же, стр. 153; DBFP, ser. 2, v. VII, № 620, p. 729.

¹² Польская запись беседы опубликована: J. J u r k i e w i c z. Pakt Wschodni. Warszawa, 1963, s. 161—164, германская — «Dokumente on German Foreign Policy», ser. C, v. III, № 177, p. 330.

правительство, поддерживавшее дружественные отношения с СССР, доведет этот тревожный сигнал до сведения Советского правительства¹³.

Вслед за этим 4 сентября во время встречи с советским полпредом в Варшаве Я. Х. Давтяном Ю. Бек поставил вопрос о польских условиях соглашения на вступление СССР в Лигу наций¹⁴. Польский министр демагогически заявил, что хотя сам он «с трудом допускает возможность занятия Польшей отрицательной позиции», в общественном мнении «существует в последнее время большое недоверие к советской политике»¹⁵. «Многие думают, что после вступления СССР в Лигу наций его отношение к Польше может измениться, и в частности ослабеет значение подписанных договоров»¹⁶. Поэтому Ю. Бек хотел бы уточнить: «1) считает ли Советское правительство ненарушаемыми и неизменными польско-русские отношения, основанные на существующих между двумя странами соглашениях; 2) готово ли Советское правительство в форме обмена нотами заявить о ненарушимости существовавших до сих пор обязательств в свете своего вступления в Лигу наций»¹⁷. Не дав прямого ответа на вопрос, зависит ли общая позиция Польши от предлагаемого подтверждения обязательств, польский министр подчеркнул, однако, что настаивает именно на форме обмена нотами и на получении ответа до 7 сентября, когда начнутся заседания Совета Лиги наций¹⁸.

Советское правительство рассмотрело польское предложение только 7 сентября, и в тот же день заместитель наркоминдел СССР Б. С. Стомоняков сообщил польскому поверенному в делах Г. Сокольниковскому для передачи в МИД Польши и Ю. Беку в Женеву, что, «по мнению Советского правительства, является естественным», что и после возможного вступления СССР в Лигу наций не только пакт о ненападении с Польшей и конвенция об определении агрессора, «но и все существующие между СССР и Польшей соглашения останутся в силе»¹⁹.

Ю. Бек, однако, настаивал на письменном заявлении Советского правительства в таком духе²⁰.

Тем временем в Женеве на первом секретном заседании Совета Лиги наций 8 сентября, рассмотревшем вопрос о приеме СССР, Ю. Бек заявил, что Польша не противится приглашению СССР, но просит перенести обсуждение на 10 сентября, когда в результате польско-советских переговоров будут урегулированы «некоторые проблемы», после чего Польша примет окончательное решение²¹.

9 сентября Б. С. Стомоняков вручил Г. Сокольниковскому письменный ответ Советского правительства, который, в соответствии с пожеланием Ю. Бека, сообщенным в ночь с 8 на 9 сентября, должен был быть оглашен в форме коммюнике для печати. Однако Советское правительство считало возможным огласить его только после того, как СССР будет принят в Лигу наций и получит постоянное место в Совете. В ночь с 9 на 10 сентября директор Восточного департамента МИД Польши Т. Шетцель передал

¹³ Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Spraw Zagranicznych (далее — AAN MSZ), P III, w. 49, t. 10 (128 og.), s. 41.

¹⁴ Запись Я. Х. Давтяна — «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich» (далее — DMHSPR), t. VI. Warszawa, 1967, № 145, s. 248—249; польская запись — AAN MSZ, P III, w. 48, t. 1 (sow.).

¹⁵ AAN MSZ, P III, w. 48, t. 1 (sow.).

¹⁶ DMHSPR, t. VI, № 145, s. 248.

¹⁷ AAN MSZ, P III, w. 48, t. 1 (sow.).

¹⁸ DMHSPR, t. VI, № 145, s. 248.

¹⁹ AAN MSZ, P III, w. 48, t. 1 (sow.).

²⁰ AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, w. 137 (sow.), t. 4.

²¹ J. В е с к. Ibid., p. 64.

польскому поверенному в делах в Москве новую инструкцию²²—добиваться письменного заявления Советского правительства в форме ноты—и сообщал о согласии Польши на отсрочку опубликования этого заявления лишь до вступления СССР в Лигу наций, не дожидаясь предоставления ему постоянного места в Совете. Оба эти условия в предложенной формулировке были неприемлемы для Советского Союза. 10 сентября в полдень Б. С. Стомяков сообщил Г. Сокольникову, что Советское правительство не считает возможным делать одностороннее заявление о неизменности действия его соглашений с Польшей; выходом может быть либо опубликование советско-польского коммюнике, либо обмен нотами, в которых советское заявление будет ответом на запрос Польши. Что касается срока опубликования этих документов, то Советское правительство рассматривает вступление СССР в Лигу наций неразрывно с предоставлением ему постоянного места в Совете. Оно также придавало особое значение времени оглашения результатов советско-польских переговоров. Поэтому для обсуждения нового польского предложения потребовался бы созыв Совета Народных Комиссаров²³.

В 18 час. 30 мин. 10 сентября Г. Сокольников получил инструкцию принять советские условия и в тот же день завершить дело. К 23 час. была согласована окончательная редакция текстов и около полуночи состоялся обмен нотами между заместителем наркоминдел СССР Н. Н. Крестинским и временным поверенным в делах Польши в СССР Г. Сокольниковым²⁴. В польской ноте говорилось: «В связи с возможностью вступления Союза Советских Социалистических Республик в Лигу наций правительство Польской республики предлагает правительству Союза Советских Социалистических Республик взаимно констатировать, что также и после вступления Союза Советских Социалистических Республик в Лигу наций основой отношений между Польской республикой и Союзом Советских Социалистических Республик в дальнейшем останутся во всей полноте все существующие между ними договоры, включая пакт о ненападении и конвенцию об определении агрессора...». Советская нота представляла собой ответ на польское предложение: «... В ответ на вашу ноту... имею честь сообщить Вам от имени моего правительства, что правительство Союза Советских Социалистических Республик полностью согласно с польским правительством в том, что после éventуального приглашения и вступления Союза Советских Социалистических Республик в Лигу наций основой отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской республикой останутся существующие между ними договоры, которые все, включая договор о ненападении и конвенцию об определении агрессора, и впредь сохраняют полностью свою силу...»²⁵.

Как видно из текста документов, юридически они ничего не прибавляли к имевшимся уже советско-польским соглашениям и не изменяли их характера. Цель политической акции Ю. Бека: перед лицом неотвратимого факта присоединения СССР к международной организации подчеркнуть приоритет двусторонних отношений, не допустить, чтобы польская политика, «ясно определенная отношениями с отдельными партнерами, была раз-

²² AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, w. 137 (sow.), t. 4; P III, t. 316 (49 sow.), s. 238.

²³ AAN MSZ, P. III, t. 316 (49 sow.), s. 240; Ambasada w Moskwie, w. 137 (sow.), t. 4.

²⁴ Ibid.

²⁵ DMHSPR, t. VI, № 148, 149, s. 253—254.

бавлена в мутной воде Устава (Лиги. — *И. М.*), применение которого было весьма неопределенным»²⁶.

Еще более странным выглядело пояснение переговоров с СССР, данное в официозной «Газете польской» ее московским корреспондентом Я. Берсоном: в номере от 21 сентября он писал, что Польша должна застраховать себя на случай возможного применения по советской инициативе ряда статей устава Лиги наций, в том числе о ревизии договоров, утративших силу, о разрешении конфликтов с помощью арбитража и о применении санкций Лиги наций²⁷. Это выступление близкого к правительству органа польской печати характеризует атмосферу мелочных политических спекуляций, которую пыталась создать польская дипломатия вокруг факта вступления СССР в Лигу наций. В действительности ни советская, ни польская сторона в переговорах не могла иметь в виду условий, указанных «Газетой польской», уже хотя бы потому, что подписанный в 1932 г. советско-польский пакт о ненападении четко разграничил прерогативы двусторонних и международных обязательств обеих сторон.

Еще одной причиной навязанных Советскому Союзу переговоров была известная склонность руководителей внешнеполитического ведомства Польши к хитроумным, но часто бессодержательным маневрам и эффектным драматическим ситуациям. Ю. Бек полагал, что подобная политика способствует росту авторитета и международного влияния Польши. Поэтому с нескрываемым удовлетворением он вспоминал, как «среди огромного волнения нервной Женевской публички» он «оставался спокойным, разыгрывая свой московский демарш»²⁸.

Однако на деле этот демарш с его отсрочками заседаний Совета Лиги наций и тройной телеграфной и телефонной связью по линии Москва — Варшава — Женева имел характер жалкого и злобного фарса. Переговоры в Москве с польской стороны приобрели форму мелочного выторговывания у Советского правительства таких уступок, которые могли бы нанести ущерб престижу СССР. Общая обстановка не способствовала успеху польской дипломатии в этом торге и лишь затянула решение вопроса. В результате Ю. Бек вынужден был сообщить о согласии польского правительства на прием СССР в Лигу наций с предоставлением ему постоянного места в Совете еще до того, как произошел обмен нотами, который считался формальным условием Польши²⁹, а затем понадобились горячие усилия Г. Соколыницкого, чтобы «свести концы с концами» и успеть подписать ноты еще 10 сентября, что было сделано за 15 мин. до истечения суток³⁰.

²⁶ J. В е с к. *Ibid.*, p. 65. В. Побуг-Малиновский пишет, что Советскому Союзу надо было показать, что Устав Лиги наций не следует ставить выше двусторонних обязательств. *W. P o b ó g-M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski, t. II, cz. 1. Londyn, 1956, s. 560.* Это объяснение звучит фальшиво и надуманно, так как ни формально, ни фактически не существовало непреходящей зависимости двусторонних отношений стран-участниц Лиги наций от обязательств общего характера, связанных с принадлежностью к этой организации. Ни одно государство, имевшее с СССР различные договоры, в том числе и пакты о ненападении, за исключением Польши, не выразило ни малейших сомнений в сохранении силы этих договоров после вступления СССР в Лигу наций.

²⁷ «*Gazeta Polska*», 21 IX 1934.

²⁸ J. В е с к. *Ibid.*, p. 65.

²⁹ В записи о секретном заседании Совета Лиги наций 10 сентября, сделанной членом польской делегации Т. Комарницким, как и в мемуарах Ю. Бека, дело представлено таким образом, что заседание по просьбе Польши было отсрочено на 20 минут, так как Ю. Бек ожидал «конкретных сведений из Москвы, которые должны были определить его позицию». (*J. S z e m b e k. Ibid.*, s. 171—172; *J. В е с к. Ibid.*, p. 15.) В действительности, как свидетельствует телеграмма, отправленная Т. Шетцелем в Москву 9 сентября, уже в этот день было решено, что Польша будет голосовать не только за принятие СССР, но и за предоставление ему постоянного места в Совете Лиги наций. *AAN MSZ, P III, t. 316 (49 sow.), s. 238.*

³⁰ *AAN MSZ, Ambasada w Moskwie, w. 137 (sow.), t. 4.*

Очередным шагом по усилению напряженности на осенней сессии Лиги наций в 1934 г. была сенсационная декларация Ю. Бека 13 сентября³¹, в которой он заявил об одностороннем отказе Польши от обязательств по охране прав национальных меньшинств³².

Польша под формальным предлогом несовершенства и непоследовательности способа охраны прав национальных меньшинств, установленного Версальским договором³³, добивалась ликвидации системы обязательств, чтобы иметь свободу рук для угнетения непольских народов и избавиться от контроля, который был унизителен с точки зрения великодержавной концепции правителей Польши. Обоснованный в свое время польский аргумент о том, что существующая система используется Германией во враждебных Польше целях, потерял значение после выхода Германии из Лиги наций и особенно после польско-германского соглашения 26 января 1934 г.

Кроме вышеназванных причин внутреннего характера и общих преследуемых соображений, факты, сопутствующие выступлению Ю. Бека, свидетельствуют о том, что польское правительство и лично Ю. Бек задумали его в связи со вступлением СССР в Лигу наций³⁴.

Просьба Польши о включении в порядок дня ближайшей Ассамблеи Лиги наций проекта резолюции о созыве международной конференции для обсуждения вопроса о генерализации обязательств по охране прав национальных меньшинств была внесена главой польской делегации в Лиге Э. Рачиньским 10 апреля 1934 г., когда польскому правительству уже было известно о намерении СССР вступить в Лигу наций и о готовности Франции оказать содействие этому³⁵. Неприемлемо было для польских правителей, что международная организация имела право вмешиваться в их политику по отношению к подвластным им народам, но тем более было бы неприемлемым участие в этом Советского Союза, на деле проводившего политику национального равноправия. «Трудно было принять факт,— писал Ю. Бек,— что представитель Советов мог обсуждать и решать внутренние дела Польши»³⁶.

Польская дипломатия стремилась не допустить такого положения. 2 июня 1934 г. Э. Рачиньский в беседе с французским делегатом при Лиге наций обратил внимание на то, что Польша не может согласиться на вступление Советского Союза в Лигу, так как, будучи сам свободным от обязательств по охране прав меньшинств, СССР захочет выступить по вопросу о польской политике на Западной Украине и Западной Белоруссии. В качестве выхода из положения польский представитель предлагал заменить гарантии, даваемые Лигой наций, торжественным заявлением польского правительства о соблюдении конституции Польши, якобы обеспечиваю-

³¹ «Gazeta Polska», 14 IX 1934.

³² Э. Рачиньский в своем письме от 6 декабря 1960 г., отвечая на вопросы польского историка В. Миховича, подчеркнул, что именно приближающееся вступление СССР в Лигу наций побудило Польшу прибегнуть к методу одностороннего отказа от выполнения обязательств. W. M i c h o w i c z. Walka dyplomacji polskiej przeciwko traktatowi mniejszoscowemu w Lidze Narodów w r. 1934. Łódź, 1963, s. 182.

³³ Версальским договором была установлена система охраны прав национальных меньшинств, которая распространялась только на страны-наследницы бывшей австро-венгерской монархии, в том числе и на Польшу. Она не касалась великих держав-победительниц и Германии. Со времени вступления последней в 1926 г. в Лигу наций ее правительство с целью обострения польско-германских отношений использовало это положение для жалоб на Польшу по поводу угнетения немецкого национального меньшинства.

³⁴ История этого вопроса во всех подробностях изложена в работах В. Миховича (W. Michowicz. Walka dyplomacji...; e g o ж е. Wstąpienie ZSRR do Ligi Narodów a dyplomacja polska. «Studia z najnowszych dziejów powszechnych», t. 5. Warszawa, 1963).

³⁵ «Gazeta Polska», 11, IV 1934.

³⁶ J. B e c k. Ibid., p. 66.

щей права других национальностей³⁷. Предложение это казалось очень ловким, так как не упускало из виду главную цель — фактически устроить контроль над положением национальных меньшинств в Польше³⁸. Но ни тогда, ни позже³⁹ эти претензии не получили поддержки Франции и других великих держав.

Само содержание декларации было прямым проявлением великодержавной внешней и реакционной внутренней политики «санационного» лагеря. Обстоятельства же, при которых она была сделана, придавали польскому выступлению характер опасного для дела мира антисоветского акта. В условиях поляризации международных сил, когда после разрыва Германии и Японии с Лигой наций и вступления в нее СССР создавалась реальная возможность изменения характера этой организации и превращения ее в подлинный «инструмент» мира, отказ Польши от выполнения некоторых обязательств устава Лиги наций подрывал престиж этой организации. Логическим следствием такой политики могло стать польско-германо-японское сближение⁴⁰, имевшее антисоветскую направленность. Наконец, факт польского выступления накануне приема СССР в Лигу наций был несомненной демонстрацией негласного протеста и сопротивления росту международного значения Советского государства. Не исключено также, что Ю. Бек рассчитывал своим сенсационным заявлением хотя бы частично отвлечь внимание общественности от этого серьезного и положительного события мировой политики.

15 сентября 1934 г. 30 государств — членов Лиги наций обратились к Советскому правительству с приглашением вступить в Лигу наций. Правительство СССР ответило согласием, подчеркивая, что оно «ставит организацию и укрепление мира основной задачей своей внешней политики» и «видит волю к этой цели у подавляющего большинства членов Лиги наций»⁴¹. 18 сентября XV Ассамблея Лиги наций постановила принять СССР в Лигу наций и включить его в Совет в качестве постоянного члена.

Польская делегация голосовала за эти решения. Ю. Бек выступил с речью, в которой заявил, что добрососедские отношения между Польшей и СССР, а также значение, которое придает польское правительство Лиге наций, обуславливают положительное отношение Польши к вступлению СССР в эту международную организацию. «Газета польска» сопроводила текст выступления развязным комментарием, в котором расхваливалась «лояльность» и «приверженность» Польши делу международного сотрудничества, а также «особая» роль Польши, бывшей будто бы «почти единственным государством, которое пробило брешь в «китайской стене», окружавшей Советов»⁴².

Все это на фоне московских переговоров и женековского выступления Ю. Бека о национальных меньшинствах выглядело фальшиво и двусмысленно как в отношении СССР, так и Лиги наций.

Гораздо лучше, чем официальные заявления, истинное настроение польской делегации в Женеве характеризует инцидент, происшедший в

³⁷ W. M i c h o w i c z. Walka dyplomacji..., s. 63.

³⁸ Кажется искусственным предположение В. Миховича, будто бы в этой беседе Э. Рациньский имел в виду распространение на СССР трактата об охране прав меньшинств. Ibid. На той же странице он сообщает, что польская делегация в Женеве не видела оснований для такого требования.

³⁹ Э. Э р р и о. Из прошлого. М., 1958, стр. 545; DBFP, ser. 2, v. VI, № 618, 620, 624, p. 727—732.

⁴⁰ На опасность такого рода, а также на демонстративно антисоветский характер декларации: 13 сентября указывал от имени правительственных кругов французский делегат Л. Обер в беседе с членом польского представительства в Женеве Т. Комарницким. J. S z e m b e k. Ibid., s. 176—177.

⁴¹ «Известия политика СССР», т. III. М., 1945, стр. 742, 743.

⁴² «Gazeta Polska», 18 IX 1934.

одной из комиссий Лиги наций, где польский эксперт выступил в настолько откровенно антисоветском духе, что Ю. Бек вынужден был поручить послу обратиться к Советскому правительству с просьбой «не придавать какого-либо политического значения выступлению технического эксперта на комиссии, рассматривающей технические вопросы»⁴³. Польской делегацией в Лиге наций были приняты меры по исправлению положения: соответствующий раздел выступления был изъят из протокола комиссии, а секретариат Лиги наций издал специальное коммюнике для разъяснения ситуации.

Из-за скудости сведений трудно судить, был ли это неудачно инспирированный руководством инцидент или проявление личной инициативы. В любом случае очевидно, что он не мог сколько-нибудь существенно повлиять на положение СССР в Лиге наций, зато позицию польской дипломатии характеризовал в самом невыгодном свете.

Что касается декларации Польши об отказе от выполнения обязательств по соблюдению прав национальных меньшинств, то Советское правительство отнеслось к ней отрицательно. Правда, делегат СССР в Лиге наций не принимал участия в дискуссии, очевидно, считая нецелесообразным поддерживать искусственно раздутый польской дипломатией вопрос. Это неизбежно уводило Лигу наций от рассмотрения международной проблемы первоочередной важности — ослабления и ликвидации опасности войны. Кроме того, открытое и резкое подчеркивание противоположности советской социалистической концепции национального вопроса и позиции польского правительства усилило бы советско-польские разногласия и могло бы послужить польскому правительству лишним поводом для торможения переговоров о Восточном пакте.

Советская делегация выразила принципиальное отношение правительства СССР к поднятому польской дипломатией вопросу в мягкой и тактичной форме. Это было сделано в речи М. М. Литвинова на пленуме Лиги наций при вступлении СССР в эту организацию 18 сентября 1934 г. В смысле равенства прав, — заявил наркоминдел СССР, — в Союзе нет ни национальных большинств, ни национальных меньшинств, ибо ни одна народность ни в теории, ни на практике не имеет меньших прав и меньших возможностей развития культурного и экономического, чем другая»⁴⁴.

Выступления советской печати по поводу польского требования также были рассчитаны на то, чтобы вскрыть прежде всего его реакционный характер. Как сообщал в пресс-рапортах посол Польши в СССР Ю. Лукасевич, советские газеты обращали внимание на то, что односторонний отказ Польши от международных обязательств подрывал всю систему договоров, наносил ущерб Лиге наций и мог привести к выходу Польши из этой международной организации. Посол Польши с укором отмечал, что «советская печать никогда не старалась вникнуть в существо вопроса польского предложения о генерализации трактатов о меньшинствах»⁴⁵. Но в этом выражалась линия Советского правительства и советской дипломатии — не позволить заслонить анализом своекорыстных претензий правителей Польши всей опасности их шага, «чреватого серьезными последствиями для нынешнего статус кво в Европе»⁴⁶.

Оценку по существу вопроса М. М. Литвинов сделал в беседе с Ю. Лукасевичем 9 октября 1934 г. Разрешения поставленного Ю. Бекком вопроса, — заявил Литвинов, — «следует искать не на пути генерализации обязательств по охране меньшинств, а в направлении модификации и ограни-

⁴³ AAN MSZ, P III, t. 316 (49 sow.), s. 305.

⁴⁴ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 746—747.

⁴⁵ AAN MSZ, P III, t. 316 (49 sow.), s. 297—300, 311.

⁴⁶ Ibid., s. 311.

чения существующих трактатов». Стремясь показать, что Советское правительство считает польское выступление о национальных меньшинствах искусственным раздуванием проблемы, М. М. Литвинов подчеркнул, что «не предполагает, чтобы она была в ближайшем будущем актуальной», так как «из-за отсутствия в Лиге Германии не следует ожидать практической постановки в виде какого-либо конкретного вопроса о меньшинствах»⁴⁷.

Анализ позиции польского правительства и дипломатии в период вступления СССР в Лигу наций показывает, что антисоветская направленность внешнеполитического курса буржуазной Польши в середине 30-х годов не ослабла, как это представляла правительственная польская пропаганда, а лишь приобрела более завуалированные и изощренные формы.

---

⁴⁷ DMHSPR, t. VI, № 157, s. 259.

В. И. МЕЛЕШКО

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИКИ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В КОНЦЕ XVIII в.

В работах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX в. утверждалось, что Великое княжество Литовское и, в частности, Белоруссия, входившие в состав Речи Посполитой, в XVIII в. находились в состоянии глубокого экономического упадка¹.

Эту точку зрения разделял и известный исследователь аграрной истории Белоруссии М. Довнар-Запольский². В какой-то мере под его влиянием оказались В. П. Пичета и И. Ф. Лочмель, считавшие упадок характерной чертой экономики всей Речи Посполитой, в том числе и Белоруссии³. Обычно основанием для такого рода выводов являлись отдельные факты, свидетельствующие о деградации феодального поместья и обнищании крестьян⁴. Подобные факты из городской жизни указывали на запустение и аграризацию городов⁵.

В последние годы историки, занимавшиеся изучением социально-экономического развития Белоруссии и всего Великого княжества Литовского в XVIII в., приходят к несколько иным выводам⁶.

¹ М. Ф. В л а д м и р с к и й-Б у д а н о в. Немецкое право в Польше и Литве. «Журнал Министерства народного просвещения», 1868, № VIII—XII; В. Б. А н т о н о в и ч. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I. Киев, 1885; В. К. С т у к а л и ч. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов Белоруссии. Витебск, 1894.

² М. Д о ў н а р-З а п о л ь с к і. Соцыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII ст. «Гістарычна-археалёгічны зборнік», Мінск, 1927, № 1.

³ В. П. П и ч е т а. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940; И. Ф. Л о ч м е л ь. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940, стр. 62.

⁴ И. Ф. Л о ч м е л ь. Указ. соч., стр. 61, 62.

⁵ М. Д о в н а р-З а п о л ь с к и й. Указ. соч., стр. 58; е г о ж е. Народное хозяйство Белоруссии (1861—1914). Минск, 1926, стр. 4; П. Т. Р о м а н о в с к и й. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Минск, 1966, стр. 31—32.

⁶ Д. Л. П о х и л е в и ч. Наймапа праца в сельскому господарстві XVIII ст. Вісник Львівськ. ун-ту, сер. істор., 1962, № 1; е г о ж е. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966; А. М. К а р п а ч е в. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. Вопр. истории, 1962, № 8; е г о ж е. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Минск, 1964; А. П. Г р и ц к е в и ч. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII—начале XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Рига, 1963; П. Г. К о з л о в с к и й. Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII — первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966; е г о ж е. Крестьянское хозяйство и положение крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. Автореферат. Минск, 1965; А. П. И г н а т е н к о. Ремесленное производство в городах Белоруссии XVII — XVIII вв. Минск, 1963; В. И. М е-

Наименование	1786 г.		1787 г.		1788 г.	
	злотых	%	злотых	%	злотых	%
Зерно (zboże)	3 293 084	27,6	2 505 311	24,4	2 830 492	21,6
Лесной товар (towar leśny)	2 071 030	17,4	2 238 063	21,8	3 147 658	24,0
Волокно (włókno)	3 373 062	28,3	2 515 016	24,5	3 215 745	24,5
Поташ (potaż)	691 464	5,8	807 354	7,9	667 206	5,1
Хмель (chmiel)	172 760	1,4	108 334	1,0	124 744	0,9
Смола (smoła)	129 394	1,0	144 609	1,4	119 386	0,9
Мед (miód)	33 465	0,3	43 291	0,4	65 739	0,5
Воск (wosk)	273 130	2,3	124 869	1,2	165 604	1,3
Огородина (ogrodzina)	16 782	0,1	27 469	0,3	126 895	1,0
Шерсть (wełna)	37 450	0,3	48 514	0,5	47 100	0,4
Шкуры (skury)	270 017	2,3	212 746	2,1	377 537	2,9
Топленое сало (tój)	263 523	2,2	212 670	2,1	285 560	2,2
Дичь (zwierzyna)	3 994	*	8 733	0,1	13 459	0,1
Скот (bydło)	696 962	5,8	423 163	4,1	687 691	5,2
Лошадь (konie)	85 120	0,7	90 309	0,9	102 984	0,8
Домашняя птица (ptactwo domowe)	11 216	*	16 869	0,2	18 308	0,1
Рыба (ryby)	23 707	0,2	13 948	0,1	27 838	0,2
Молочные продукты (nabiał)	45 148	0,4	47 731	0,5	73 541	0,6
Глина и стекло (glina i szkło)	28 072	0,2	19 900	0,2	33 274	0,3
Золото и серебро (złoto i srebro)	—	—	—	—	450	*
Железо (żelazo in crudo)	231	*	1 236	*	233	*
Изделия из железа (żelazo w narzędziach)	666	*	9 819	0,1	5 036	*
Медь (miedź)	168	*	696	*	9 368	0,1
Латунь (mosiądz)	3	*	9 311	0,1	2 030	*
Бронза (spíž)	—	—	—	—	80	*
Олово (cyna)	42	*	39	*	730	*
Свинец (ołów)	—	—	378	*	57	*
Бумага (papier)	110	*	3 600	*	328	*
Книги (księgi)	12 012	0,1	7 499	0,1	6 618	0,1
Сукно ординарное (sukno ordynaryjne)	96 338	0,8	111 359	1,0	288 076	2,2
Сукно французское (sukno francuzkie)	400	*	555	*	850	*
Сукно саета (sukno saieta)	1 465	*	—	—	—	—
Меха (futra)	43 931	0,4	21 670	0,2	32 656	0,2
Хлопок и хлопчатобумажные ткани (bawełna)	11 419	0,1	35 826	0,3	8 900	0,1
Шелк (jedwab)	10 333	0,1	12 165	0,1	4 442	*
Лавочный товар (kramarszczyzna)	8 882	0,1	8 752	0,1	22 929	0,2
Товары модные (towary modne)	29 294	0,2	21 378	0,2	10 426	0,1
Пряности (korzenie)	16 424	0,1	23 694	0,2	44 313	0,3
Аптекарские товары (aptekarszczyzna)	1 972	*	388	*	363	*
Напитки ординарные (trunki ordynaryjne)	37 272	0,3	81 610	0,8	163 308	1,2
Вино французское (wino francuzkie)	34 651	0,3	53 233	0,5	122 796	0,9
Вино ликерное (wino likierowe)	800	*	21	*	—	—
Вино венгерское (wino węgierskie)	16 200	0,1	7 766	0,1	10 991	0,1
Пиво английское (piwo angielskie)	—	—	—	—	—	—
Водка разная (wódka różna)	51 169	0,4	105 569	1,0	159 711	1,2
Соль (sól)	1 437	*	121	*	75	*
Табак (tabaka)	33 645	0,3	121 209	1,2	57 736	0,4
Столярные изделия (stolarszczyzna)	2 797	*	1 589	*	2 822	*
Колески и кареты (pojazdy)	4 698	*	6 868	0,1	10 436	0,1
Прочие товары (pozostymi tytułi)	4 391	*	7 849	0,1	10 362	0,1
Итого	11 934 135	99,6	10 262 783	99,9	13 106 883	99,9

* Сумма всех товаров, отмеченных звездочкой, составляет в год 0,1—0,4% общего экспорта.

Таблица 1

Литовского в 1786—1791 гг.

1789 г.		1790 г.		1791 г.		Всего		Среднегодовой экспорт	
злотых	%	злотых	%	злотых	%	злотых	%	злотых	%
6 397 524	27,5	7 540 482	35,1	10 817 151	37,3	33 384 044	30,6	5 564 007,33	30,6
4 336 652	18,6	3 659 205	17,0	4 819 689	16,6	20 272 297	18,6	3 378 716,16	18,6
8 225 773	35,4	6 661 203	31,0	9 669 873	33,3	33 660 672	30,8	5 610 112,00	30,9
633 912	2,7	292 448	1,4	499 206	1,7	3 591 590	3,3	598 598,33	3,3
127 372	0,5	179 823	0,8	134 111	0,5	847 144	0,8	141 190,66	0,8
141 849	0,6	268 152	1,2	171 758	0,6	966 148	0,9	161 024,66	0,9
67 991	0,3	52 039	0,3	36 493	0,1	299 051	0,3	49 841,83	0,3
180 277	0,8	175 882	0,8	129 786	0,4	1 049 548	0,9	174 924,66	0,9
30 343	0,1	28 989	0,1	96 337	0,3	326 815	0,3	54 469,16	0,3
92 054	0,4	84 173	0,4	105 980	0,4	415 271	0,4	69 211,83	0,4
662 801	2,8	105 913	0,5	116 932	0,4	1 743 006	1,6	291 001,00	1,1
526 627	2,3	446 846	2,1	263 134	0,9	1 998 365	1,8	333 060,83	1,8
7 387	*	4 426	*	8 248	*	46 247	*	7 707,83	*
900 753	3,4	1 142 879	5,3	1 044 026	3,6	4 895 474	4,5	815 912,33	4,5
179 964	0,8	253 894	1,2	270 775	0,9	982 746	0,9	163 791,00	0,9
16 987	0,2	17 646	0,1	26 983	0,1	108 009	0,1	18 001,50	0,1
23 565	0,1	8 829	0,1	10 687	*	108 574	0,1	18 015,66	0,1
67 950	0,3	81 810	0,4	106 230	0,4	422 410	0,4	70 401,66	0,4
33 782	0,2	23 993	0,1	34 843	0,1	173 864	0,2	28 977,33	0,2
93	*	—	—	75	*	618	*	103,00	*
545	*	157	*	111	*	2 513	*	418,83	*
12 647	0,1	5 100	*	2 398	*	35 666	*	5 944,33	*
10 215	*	16 733	0,1	24 192	0,1	61 372	0,1	10 228,66	0,1
32	*	455	*	310	*	12 141	*	2 023,50	*
—	—	260	*	—	—	340	*	56,66	*
377	*	893	*	1 207	*	3 288	*	548,00	*
72	*	160	*	25	*	692	*	115,33	*
141	*	386	*	175	*	4 740	*	790,00	*
4 587	*	4 213	*	6 496	*	41 425	*	6 904,16	*
150 979	0,6	69 830	0,3	143 470	0,5	860 052	0,8	143 342,00	0,8
778	*	480	*	385	*	3 448	*	574,66	*
606	*	—	—	495	*	2 566	*	427,66	*
28 479	0,2	66 344	0,3	86 844	0,3	279 915	0,3	46 652,50	0,3
8 049	*	4 952	*	77 996	0,3	147 142	0,1	24 523,66	0,1
5 703	*	5 803	*	8 904	*	47 350	*	7 891,66	*
15 288	0,1	10 646	*	11 847	*	78 344	0,1	13 057,33	0,1
12 507	0,1	9 355	*	4 772	*	87 732	0,1	14 622,00	0,1
21 254	0,2	8 789	*	4 993	*	119 467	0,1	19 911,16	0,1
408	*	7 481	*	370	*	10 980	*	1 830,00	*
92 925	0,4	168 848	0,8	176 616	0,6	720 579	0,7	120 096,50	0,7
29 381	0,2	19 063	0,1	4 260	*	263 384	0,2	43 897,33	0,2
190	*	566	*	656	*	2 143	*	357,16	*
2 736	*	10 398	*	3 208	*	51 329	*	8 554,83	0,1
—	—	884	*	—	—	884	*	147,66	*
68 236	0,3	15 729	0,1	4 663	*	405 077	0,4	67 512,83	0,4
74 850	0,3	580	*	70	*	77 133	0,1	12 855,50	0,1
23 051	0,1	—	—	81 317	0,3	319 949	0,3	53 324,83	0,3
2 124	*	3 716	*	4 254	*	17 302	*	2 883,66	*
11 837	0,1	11 252	0,1	5 612	*	50 703	*	8 450,50	0,1
31 451	0,1	4 866	*	2 757	*	61 676	0,1	10 279,33	0,1
23 263 035	90,8	21 476 601	99,7	29 020 783	99,7	109 064 225	99,9	18 177 370,83	99,7

Примечание к табл. 1 и 2. Объяснение artykułów в tej tabeli znajdujących się. Збоже — wszelkie zboża, krupy, mąka, chleb, tudzież siemia lniane i konopie; towar leśny — wszelkie drzewo, orzechy leśne, tudzież siano i słoma; włókno — len i pięka tak in crudo, jako też w płótnie i przedzy; potaż — potaż, szmelcuga i jakie mogą być gatunki popiołu; chmiel — chmiel angielski i ordynaryjny; smoła — smoła i dziegieć; miód — sam miód przasny; ogrodzina — wszelkie jarzyny, włoszczyzna, warzywo i różne owoce; wełna — wełna, przędza z niej i wszelki towar wełniany łokciowy, prócz sukna; skury — wszelkie skury in crudo i wyprawne, oraz towar z nich robiony; łój — łój, świece, mydło, olej i wszelka tłustość; zwierzyna — zwierzyna sama; bydło — wszelkie różnego rodzaju bydło i mięswo z niego; konie — same konie; ptastwo domowe — samo ptastwo domowe i jaja; ryby — ślędzie, stokwisze, ryby wszelkie i z nich ikra lub tłustość; nabiał — mleko, masło i tworóg; glina i szkło — wszelkie narzędzia gliniane, farfорове, szkło, kreda, gips, wapno; złoto i srebro — srebro w bryłach, złotnicka robota, tudzież złoto i srebro nitkowe, galony i robota szmuhlarska, prócz drobnych galanteryi, które do kramarszczyzny należą; żelazo in crudo — same żelazo w sztabach, kawałkach i blachach; żelazo w narzędziach — kosy, siekiery, piły, młoty, garnki, patelnie i wszelkie z samego żelaza robione ordynaryjne towary, prócz strzelb, pistoletów i innych galanteryi, które do artykułów kramarszczyzny należą; miedź — in crudo i w narzędziach; mosiądz — in crudo i w narzędziach; spiż — in crudo i w narzędziach; cyna — in crudo i w narzędziach; ołów — in crudo i w narzędziach, oraz srot i kule; papier — wszelki papier i bibuła, tudzież obicie papierowe; księgi — księgi, kopersztychy, mapy etc.; sukno ordynaryjne — sukno ordynaryjne, kiry, baie, flanele etc.; sukno francuzkie — sukno francuzkie; saieta — sukno saieta; futra — futra wszelkiego gatunku; bawełna — sama bawełna i towar z niej, jako to: kartuny, cyncy, dymy, piki i inny łokciowy towar; jedwab — surowy lub inny, wszelka materia jedwabna i towar łokciowy; towary modne — wszelkie galanterie i norymberszczyzna, lustra, zegarki etc.; chustki, pończochy, kapelusze i wszystkie towary z jakiego bądź materiału, które nie są łokciowe; kramarszczyzna — gazy, koronki, blondyny, flory, wstążki, kapelusze, kornety i inne stroje damskie; korzenie — kawa, cukier, migdały, korzenie różne, cytryny, limonie, oliwki i wszelkie zaprawy, tudzież wszelkie farby i mineralia, wszystkie tegoż gatunku towary, co nie są lekarstwa; aptekarszczyzna — same medykamenta i do nich służące rzeczy; trunki ordynaryjne — wódka, piwo, miód; wino francuzkie — wino francuzkie i inne ordynaryjne, co się w oxestach lub fasach prowadzi; wino likierowe — wszelkie, wino drogie, co się w butelkach prowadzi, szampańskie, burguńskie etc.; wino węgierskie — same wino węgierskie; piwo angielskie; — same piwo angielskie, wódka różna — wódka francuzka, gdańska i likiery wszelkiego gatunku, tudzież rum i arak; sól — sama sól, jakie być mogą gatunki; tabaka — tabaka i tytonie; stolarszczyzna — stolarszczyzna, tokarszczyzna, meble wszelkiego gatunku i instrumenta muzyczne; pojazdy — karety i pojazdy wszelkiego gatunku. Отдел рукописей БВГУ, ф. 1, G-2.

Обнаруженная мною в Отделе рукописей библиотеки Вильнюсского государственного университета таблица экспорта и импорта Великого княжества Литовского за 1786, 1787, 1788, 1789, 1790 и 1791 гг., составленная Скарбовой комиссией⁷, дает представление о состоянии ряда отраслей экономики Великого княжества Литовского в последней четверти XVIII в. (в границах после первого раздела Речи Посполитой).

Подобного рода таблица с данными за 6 мес. 1792 г., ранее опубликованная польским историком Т. Корзоном⁸, не позволяет рассмотреть экспорт и импорт в динамике, в отличие от таблицы за 1786—1791 гг.

В настоящей статье попытаемся охарактеризовать экономику страны, используя данные об экспорте и импорте Великого княжества Литовского за 1786—1791 гг. (табл. 1—2)⁹.

л е ш к о. Да пытання аб зараджэнні капіталістычных адносін у гарадской дробнай прамысловасці Беларусі першай палавіны XVIII ст. Весці АН БССР, сер. грамадскіх навук, 1959, № 2; е г о ж е. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966.

⁷ Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского государственного университета (далее БВГУ), ф. 1, G-2 (Материалы Скарбовой комиссии. Дело не пронумеровано).

⁸ Т. К о р з о н. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764-1794), t. II. Kraków — Warszawa, 1897, s. 190—191, tabl. 120.

⁹ Таблица экспорта и импорта Великого княжества Литовского в 1786—1791 гг., которая воспроизводится полностью (с добавлением граф «Процент» и «Среднегодовой экспорт — импорт»), по техническим соображениям разделена на две части (табл. 1 и 2).

Табл. 1 и 2 содержат перечень и стоимость экспортируемых и импортируемых товаров. В перечне насчитывается 51 наименование. Однако число товаров, как видно из примечания к табл. 1 и 2, значительно больше: часто под одним наименованием приводится целая группа товаров. Так, в «zboże» (зерно) входят рожь, ячмень, овес, пшеница, крупа, мука, льносемя, конопля, т. е. по меньшей мере восемь видов зерновых. Из Белоруссии и Литвы экспортировались также гречиха, пшено, горох, которые тоже обозначались «збожэ». Столь же разнообразной была и группа «towar leśny»: мачтовый лес, бревна, доски, клепка, дранка, а также лесные орехи, сено и солома, т. е. не менее восьми видов. В название «włókno» (волокно) включалось четыре вида товаров, в «ogrodnina» (огородинна) — четыре, «wełna» (шерсть) — четыре, «tój» (топленое сало) — пять, «glina i szkło» (глина и стекло) — шесть, «złoto i srebro» (золото и серебро) — пять, «żelazo w narzędziach» (изделия из железа) — более семи и т. д. С учетом всех видов товаров ассортимент таблицы окажется по крайней мере в три раза больше того, который приведен в графе «Nazwiska towarów». На это обстоятельство не обратил внимания Т. Корзон, вследствие чего его таблица может создать неверное представление о действительной структуре экспорта и импорта.

О большом разнообразии товаров, вывозимых и ввозимых Великим княжеством Литовским, свидетельствуют данные таможенных книг начала XVII в., найденных нами также в Отделе рукописей БВГУ в 1959 г.¹⁰ Причем анализируемые таблицы отличаются более разнообразным ассортиментом товаров. Здесь мы видим неизвестные или редко упоминаемые в таможенных книгах начала XVII в. товары: огородинна (овощи), крупный рогатый скот, лошади, дичь, молочные продукты, поташ, спиртные напитки («trunki ordynaryjne»), кареты, коляски и др. Все эти предметы, расширившие структуру торговли в конце XVIII в., в большем количестве вывозились, чем ввозились. Отсюда можно прийти к заключению о развитии торговой деятельности по сравнению с началом XVII в.

Свидетельства об экспорте зерна по Неману и Двине в первой половине XVII в. позволяют провести еще одно весьма важное сопоставление. Мы имеем в виду сообщение польского сенатора Лукаша Опалинского (1648 г.) о том, что ежегодно по этим рекам сплавливалось за границу 15 000 лашт зерна¹¹. Если выразить это количество в ценах 1791 г., ежегодный экспорт по этим рекам в 1648 г. составит при минимальной цене за 1 лашт ржи 4 612 500, а при максимальной — 6 975 000 злотых¹². Объем экспорта зерна в 1791 г., как видно из табл. 1 (без восточной части Белоруссии, которая учтена в свидетельстве Л. Опалинского), 10 817 151 злотых. Если вывоз зерна по Бугу в первой половине XVII в. был примерно таким же, как экспорт восточной Белоруссии в конце XVIII в., то вывоз зерна Великого княжества Литовского к 1791 г. увеличился бы при минимальной цене приблизительно на 134%, при максимальной — на 55%¹³.

Сопоставив данные Л. Опалинского с экспортом зерна по Двине и Неману за 6 мес. 1792 г. (без восточной части Белоруссии), получим сумму

¹⁰ См. наши работы. Таможенные книги как исторический источник. Весці АН БССР, сер. грамадскіх навук, 1959, № 4; Новые белорусские таможенные книги первой половины XVII в. Истор. архив, 1960, № 4.

¹¹ З. Ю. К о п ы с с к и й. Рыночные связи сельского хозяйства Белоруссии XVI — первой половины XVII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Минск, 1964, стр. 144.

¹² Цены 1792 г. на рожь взяты у Т. Корзона. Ibid., s. 85.

¹³ Сопоставление с данными 1791 г. мы считаем правомерным, так как табл. 1 дает увеличение экспорта из года в год (за исключением 1786 г.).

Импорт товаров Великого княжества

Наименование	1786 г.		1787 г.		1788 г.	
	злотых	%	злотых	%	злотых	%
Зерно (zboże)	121 693	0,7	144 696	0,9	97 478	0,5
Лесной товар (towar leśny)	14 741	0,1	10 414	0,1	25 751	0,1
Волокно (włókno)	1 211 470	7,4	960 294	6,4	1 454 289	7,8
Поташ (potaż)	336	*	645	*	1 462	*
Хмель (chmiel)	2 042	*	250	*	2 299	*
Смола (smoła)	8 828	0,1	9 155	0,1	5 092	*
Мед (miód)	802	*	338	*	1 425	*
Воск (wosk)	564	*	948	*	658	*
Огородина (ogrodzina)	5 506	*	7 130	*	14 458	0,1
Шерсть (wełna)	597 242	3,6	376 638	2,5	665 537	3,6
Шкуры (skury)	106 820	0,7	82 763	0,5	173 096	0,9
Топленое сало (łój)	458 511	2,8	228 591	1,5	503 979	2,7
Дичь (zwierzyna)	448	*	215	*	1 515	*
Скот (bydło)	54 734	0,3	37 309	0,2	74 302	0,4
Лошади (konie)	81 321	0,5	107 270	0,7	149 377	0,8
Домашняя птица (ptastwo domowe)	1 090	*	1 942	*	2 344	*
Рыба (rybu)	744 122	4,6	943 887	6,3	1 038 885	5,6
Молочные продукты (miał)	6 697	*	4 614	*	7 505	*
Глина и стекло (glina i szkło)	119 910	0,7	132 262	0,9	142 102	0,8
Золото и серебро (złoto i srebro)	23 050	0,1	15 243	0,1	78 094	0,4
Железо (żelazo in crudo)	154 503	0,9	162 602	1,1	195 168	1,0
Изделия из железа (żelazo w narzędziach)	231 865	1,4	139 483	0,9	230 525	1,2
Медь (miedź)	117 317	0,7	106 502	0,7	103 444	0,6
Латунь (mosiądz)	17 791	0,1	19 465	0,1	11 370	0,1
Бронза (spіз)	4 234	*	42 637	0,3	5 833	*
Олово (cyna)	29 455	0,2	22 004	0,1	34 794	0,2
Свинец (ołów)	24 609	0,2	25 481	0,2	49 900	0,3
Бумага (papier)	54 418	0,3	69 924	0,5	126 521	0,7
Книги (księgi)	23 467	0,1	16 830	0,1	22 836	0,2
Сукно ординарийное (sukno ordynaryjne)	784 083	4,8	557 496	3,7	1 379 504	7,4
Сукно французское (sukno francuzkie)	205 801	1,3	180 691	1,2	162 669	0,9
Сукно саята (sukno saieta)	155 720	0,9	117 714	0,9	183 075	1,0
Меха (futra)	1 034 832	6,3	666 934	4,4	833 961	4,5
Хлопок и хлопчатобумажные ткани (bawełna)	599 368	3,7	287 482	1,9	388 376	2,1
Шелк (jedwab)	427 763	2,6	405 421	2,7	400 188	2,2
Лавочный товар (klamarszczyzna)	312 973	1,9	303 749	2,0	373 303	2,0
Товары модные (towary modne)	306 416	1,9	272 546	1,8	523 431	2,8
Приности (korzenie)	1 826 815	11,2	1 714 506	11,3	2 408 353	12,9
Аптекарские товары (aptekarszczyzna)	49 965	0,3	55 387	0,4	58 184	0,3
Напитки ординарийные (trunki ordynaryjne)	8 102	0,1	18 592	0,1	26 513	0,1
Вино французское (wino francuzkie)	852 670	5,2	952 423	6,3	1 731 639	9,3
Вино ликерное (wino likierowe)	63 234	0,4	64 929	0,4	76 280	0,4
Вино венгерское (wino węgierskie)	15 740	0,1	11 530	0,1	3 913	*
Пиво английское (piwo angielskie)	54 267	0,4	44 750	0,3	47 401	0,3
Водка разная (wódka różna)	527 487	3,2	350 897	2,3	663 993	3,6
Соль (sól)	4 690 339	28,7	5 252 347	34,8	4 043 776	21,7
Табак (tabaka)	163 588	1,0	123 039	0,8	3 225	*
Столярные изделия (stolarszczyzna)	32 747	0,2	20 604	0,1	32 937	0,2
Колески и кареты (pojazdy)	4 831	*	4 442	*	8 299	*
Прочие товары (anonimi tituli)	17 603	0,1	29 553	0,1	12 983	0,1
Итого	16 365 980	99,8	15 109 606	99,7	18 597 042	99,8

* Сумма всех товаров, отмеченных звездочкой, составляет в год 0,1—0,3% общего импорта.

1789 г.		1790 г.		1791 г.		Всего		Среднегодовой импорт	
злотых	%	злотых	%	злотых	%	злотых	%	злотых	%
81 946	0,4	85 656	0,4	73 412	0,3	604 881	0,5	100 813,50	0,5
20 008	0,1	18 966	0,1	22 819	0,1	112 699	0,1	18 783,16	0,1
1 481 383	6,5	1 139 877	5,7	1 236 217	4,5	7 433 530	6,2	1 247 255,00	6,2
683	*	46	*	15	*	3 187	*	531,16	*
2 048	*	21 532	0,1	9 935	*	33 406	*	6 351,00	*
7 827	*	8 172	*	13 655	*	52 729	*	8 788,16	*
900	*	2 143	*	2 392	*	8 000	*	1 333,33	*
661	*	11 295	0,1	1 332	*	15 483	*	2 581,33	*
19 826	0,1	29 552	0,1	25 369	0,1	101 841	0,1	16 973,50	0,1
950 428	4,2	860 675	4,3	1 203 101	4,4	4 658 613	3,9	776 435,50	3,9
161 558	0,7	139 837	0,7	203 102	0,7	867 176	0,7	144 529,33	0,7
408 996	1,8	415 836	2,1	455 845	1,7	2 476 758	2,1	412 793,00	2,1
201	*	15	*	199	*	2 593	*	432,16	*
61 160	0,3	64 154	0,3	93 209	0,3	384 868	0,3	64 144,66	0,3
126 289	0,6	79 898	0,4	176 031	0,6	720 236	0,6	120 039,33	0,6
2 929	*	9 472	*	5 737	*	23 514	*	3 919,00	*
864 045	3,8	946 953	4,8	1 549 524	5,7	6 091 916	5,1	1 015 319,33	5,1
7 534	*	7 243	*	9 438	*	43 031	*	7 171,83	*
114 228	0,5	133 567	0,7	157 844	0,6	799 913	0,7	133 318,83	0,7
42 090	0,2	71 359	0,4	26 869	0,1	256 705	0,2	42 784,13	0,2
207 036	0,9	257 635	1,3	343 560	1,3	1 320 504	1,1	220 034,00	1,1
216 944	0,9	234 725	1,2	357 791	1,3	1 411 333	1,2	235 222,16	1,2
168 544	0,7	226 733	1,1	393 405	1,4	1 115 951	0,9	185 991,83	0,9
19 812	0,1	18 842	0,1	21 241	0,1	103 521	0,1	18 036,83	0,1
5 234	*	2 209	*	9 643	*	69 790	0,1	11 631,66	0,1
58 091	0,3	49 076	0,2	51 709	0,2	254 129	0,2	42 354,83	0,2
67 354	0,3	63 637	0,3	67 799	0,2	303 830	0,3	50 638,33	0,3
90 749	0,4	134 490	0,7	159 361	0,6	635 463	0,5	105 910,50	0,5
25 074	0,1	24 186	0,1	19 004	0,1	131 447	0,1	21 907,83	0,1
2 143 814	9,4	1 917 588	9,7	3 450 022	12,6	10 232 507	8,5	1 705 417,83	8,5
411 391	1,8	435 167	2,2	583 002	2,1	1 978 721	1,6	329 786,86	1,6
93 893	0,4	10 242	0,1	43 776	0,2	609 420	0,5	101 570,00	0,5
640 215	2,8	533 810	2,7	880 043	3,2	4 589 795	3,8	764 065,83	3,8
736 956	3,2	692 093	3,5	998 288	3,7	3 702 563	3,1	617 093,83	3,1
560 054	2,5	442 060	2,2	615 644	2,3	2 851 130	2,4	475 188,33	2,4
428 663	1,9	489 732	2,5	703 953	2,6	2 612 378	2,2	435 396,33	2,2
603 478	2,7	577 423	2,9	785 429	2,9	3 063 723	2,6	511 453,83	2,6
2 349 574	10,3	2 483 124	12,5	3 172 473	11,6	13 954 845	11,6	2 325 807,50	11,6
65 082	0,3	93 736	0,5	59 002	0,2	331 356	0,3	63 559,33	0,3
24 956	0,1	9 197	*	9 857	*	97 217	0,1	16 202,83	0,1
3 785 199	16,6	1 949 251	9,8	2 523 334	9,2	11 794 516	9,8	1 965 752,66	9,8
75 271	0,3	36 443	0,2	58 832	0,2	375 042	0,3	62 507,00	0,3
88 612	0,4	5 334	*	5 655	*	130 834	0,1	21 805,66	0,1
73 542	0,3	63 804	0,3	86 120	0,3	369 884	0,3	61 647,33	0,3
432 499	1,9	91 746	0,5	197 575	0,7	2 269 197	1,9	378 199,50	1,9
4 873 103	21,4	4 884 153	24,6	6 275 690	22,9	30 019 413	25,0	5 003 235,50	25,0
5 699	*	31 533	0,2	124 032	0,5	456 166	0,4	76 027,66	0,4
36 652	0,2	35 230	0,2	43 499	0,2	201 669	0,2	33 611,50	0,2
3 035	*	4 664	*	10 524	*	35 795	*	5 965,83	*
96 437	0,4	2 637	*	4 333	*	163 601	0,2	27 266,83	0,1
22 741 703	99,8	19 851 911	99,8	27 325 282	99,7	119 991 524	99,9	19 993 537,33	99,8

годового экспорта в первой половине XVII в. при минимальной цене 1792 г.—4 275 000 злотых, а при максимальной — 5 287 500 злотых; в 1792 г. экспорт зерна в том же направлении составил 6 283 943 злотых¹⁴. Превышение вывоза в 1792 г. по сравнению с 1648 г. при минимальной цене равно 47%, при максимальной — 18%. При учете вывоза зерна из восточной части Белоруссии процент был бы еще больше.

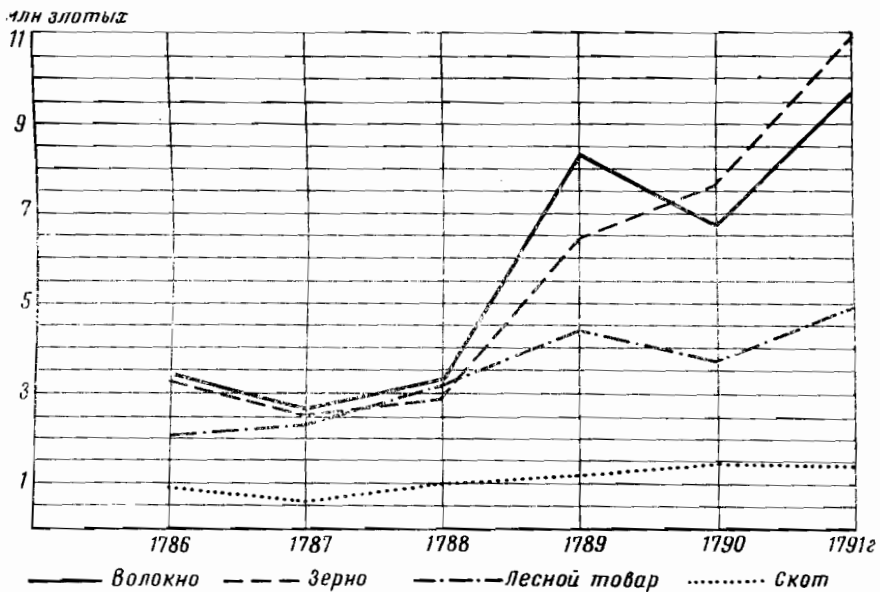

Рис. 1. Динамика вывоза зерна и других главных товаров экспорта Великого княжества Литовского в 1786—1791 гг.

В свете этих данных вряд ли правильно сложившееся в литературе мнение о том, что сельское хозяйство Великого княжества Литовского к концу XVIII в. оказалось в состоянии глубокого упадка и деградации.

Рост экспорта зерна наблюдается не только при сопоставлении данных первой половины XVII и конца XVIII в., но и при сравнении объема экспорта за каждый год, указанный в табл. 1. Динамика этого роста представлена на рис. 1.

Экспорт зерна неуклонно растет из года в год, начиная с 1787 г., причем резкий скачок приходится на 1789 и 1791 гг. Всего за 6 лет экспорт зерна возрос более чем в три раза. По другим товарам колебания экспорта более резки, что объясняется рыночной конъюнктурой и возможностями различных отраслей сельского хозяйства. Однако и здесь за 6 лет наблюдается заметный рост. Так, экспорт лесного товара возрос более чем в два раза, волокна — почти в три раза, скота — почти в два раза.

Одной из характерных черт отсталой, переживающей упадок страны является пассивный торговый баланс, т. е. преобладание ввоза над вывозом и преимущественное место во ввозе товаров широкого потребления, которые в нормально развивающейся экономике обычно создаются собственным производством.

Как видно из табл. 3, составленной на основании табл. 1—2 и данных Т. Корзона, в 1786, 1787 и 1788 гг. ввоз превышал вывоз, а в последующие четыре года (1789—1792) отмечалось заметное возрастающее преобладание

¹⁴ Т. Корзон. Ibid., s. 190.

вывоза над ввозом. Активный баланс не может быть свидетельством упадка экономики.

Таблица 3

Экспорт и импорт Великого княжества Литовского в 1786—1792 гг.
(в злотых)

Годы	Вывоз	Ввоз	Превышение	
			ввоза	вывоза
1786	11 934 135	16 365 980	4 431 845	—
1787	10 262 788	15 109 606	4 846 818	—
1788	13 106 883	18 597 042	5 490 159	—
1789	23 263 035	22 741 703	—	521 332
1790	21 476 601	19 851 911	—	1 624 690
1791	29 020 783	27 325 282	—	1 695 501
1 III — 1 IX 1792 *	22 339 700	18 386 527	—	3 953 173

* Т. Корзон. Ibid., s. 190—191.

Какова структура импорта? В нем преобладают предметы питания, ткани, волокно, вино и металлы (свыше 80%), а готовые промышленные изделия массового потребления (сельскохозяйственные орудия и предметы домашнего обихода, галантерея) составляют лишь 5—7% (табл. 4). Следовательно, роль импорта в обеспечении широкого спроса на промышленные изделия была незначительной. Заметное место во ввозе занимали товары (не считая соли, сельдей, вина, составлявших 56,3% всего импорта), предназначенные частично для вывоза (например, ткани) и частично для обеспечения городского ремесла необходимым сырьем и полуфабрикатами (ткани, меха, металлы, волокно — льняное полотно и пряжа)¹⁵. Следовательно, потребности в разнообразных предметах хозяйственного обихода в основном удовлетворялись за счет местного производства. Разумеется, при таком положении ремесленное производство не утратило своего значения в экономике по сравнению с предшествующим временем.

Приведенные данные не позволяют выяснить, какие изменения произошли в ремесленном производстве и промыслах по сравнению с предыдущим столетием. Однако можно предположить, судя по структуре экспорта, что местные изделия не имели в нем большого значения. В таможенных книгах начала XVII в. отмечается вывоз нескольких видов изделий городского ремесла, в частности различных кож, товаров скорняжного, сапожного и шорного производства¹⁶. Эти изделия вывозятся и в конце XVIII в., правда, в меньшем ассортименте и объеме.

В экспорте сохранилось утвердившееся в прошлом преобладание товаров сельскохозяйственного производства (около 80%), что свидетель-

¹⁵ Ввоз тканей в Белоруссию хотя в какой-то мере и препятствовал развитию местного текстильного производства, зато способствовал широкому развитию портняжного ремесла. Не случайно оно и в XVII и в XVIII в. имело сравнительно большой удельный вес в мелкотоварном производстве белорусских городов. См. З. Ю. К о п ы с к и й. Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVIII вв.). Минск, 1966, стр. 80; А. П. И г н а т е н к о. Указ. соч., стр. 19. В Могилеве, например, в 1772 г. только цеховых портных насчитывалось 126, в то время как шорников — 51, скорняков — 98, пекарей — 111. ЦГИА БССР, ф. 251, оп. 2, д. 33, л. 205—230.

¹⁶ В. И. М е л е ш к о. Торговые связи Могилева с городами Польши и Прибалтики во второй половине XVI в. — первой половине XVII в. Acta Baltico-Slavica, Białystok, 1965, t. II, s. 69—75; З. Ю. К о п ы с к и й. Указ. соч., стр. 210—211, 217—219, 220—223.

Таблица 4

Импорт основных видов товаров Великого княжества
Литовского в 1786—1791 гг.

Наименование	Ввоз	
	Р злотых	%
Пряности ¹ и соль	43 974 258	36,6
Ткани ²	24 032 954	20,0
Алкогольные напитки ³	15 036 690	12,5
Продукты питания ⁴	8 747 653	7,2
Волокно ⁵	7 483 530	6,2
Галантерея ⁶	5 681 101	4,7
Металлы ⁷ и изделия из них: в том числе, железо-сырец	4 584 058	3,8
Меха разных сортов	1 320 504	1,1
	4 589 795	3,8

¹ Кофе, сахар, миндаль, лимоны, оливки, разные специи, краски («limonie, korzenie różne szpęgalla») и др.

² Сукно ординарийное, французское, саета, хлопок и хлопчатобумажная ткань (towar łokciowy); шелк-сырец (siłowy), шелковые ткани, «wszelka materia jedwabna», шерсть, шерстяные ткани (кроме сукна) и пряжа.

³ Напитки ординарийные (водка, пиво, мед); вино французское, ликерное, венгерское; шампанское, пиво английское, водка французская, ланьская, ром, ликеры всех сортов и др.

⁴ Сладки, топленое сало, мед, овощи, домашняя птица, молочные продукты, личь.

⁵ Лен, пенька, льняное и конопляное по ютно и пряжа.

⁶ «Kramarszczyzna» — ленты, дамские шляпы, кружева и другие дамские наряды; «towary modne» — зеркала, часы, платки, чулки, шляпы и др. и «dorymberszczyzna».

⁷ Железо, медь, латунь, бронза, олово, свинец.

ствует об аграрных чертах экономики страны. Известно, что Россия к этому времени в значительной мере преодолела такую односторонность: в ее торговых оборотах на внешнем рынке все большее значение приобретают различные промышленные товары¹⁷.

Динамика экспорта свидетельствует о расширении сельскохозяйственного производства¹⁸ и росте товарной продукции. Импорт указывает на серьезное значение товарно-денежного обращения и для промышленного производства (городского ремесла, промыслов, мануфактуры).

¹⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, стр. 126.

¹⁸ Об этом свидетельствуют также данные о расширении посевных площадей в господском и крестьянском хозяйстве во второй половине XVIII в. по сравнению с предшествующим периодом, о повышении урожайности, увеличения количества рабочего и продуктивного скота. Д. Л. П о х л е в и ч. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 131; П. Г. К о з л о в с к и й. Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII — первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966, стр. 353. О повышении урожайности и расширении пахотных угодий в начале XIX в. см. Н. Н. У л а щ и к. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965, стр. 134, 148—149.

А. И. РОГОВ

ТРУДЫ М. Н. ТИХОМИРОВА ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ (к 75-летию со дня рождения)

Интерес академика М. Н. Тихомирова к славяноведческой тематике определился еще в ранний период его научной деятельности. Достаточно вспомнить имена учителей М. Н. Тихомирова — А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского, В. Н. Перетца, труды которых занимают важное место в мировой славистике. К ним М. Н. Тихомиров неизменно сохранял теплое отношение и чувство благодарности, всегда подчеркивал, что он их ученик. Именно у своих учителей М. Н. Тихомиров переял любовь к историко-культурным, особенно сравнительно-историческим исследованиям. Видимо, в этот период М. Н. Тихомиров стал с живейшим интересом изучать историю славянской письменности и печатной книги, проблемы культурных связей славянских народов.

В истории формирования славистических интересов М. Н. Тихомирова был и еще один существенный фактор — его давняя работа по изучению и описанию рукописных собраний. В этих сокровищницах русской культуры он в изобилии находил и памятники письменности других славянских народов, в первую очередь южнославянских. (Наши рукописные богатства не только могут соперничать по числу и ценности находящихся в них памятников южнославянской письменности с многими храплицами мира, не исключая и рукописные собрания Болгарии и Югославии, но и превосходят их.) Им были спасены, перевезены в Самару и описаны замечательные коллекции Иргизских монастырей. В Государственном историческом музее (ГИМ) М. Н. Тихомировым были описаны Востряковское (1924 г.) и Музейское (1924—1928 гг., с участием других лиц) рукописные собрания, а также все коллекции старопечатных книг (1924—1928 гг., при участии К. М. Асафова) и исторические материалы Синодального собрания.

Каждому историку Руси хорошо известно, сколь много сделал М. Н. Тихомиров в области источниковедения и публикации источников. Многие источники были впервые им открыты и введены в научный оборот. Вместе с тем он дал строго научные публикации изданных ранее памятников, а также источников по более древним или исправным спискам.

М. Н. Тихомиров, углубленно изучая русские рукописи, всегда интересовался и южнославянскими. Принимая большое участие в подготовке монументального академического издания «Правда Русская», он часто сталкивался и с такими выдающимися памятниками древнеславянского законодательства, как «Закон Судный людем». Неслучайно ученый уделил внимание этому памятнику в своем «Исследовании о Русской Правде» (М., 1941). В 1961 г. М. Н. Тихомиров совместно с Л. В. Мпловым издал «Закон Судный людем краткой редакци» и «Закон Судный людем иностранной и сводной редакци». По полноте и тщательности издание это бесспорно превосходит все предшествовавшие как русские, так и зарубеж-

ные. К изданию было привлечено много новых ценных списков. В обоих томах М. Н. Тихомиров дал исследование памятника, проследил историю его бытования на Руси, проанализировал редакции, установил изводы. Большой интерес представляет сопоставление Закона с памятником византийского законодательства Эклогой. М. Н. Тихомиров выделил в Законе гражданскую часть, которая носит черты болгарского происхождения, и покаянные распоряжения, имеющие западные черты¹. Пространная редакция памятника была определена ученым как русское произведение, составленное в Новгороде в первой половине XIV в., а сводная — в Москве в 1402 г.²

В том же 1961 г. М. Н. Тихомировым было издано фототипическим способом по рукописи XIV в. «Мерило Праведное» — свод византийских и славянских памятников законодательства. Таким образом не только историки и правоведы, но и лингвисты и палеографы получили в свои руки ценный, во многом загадочный памятник, все еще ожидающий своего исследователя.

Для исследователей, занимающихся древнейшим периодом истории Болгарии, большую ценность представляет подготовленный к печати М. Н. Тихомировым в 1946 г. «Именник болгарских князей»³. Хорошо известно, как ничтожно мало источников по истории Болгарии этого периода. «Именник» известен только по трем русским рукописям. Он был открыт и издан А. Н. Поповым еще в 1866 г.⁴, но, как показал М. Н. Тихомиров, воспроизведен неточно. Изданию памятника М. Н. Тихомиров предпослал историографический обзор его изучения и источниковедческий анализ, проследив историю его проникновения на Русь.

Для изучения истории славянской письменности важное значение имела подготовленная совместно с Д. А. Авдусиным публикация древнейшей русской надписи, найденной в Смоленске⁵. Надпись «гороухца» стратиграфически датируется началом X в. Этому не противоречит ее палеография. Примечательно, что сделана она почти за сто лет до крещения Руси.

М. Н. Тихомировым были изучены и подробно описаны первопечатные сербские издания и записи на них. Эта работа будет издана в томе трудов М. Н. Тихомирова, посвященном славяноведению и византиноведению. В этот том войдет и подготовленная им публикация южнославянских записей на всех рукописях ГИМ, датируемых XIV — XV вв. По существу это новые, никому не известные источники, почти документального характера. Записи на рукописях Чудова монастыря были изданы М. Н. Тихомировым в «Археографическом ежегоднике за 1958 год» (М., 1960).

М. Н. Тихомиров был инициатором и организатором многих изданий, в том числе серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», содержащей важнейшие византийские, славянские и другие источники. С момента выхода в свет первого тома в 1957 г. и до конца своей жизни он был главным редактором этой серии.

Почти все исследования М. Н. Тихомирова, в том числе в области славистики, в значительной мере связаны с источниковедением. Он был большим мастером широкого исторического обобщения. Среди его славяноведческих исследований в этом отношении особое место занимает работа

¹ «Закон Судный людем краткой редакции». М., 1961, стр. 25.

² «Закон Судный людем пространной и сводной редакции». М., 1961, стр. 27.

³ «Вестник древней истории», 1946, № 3.

⁴ А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 25—27.

⁵ А. Д. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник АН СССР, 1950, № 4, стр. 71—79.

«Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века», помещенная в «Славянском сборнике» в 1947 г. В ней много новых фактов и наблюдений. Привлечены все данные политической, экономической, культурной истории, памятники живописи и архитектуры, свидетельства лингвистики и палеографии. Из поля зрения автора не ускользнуло ни одно известие летописи, ни одна доступная ему запись или надпись на южнославянских предметах в России, или на русских памятниках у южных славян. Впервые были изучены сведения о России в южнославянских сочинениях XV—XVI вв., прежде всего исторического содержания. М. Н. Тихомиров убедительно показал взаимодействие славянских культур, опровергнув представление, бытовавшее в дореволюционной науке, о сменявшихся одно за другим южнославянских влияниях. Русь многое получила от сербов и болгар, но и они в своем культурном развитии многим обязаны ей. Уже в XI—XII вв. началось обратное воздействие русской литературы на южнославянскую, а в период наиболее значительного влияния на Русь южнославянской культуры в начале XV в. знаменитый сербский писатель Константин Костенчский открыто отдает предпочтение «тончайшему и прекраснейшему русскому языку».

Большой интерес представляют наблюдения и выводы М. Н. Тихомирова относительно характера связей России с Болгарией и Сербией. В раннюю пору эти связи были более тесны с Болгарией, а с XV в. — с Сербией, которая пользовалась сравнительно большей свободой в пределах Османской империи.

В трудах, посвященных русско-византийским отношениям, ученый всегда старался выделить межславянскую тему, особенно когда это относилось к жизни русских колоний в Константинополе и на Афоне. Таковы его работы «Византия и Московская Русь» («Исторический журнал», 1945, № 1—2), «Пути из России в Византию в XIV—XV вв.» («Византийские очерки», М., 1961) и «Россия и Византия в XIV—XV вв.» («Зборник Византолошког института», кн. 7, Београд, 1961).

Привлекая данные о связях России с южными славянами, М. Н. Тихомиров по-новому подходит к рассмотрению некоторых явлений в русской истории. Примером этого может служить статья «Иван Грозный и Сербия», опубликованная в «Докладах и сообщениях исторического факультета МГУ» в 1945 г. Родственные взаимоотношения Ивана Грозного (по матери Елене Глинской) с сербскими деспотами и другими знатными родами неожиданно проливают свет на многие внешнеполитические действия России и даже на обстоятельства, связанные с появлением Самозванца.

Историки русского города знают, какое большое значение имеет во многом еще неясный источник «Список русских городов дальних и ближних». В 1951 г. М. Н. Тихомиров посвятил ему специальное исследование («Исторические записки», вып. 40). Раскрыть историю этого важного памятника, выявить среду, в которой он возник, датировать его, должным образом оценить значение М. Н. Тихомирову позволило превосходное знание болгарской и сербской истории, а также истории Великого княжества Литовского, поскольку города этих стран пестрят в «Списке» среди русских городов.

Один из узловых вопросов славяноведения — происхождение славянской письменности — требует комплексного, углубленного изучения всех сторон жизни славянских народов. Несмотря на большие заслуги русских и зарубежных ученых, эта проблема далеко еще не решена. Слишком скудный и относительно поздний материал, имеющийся в руках ученых, чрезвычайно затрудняет исследование. Вот почему М. Н. Ти-

хомиров так внимательно следил за публикациями памятников и исследований в славянских странах, быстро откликаясь на них. В его рецензиях всегда можно найти и собственный весьма значительный исследовательский элемент. В статье «Начало славянской письменности в свете новейших открытий» («Вопросы истории», 1959, № 4), рассматривая новооткрытые надписи X в. в Плиске и Преславле, а также точно датированную 943 г. в Добрудже, М. Н. Тихомиров специально выделяет проблему терминов и изучает их в тесной связи с соответствующими или близкими терминами русских источников («мостич», «чернобыль»). Появление надписи 943 г. он остроумно связывал с походом Игоря на Византию 944 г. Касаясь соотношения кириллицы и глаголицы и связи их с другими алфавитами, М. Н. Тихомиров приходил к выводу о большей древности кириллицы. Он поставил вопрос о необходимости издания корпуса памятников русской эпиграфики, что значительно способствовало бы изучению происхождения славянской письменности и начального этапа ее развития. Теперь можно с большим удовлетворением отметить, что в этом направлении сделан значительный шаг. В 1964 г. вышел корпус русских датированных надписей, составленный Б. А. Рыбаковым⁶ и снискавший признание научной общественности.

Полемизируя с болгарским ученым В. Киселковым по поводу его утверждения о славянском происхождении Кирилла и Мефодия, М. Н. Тихомиров делает ценный источниковедческий экскурс. Можно ли считать оригинальными пространные жития Кирилла и Мефодия или это компилятивные и трафаретные средневековые сочинения? В. Киселков относил эти жития к XV в. лишь на том основании, что в более ранних списках они не сохранились. М. Н. Тихомиров не соглашался с мнением болгарского ученого, потому что нельзя по дате того или иного списка судить о времени появления оригинала памятника. Более того, в ГИМ хранится рукописный сборник XII—XIII вв., содержащий пространное житие Мефодия, подлинность которого не подлежит сомнению. Таким образом великодушное знание рукописных фондов славянской письменности в СССР позволило ученому сделать важный обоснованный вывод.

М. Н. Тихомиров неоднократно подчеркивал большое культурно-историческое значение кирилловского алфавита. Именно общность алфавита позволила южным славянам сохранить культурную традицию в условиях жесточайшего турецкого и финариотского ига. Ту же роль кириллица сыграла в истории украинского и белорусского народов в период их борьбы против колонизации и окатоличивания в Речи Посполитой.

Неизменно интересовало М. Н. Тихомирова и начало славянского книгопечатания. Истоки русского книгопечатания он рассматривал в теснейшей и непосредственной связи с книгопечатанием у других славянских народов, что позволило ему сделать интересные научные выводы («У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 30—32).

М. Н. Тихомиров был большим знатоком южнославянских первопечатных изданий. В его архиве хранится обстоятельнейшее описание этих книг из фондов ГИМ с воспроизведением всех записей, анализом оформления. Эта работа, написанная в 20-х годах, в ближайшее время увидит свет в томе его трудов по славяноведению и византистике.

В последний период жизни М. Н. Тихомиров сосредоточил внимание на проблеме древнейшего русского летописания. Им была задумана и в значительной мере выполнена монографическая работа на эту тему.

⁶ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.

При изучении русских летописей учитывались и зарубежные материалы. Особое место среди них занимала знаменитая польская хроника Яна Длугоша, который, как и некоторые другие польские хронисты, пользовался не дошедшей до нас русской летописью оригинального и древнего состава. М. Н. Тихомиров посвятил в своей работе целую главу анализу русских известий Длугоша. Этим вопросом занимались ранее К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов и особенно Е. Перфецкий. М. Н. Тихомиров, рассматривая эту проблему по-новому, пришел, как он сам пишет, к «неожиданному, но в значительной мере обоснованному выводу о том, что источник Длугоша был написан в виде повести о русских князьях X в. и не был разделен на годы». Ученый осветил и позицию самого Длугоша по отношению к русской истории, специально отмечая при этом благожелательное и спокойное изложение им событий русской истории.

Капитальные труды М. Н. Тихомирова «Исследование о Русской Правде», «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» несомненно представляют интерес и для славистов. Многие закономерности социально-экономической истории восточнославянских земель оказались общими для всех славянских народов. Можно смело сказать, что теперь нельзя заниматься историей славянского города, не учитывая результатов и методики исследования М. Н. Тихомирова.

М. Н. Тихомиров внес большой вклад в славяноведение. Здесь он брал наиболее узловые вопросы, прежде всего вопросы возникновения и происхождения важнейших явлений в истории славянских народов и их культуре. Глубочайшие знания покойного академика русской истории способствовали успеху его славистических исследований. Для Михаила Николаевича исследования по русской истории и его славистические изыскания были единым целым. Он не только великолепно знал историю славянских народов, но и близко чувствовал ее. Строжайшая точность, объективность в его славяноведческих исследованиях сочетались с большой любовью к братским славянским народам, исторические судьбы которых столь тесно переплелись с историей родного народа.

ИСТОКИ КУКОЛЬНОГО ФИЛЬМА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Кукольный фильм возник в Чехословакии немногим более двадцати лет тому назад и почти сразу занял заметное место в национальной кинематографии. Мультипликационное кино Чехословакии ярче, чем все другие виды киноискусства, продемонстрировало органичность синтеза национальной традиции и смелого новаторства, истории и проблем сегодняшнего дня.

Напомним, что до второй мировой войны на всех экранах Европы под влиянием успехов Уолта Диснея преобладала графическая мультипликация. Более того, Диснею подражали почти все европейские мультипликационные кинематографии 30—40-х годов. В частности, и советская графическая мультипликация тех лет не избежала подражания фильмам Диснея.

Чехословацкой мультипликации не пришлось преодолевать влияния чужого ей художественного опыта. Она сразу определила свою самобытность, обратившись к фольклору, воплощению национальных традиций. На этом пути всего за десятилетие чехословацкие кинокукольники сумели создать замечательный, глубоко самобытный кукольный кинематограф.

Обращение к кукле было закономерным. Искусство кукольников на протяжении долгих веков было тесно связано с общественной жизнью в Чехии. Традиции кукольных представлений в Чехословакии насчитывают более 300 лет. Начиная с XVII в. театр марионеток становится популярным и любимым зрелищем.

Первое прямое упоминание о кукольных представлениях в Праге относится к 1595 г. Представления эти давались при королевском дворе труппами заезжих иностранных кукольников. Затем единичные записи о кукольных представлениях появляются в более поздних летописях.

Только во второй половине XVII в. в Чехии появляются первые отечественные кукольники. Это кочующие небольшие труппы комедиантов. В репертуар своих представлений они включают сцены из религиозных драм и рыцарских преданий, как делали и заезжие иностранные кукольники, но теперь такие представления идут на родном чешском языке. Все чаще репертуар обогащается сценами из народной жизни. Так возникает один из видов зрелищного искусства, обращенный непосредственно к народу. В литературе тех лет уже более часто встречаются упоминания о выступлениях отечественных кукольников. Популярность их растет.

Последняя четверть XVIII — первая половина XIX в. — эпоха национального Возрождения в Чехии. Страна живет напряженной общественной жизнью. В литературе на первый план выступают прогрессивные революционные традиции. Классическому театру, развивавшемуся

до сих пор как искусство господствующего класса, противопоставляется народный любительский театр, который начинает ставить спектакли на чешском языке. Деревенские площади все чаще превращаются в сцену, с которой звучит чешская речь, что само по себе влияло на укрепление национального самосознания народа, многие годы находившегося под гнетом австро-венгерской монархии.

Кукольники не стоят в стороне от общенационального движения. Они своим искусством внедряют в широкие массы деревенского населения идеи национального Возрождения. Велика в те годы и просветительская роль кукольного театра. Он стал практически основным источником ознакомления сельских жителей с произведениями мировой драматургии, отечественной классики (переделки пьес К. Тыла). Наряду с другими активными общественными деятелями того времени кукольники вошли в историю страны как «народные будители». Бродячие кукольники передавали свое искусство из поколения в поколение.

В 20-е годы прошлого столетия среди многочисленных кукольных театров, разъезжающих по стране, некоторые были очень популярны, а имена их создателей вошли в историю кукольного театра. Общеизвестно имя Матея Копецкого, основоположника целой династии кукольников. В его театре народная кукла Кашпарек (своеобразная трансформация немецкого Касперле) отстоялась и закрепила в своем образе основные черты национального чешского характера. С годами Кашпарек стал восприниматься зрителями как носитель чешского юмора, находчивости.

К середине прошлого века по Чехии кочевало более 80 кукольных трупп. Но популярность Кашпарека не меркла. Почти столетие прожил он на чешской кукольной сцене. Многие известные народные кукольники вплоть до начала нашего века использовали эту куклу в своих спектаклях.

Кашпарека использовал на сцене любительского кукольного театра и Йозеф Скупа, молодой преподаватель рисования в пльзенской гимназии. Это было в 1917 г. Организованный им небольшой любительский театр быстро привлек внимание зрителей и стал одним из самых популярных в стране.

Творчество талантливого кукольника не утратило актуальности и в последующие годы. Скупа много гастролирует. Но образ Кашпарека, возникший почти столетие назад и с тех пор мало изменившийся, стал уже несколько архаичным. И Скупа стал искать образ нового, современного героя

Чешская народная кукла Кашпарек, созданная Матеем Копецким

Отец и сын. Куклы Спейбла и Гурвинек

кукольных представлений. Поиски художника пошли несколько в ином направлении, чем у его предшественников.

Кашпарек на кукольной сцене был выразителем положительного начала, все его хитрости были направлены на борьбу со злом, с которым он сталкивался: выступало ли оно в образе жадного хозяина-стяжателя или черта.

Обстановка в стране подсказывала Скупе новый для кукольной сцены образ — преуспевающего мещанина. И в 1920 г. в представлениях театра появился постоянный персонаж — Спейбл. Уже сама его внешность как бы подготавливала все его дальнейшее сценическое поведение. Этот самодовольный буржуа начала нашего века одет во фрак, а на ногах у него деревянные башмаки, которые выдают его происхождение. Он невежда, но любит поговорить на «умные» темы. Новый герой кукольной сцены — образ собирательный, остро сатирический.

Вместе с тем кукольников 20-х годов волнует и проблема положительного героя. Через шесть лет после «рождения» Спейбла в театре Скупы появился новый герой — Гурвинек. Создателем этой куклы был Густав Носек — сотрудник театра, племянник Карела Носека, который в свое время по эскизам Скупы вырезал из дерева первую куклу Спейбла.

По замыслу Гурвинек был создан как антипод Спейбла, как персонаж, способный бесконечно провоцировать его на всяческие откровенные высказывания. Отец и сын ведут богатые подтекстом диалоги.

В тяжелые годы второй мировой войны, когда фашизм бесчинствовал в Чехословакии, Йозеф Скупа, а с ним его Спейбл и Гурвинек хранили верность национально-освободительным традициям кукольников «будителей». В 1944 г. Скупу арестовали, судили и приговорили к тюремному заключению.

За время своего многовекового существования кукла была и объектом культа (в древности), и воплощением отвлеченного понятия (в мистериях), и просто «человеком» (в театре). Ей поклонялись, в нее верили, ее любили, над ней смеялись. Но только дважды куклу арестовывали и судили. Первый раз это было во времена средневековой инквизиции. Тогда на козлах пылали куклы-еретики, а с ними и кукольники, обвиненные в колдовстве. А второй раз это случилось в середине XX в., когда Спейбла и Гурвинека «арестовали», конфисковали и спрятали в сейфы фашистской полиции как «вещественное доказательство» виновности кукольника Йозефа Скупы. Скупе только по счастливой случайности удалось спастись из пылавшего «козла инквизиции» — горящей дрезденской тюрьмы.

После войны извлеченные из архивов гестапо куклы были торжественно возвращены Скупе. Тяжелобольной, он продолжал работу в Пражском кукольном театре. Скупа умер в 1957 г., но в стенах «Театра Спейбла и Гурвинека» и сейчас живут образы, созданные художником. Живут его традиции. Живет слава о нем, которая давно перешагнула границы Чехословакии. Мало можно назвать стран, в которых не побывал театр Скупы. И у нас в стране знают, помнят и любят лукавого Гурвинека и его папашу Спейбла, которые неоднократно выступали перед советскими зрителями во время гостевых гастролей театра.

Мы назвали здесь лишь один из многочисленных кукольных театров Чехословакии. Но кроме театра Й. Скупы еще до второй мировой войны в стране существовал ряд театров, не менее видных и популярных, таких как «Жише лутек» или «Умелцеке дивадло» и др.

В настоящее время в Чехословакии насчитывается более 20 государственных профессиональных кукольных театров и более 1800 самодеятельных кукольных коллективов. Кроме того, имеется огромное число кукольников-любителей, небольшие кукольные ансамбли при школах, больницах,

воинских частях и пр. Кукольный театр в Чехословакии и поныне привлекает внимание искусствоведов, и поныне заметно его влияние на творчество мастеров кукольного театра других стран.

Принято считать, что любовь к кукле и кукольному театру является одной из национальных черт чешского характера. С этим трудно не согласиться. Вся многовековая история кукольного театра в Чехословакии подтверждает это мнение. Лучшие художественные и идейные традиции народных кукольных театров явились тем фундаментом, на котором выросло искусство кукольного кино.

Искусство кукольного кино появилось на стыке собственно кинематографа и кукольного представления, кукольного действия. Техническая основа современной игровой кинематографии — это возможность фиксации съёмочным аппаратом на киноплёнке наблюдаемых или воссозданных перед объективом картин действительности. С оптической природой киноизображения связана его подробность и протокольная, фотографическая точность. «Живые картины» игрового кинематографа конкретны, убедительны, и воплощение в конкретно-зрительных образах фантастических представлений, метафор, гипербол и пр. для него затруднено. С другой стороны, для театрального кукольного представления невозможно свободное перенесение действия в пространстве и времени, крупный план, изменение ракурса и пр. С открытием поккадровой съёмки родилась возможность для синтеза этих двух видов зрелищных искусств: кинематограф стал кукольным, кукла — кинематографической.

Не сразу определилось своеобразие кукольного кино. Постепенно выявился тот новый вид художественной условности, который присущ этому виду киноискусства. Вначале на экран выходили фильмы, в которых ясно господствовал кинематограф, а кукла, ее специфика игнорировались. И наоборот, появлялись фильмы-концерты, в которых не было ничего от кинематографа, а был просто снятый на плёнку театральный кукольный спектакль. И только со временем определилась та мера синтеза, та органичность слияния двух видов искусства, в которой обретается художественное своеобразие кукольного кино.

Новый вид кинематографа позволил вскрыть дотоле нетронутый пласт художественной действительности. Если игровой кинематограф преодолел изобразительную ограниченность литературно-словесного образа драмы, романа, повести, рассказа и пр., то «оживленная» кинокукла прямо соприкоснулась с литературой притч, былин, сказок, героического эпоса, которым присуща обобщенная характеристика образа. Попытка воплощения этих жанров в игровом кино часто приводила к неудачам. Появлялись элементы маскарада, которые вовсе не предполагались жанром. Конечно, были и удачи. Однако сама их редкость указывает на то, что сфера обобщенного, индивидуализированного образа лишь смежна игровому кинематографу. Вид зрелищного искусства, в котором обобщенность характеристики является определяющей чертой образа, — мультипликация (в нашем случае — кукольное кино) — более органичен для метафорического, аллегорического изображения действительности.

Сказочный жанр не является исключительно «монополией» кукольного фильма. Однако мультипликация (кукольный и рисованный фильм) воплощает сказку, притчу, героический эпос в большинстве случаев лучше, чем другие виды зрелищного искусства. Образная природа жанра в мультипликационной интерпретации сохраняется наиболее полно. Но воплощение только сказочных образов ограничило бы возможность кукольного фильма. Мультипликацию называли «жанром кино», подразумевая при этом сказочную, аллегорическую кинематографию. Но кукольный фильм — это особый вид киноискусства, и как вид он имеет свои жанры.

Возник кукольный фильм еще в дореволюционной России в результате поисков Владислава Старевича, талантливого русского кинорежиссера, оператора и художника. Чехословацкими мастерами специфика этого вида искусства была в полной мере использована в послевоенные годы. Благодаря их творческому вкладу область кино, считавшаяся второстепенной и имеющая своей задачей иллюстрирование детских сказок и пародирование игровых фильмов, превратилась в самостоятельный и полноправный вид искусства, собственными средствами ставящий и решающий серьезные идейные и эстетические задачи.

Унаследовав от национального кукольного театра его прогрессивные традиции, мастера чехословацкого кукольного фильма открыли образную специфику кинематографической куклы. В их фильмах впервые предстал перед зрителем особенный кукольный мир, в котором действующие лица и среда отличались одинаковой обобщенностью. Они не стремились «преодолеть» эту условность, не добивались натуралистического уподобления кукол людям. Для них кукла — носитель определенной концепции, идеи, и она выступает одновременно и как действующее лицо и как вывод из воплощенного на экране драматургического материала. Они предлагают зрителю принять такую условность, как заданную, и увидеть за ней правду действительности.

Так на современном этапе чехословацкие кинокукольники претворили в жизнь лучшие традиции своих предшественников — театральных кукольников «будителей».

Мы говорили здесь лишь об источнике, из которого брал начало кукольный фильм Чехословакии, и о самых общих, характерных тенденциях на пути его развития. Конкретный анализ всего дальнейшего процесса становления этого вида киноискусства может стать темой самостоятельного исследования.

С. А. РЕЙСЕР

РУССКИЙ ВОЛЬНОДУМЕЦ XVIII в. О ПОРАБОЩЕНИИ ПОЛЬШИ

В истории русско-польских литературных взаимоотношений мы нередко сталкиваемся с фактами, которые до сих пор мало изучены. В частности, мы очень плохо представляем себе, как приняла русская передовая общественность разделы Польши.

«На присоединение польских областей к России» многие стихотворцы, жаждавшие милостей двора, откликнулись соответствующими одами — заглавие одной из них и приведено в начале этого абзаца. Ее автор — В. П. Петров; она была дважды издана в 1793 г. В том же году М. М. Херасковым была напечатана «Ода по случаю присоединения от Речи Посполитой Польской к Российской империи областей». В 1794 г. В. Г. Рубан издал «Оду на занятие Варшавы победоносным российским воинством». В том же году появилась анонимная «Ода по случаю торжества над Польшею». В 1795 г. И. И. Дмитриев напечатал в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (часть шестая) «Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигаллии к Российской империи». Вот все или почти все, чем располагала до сих пор наша историография.

Разумеется, это только одна сторона медали. В русском обществе конца XVIII в. были уже налицо значительные вольнолюбивые тенденции: громы французской революции докатились до России, уже был в сибирской ссылке Радищев, Новиков томился в Шлиссельбургской крепости, ненавистное властям слово «вольность» с величайшей оглядкой, шепотом передавалось из уст...

Были и поэты, которые возмущались тем, что три державы, по взаимному уговору, растерзали четвертую. Их голоса не могли прозвучать в свое время. Но один из альбомов Пушкинского дома АН СССР, сохранивший свидетельство оппозиционных настроений, открывает нам стихи безымянного поэта.

Обнаруженный мною список озаглавлен: «Ода на день торжественного празднества порабощения Польши».

О каком порабощении идет речь? Содержание оды не дает прямых оснований для датировки: стихи 90—97 обращены к царице, т. е. к Екатерине II (ср. также ст. 24), — значит, ода написана не позднее 1796 г. Кажется, не будет ошибкою предположить, что речь идет о втором или третьем разделе Польши в 1793 или в 1795 г. На эту мысль наводит ст. 2: «Где огонь вражды едва погас» — скорее всего намек на предшествующие разделы. Стихи 25—26: «Сонм подлых душ подобострастный Жжет лести гнусный фимиам» — очевидный полемический выпад против названных выше од Петрова, Рубана, Дмитриева, Хераскова.

Построение оды, ее стиль, образы, интонация — все выдержано в традициях классицизма. Автор полностью на стороне лишившегося самостоя-

тельности народа. Он мечтает о восстановлении справедливости. Особенно выразительно заключение оды:

Уж скоро троны потрясутся,
И если власть царей минет,
Уж скоро мертвые проснутся
И месть в них пламень свой возжет.

(ст. 80—83)

Автор верит в грядущее свержение царей, в месть восставшего народа. Правда, последняя строфа — просьба, чтобы царица сама даровала свободу польскому народу. Но, в нарушение традиции, поэт отнюдь не во власти царистских иллюзий — Екатерина II дважды названа фурией (ст. 24, 97), а это плохо согласуется с заключительными мольбами о даровании народу вольности («К твоим я падаю стопам»).

Неизвестный нам по имени и фамилии одописец без сомнения принадлежал к самому левому флангу русской интеллигенции конца XVIII в. Трудно себе представить, что он не знал оды «Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, что он не находился в сфере влияния его идей.

Исследования последних лет существенно расширили наше представление о значении радищевской традиции в русской литературе; постепенно мы находим все новые документальные подтверждения передовых тенденций развития общественной мысли тех лет, противостоявшей официальной линии, пользовавшейся неизменной и могущественной поддержкой правительства.

Текст оды обнаружен мною в альбоме «Сокровище Парнаса, или Собрание сочинений разных авторов в стихах. Санкт-Петербург, 1800 года», принадлежавшем профессору русской словесности и истории Виленского университета Ивану Николаевичу Лобойко (Пушкинский дом АН СССР, ф. 154, ед. хр. 117, л. 39 об.—42). Дошедший до нас список дефектен: в первой строфе (судя по рифмовке АВАВССДЕЕД) недостает восьмой или девятой строки, текст стиха 19 неисправен, — вероятно, надо читать «презлбной». Семь точек, поставленных в конце, скорее всего, скрывают имя автора, которое пока не поддается расшифровке.

Сохраняем пунктуацию воспроизводимого текста.

О д а

на день торжественного празднества порабощения Польши

В долине кровью обгащенной,
Где огонь вражды едва погас,
В которой Тартар раздраженный
Изобразился столько раз —
Жена, печалью сокрушенна,
В одежду скорби облаченна
Почти безжизненна лежит;
Мечами тело изъязвлено
И смерть на ней косою блестит.

²⁰ Их жерл Плутоном сотворенных
Веселия раздался гром,
Во храмах богу посвященных
Звучит признательный псалом.
В чертоге фурии ужасной
Сонм подлых душ подобострастный
Жжет лести гнусный фимиами.
Звон колокольный слух пронзает,
Чернь буйна громко восклицает
И плеск несется к облакам.

¹⁰ Недавно в счастья ликовала,
Недавно мощною рукой
Врага кичливого смиряла
Бросая гром ужасный свой.
Но, вот, десницей разъяренной,
Перед гордыней вознесенной
Заставил преклонить чело:
Насилье с ней венец сорвало,
Тщеславие его прияло
И ей дрезлбной <?> поднесло.

³⁰ Превыше звездного эфира
Стоит престол царя царей,
Который всю громаду мира
Объял десницею своей.
Туда Фемида воспаряет,
К стопам владыки упадает
И так со стоном вопиет:
«О царь, о отче мой любезный!
Смягчись моей судьбою слезной
Уж скоро власть моя минет.

40 Неправда злобною рукою
 Повсюду ярый мечет гром,
 Поправши истину ногою
 Невинность тяготит ярмом.
 Возри на грады сокрушенны,
 В сердца проникни огорченны,
 Услышь стон вдов и плач детей,
 Зри в ризу мрачну облаченну
 Жену, железом изъязвленну
 И тронься жалобой моею».

50 Творец божественным возженьем
 Покой душе ее отдал,
 Перста единым мановеньем
 С лица мрак грусти весь согнал...
 Но вдруг небесный чин смутился,
 Блеск яркой молнии пролился
 И громы небо потрясли.
 Простри он ведь на землю взоры
 Пройдут неправды и раздоры —
 Другие времена пришли.

60 Сияюща нам солнца дева
 Держа ужасный бич в руках,
 Являя на земле жар гнева
 Повсюду простирает страх.
 Так тень ночная исчезает,
 Когда луч солнца воссияет:
 От ней чудовищей так сонм
 Стремится в Тартара пучины
 Страшася грозные судьбины
 Услышав возгремевший гром.

70 Исчезли власти все коварны,
 Исчез неправды лютый вид —
 Но кто ж приметы сии славны
 Возмог толь быстро совершить?!
 То вольности рука могуща,
 Вселенной счастье несуща,
 Низвергшая насилье в ад.
 К ней равенство с небес приходит,
 Законы скипетр золотой приносит
 И море пролилось отрад.

80 Уж скоро троны потрясутся
 И если власть царей минет,
 Уж скоро смертные проснутся
 И месть в них пламень свой возжет.
 Железный скипетр самовластья
 Уж крайность совершил несчастья.
 И земледельец простой
 Почувствовав неволи бремя
 Благословенного ждет время
 Как вольность принесет покой.

90 Царица областей обширных!
 К твоим я падаю стопам:
 Будь нам виновницей дней мирных,
 Уподоби себя богам,
 Реки: «Народ мой, будь свободен».
 Сей глас божественный удобен
 Моря блаженства проливать.
 Иль хочешь фурией остаться,
 Ввек человечеством гнушаться
 И свет ногами попирать.

. . . . .

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ИРЕНА КАРАСИНЬСКАЯ

СТАНИСЛАВ ЛОРЕНЦ (К 70-летию со дня рождения)

За двадцать пять лет существования народной Польши была проведена поистине гигантская работа по восстановлению уничтоженных и разграбленных гитлеровцами памятников культуры. Некоторые из них погибли безвозвратно, но многое удалось восстановить и собрать, что позволило миллионам трудящихся Польши вновь приобщиться к векам создававшейся художественной культуре страны.

В этой работе приняли участие многие деятели культуры Польши. Среди них выдающуюся роль сыграл крупнейший ученый, академик Станислав Лоренц (с 1935 г. — бессменный директор Национального музея в Варшаве).

Ст. Лоренц родился 28 апреля 1899 г. в Радоме и получил высшее образование в Варшавском университете, там же защитил докторскую диссертацию, специализируясь в области истории искусства. В 1929—1935 гг. он руководил работой по изучению и восстановлению памятников материальной культуры в Виленском и Новогрудском воеводствах, реконструируя, в частности, средневековые замки и старинные храмы в Вильно, Медниках, Криве и Новогрудке.

Уже первые четыре года, которые пробыл Ст. Лоренц на посту директора Национального музея в Варшаве до войны, ознаменовались превращением музея в художественно-исследовательский центр, который благодаря усилиям и творческой инициативе нового директора достиг подлинно европейского уровня. В 1938 г. новое здание музея было достроено, причем первоначальный проект его был существенно изменен в соответствии с новыми принципами экспозиций. 18 июня 1938 г. — дата не только торжественного открытия музея, но и начала исследовательских работ высококвалифицированных историков искусства. За короткое время этот коллектив изучил основную часть важнейших собраний музея, в результате появилось семь каталогов и путеводителей, а также первый том «Ежегодника Национального музея».

По инициативе Ст. Лоренца было организовано несколько выставок, имевших научно-познавательный характер, например выставка «Варшава вчера, сегодня и в будущем». Дирекция музея установила прочную связь с Отделом классической археологии Варшавского университета, благодаря чему музей участвовал в раскопках, производимых проф. Казимежем Михаловским в Египте (Эдфу и Дейр-эль-Мединэ). Это позволило создать в музее новый отдел — «Древнее искусство», обогатившийся экспонатами из этих раскопок.

Осуществлению дальнейших замыслов Ст. Лоренца помешало варварское вторжение в Польшу гитлеровцев, разрушавших и уничтожавших памятники культуры. Вместо того чтобы организовывать новые экспозиции, памятники пришлось запаковывать и прятать в подвалах музея. От

бомб и снарядов пострадало не только здание музея, но и те экспонаты, которые не успели перенести в укрытия; крыша музея загоралась от зажигательных бомб, сотрудникам приходилось тушить пожар в тяжелых условиях: под обстрелом с гитлеровских самолетов.

Государственный план, осуществившийся в сентябре 1939 г., не предусматривал спасение музейных сокровищ, поэтому директор музея и его сотрудники сами заботились о ценнейших государственных, общественных и частных собраниях, находившихся в столице. Группы работников перевозили в подвалы музея драгоценные памятники национальной культуры. 17 сентября вспыхнул пожар в королевском замке, но находившиеся там картины (в том числе Каналетто) и скульптуры были увезены, несмотря на сильный обстрел; так же были спасены и другие собрания.

Войдя в Варшаву, нацисты грабили и увозили произведения искусства, а те, которые увезти не могли (мозаики, настенные росписи), уничтожали и жгли. В стенах варшавского замка были сделаны отверстия для закладки динамита.

В начале октября 1939 г. в музее появились агенты гестапо в сопровождении немецких историков искусства и начался повальный грабег экспонатов. Вывозить собрания музея гитлеровцы продолжали и в 1940 и 1941 гг. Лоренцу всегда удавалось, однако, установить, куда помещались эти собрания, — с тем чтобы потом найти и вернуть их, вновь сделать народным достоянием. В годы оккупации музеем официально выполнял лишь ограниченные административные функции, но Лоренц превратил его в очаг движения Сопротивления, в законспирированный центр документации актов гитлеровского разбоя и вандализма.

Работа была невероятно трудной — часть здания музея заняла «Люфт-ваффе», а в 1943 г. — эсесовцы, причем сотрудники все время находились под наблюдением оккупантов. Наряду с конспиративной работой, Станислав Лоренц продолжал заниматься наукой. В Варшавском тайном университете высокую оценку получил его труд «Натолин», посвященный не только этому выдающемуся памятнику польской архитектуры периода классицизма, но и основным проблемам польского Просвещения.

В трудные дни Варшавского восстания 1944 г. проф. Лоренц не покидал здания Национального музея и даже в этих тяжелых условиях охранял художественные ценности. Вот отрывки из частично уцелевшего дневника проф. Лоренца: «... 14 августа. — В отделе нумизматики выброшено еще несколько ящиков..., сундуки с произведениями декоративного искусства большей частью разбиты, вещи разбросаны, топчут пояса, слоновую кость, часы. В большом зале играют на фортепиано Шопена... 17 августа — рубят и жгут музейную мебель... 18 августа, — в зале рококо устроили постели, из старинных тканей сделали затемнение на окна..., уничтожили столы, ларцы... прячу картины из разбитых сундуков с польской живописью за комоды, под шкафчики, витрины, закрываю мебелью, креслами... солдаты выстрелами из луков, взятых из оружейного отдела, пробили в 31 месте портрет Красиньской работы Винтергальтера, солдаты

забили окно картиной Хелмоньского «Бабье лето», картину мы вынули из окна и спрятали».

Ящики с музейными собраниями использовали для баррикад. Музей переживал те же мучения, что и люди. Из пылавшей и разрушавшейся взрывами Варшавы директор с помощью самоотверженных железнодорожников, юношеской дружины и оставшихся в живых сотрудников вывозил уцелевшее достояние музея за пределы Варшавы. После поражения восстания гитлеровцы, вопреки акту о капитуляции, продолжали систематически уничтожать произведения искусства, архивы, библиотеки. В результате усилий проф. Лоренца удалось добиться лишь того, что здание музея не было взорвано.

В общей сложности во время оккупации погибло 2774 картины различных европейских школ, 10 738 картин польских художников и 1379 скульптур. В освобожденной Варшаве директор Лоренц тотчас же приступил к восстановлению музея. В феврале 1945 г. по его предложению была создана при Министерстве культуры и искусства Главная дирекция музеев и охраны памятников культуры. Руководителем этой дирекции был назначен проф. Лоренц, который заложил фундамент организации музейного дела и охраны памятников культуры в народной Польше на новых основах, руководя восстановлением музеев и памятников польской старины после страшных лет разрушений; вместе с тем он все время занимался тщательными, утомительными, требующими порой способностей Шерлока Холмса поисками разграбленных ценностей. Он находил их в Силезии, Австрии, Баварии, — ценнейшим среди них оказался Марицкий алтарь Вита Ствоша, портрет девушки с горностаем Леонардо да Винчи, пейзаж Рембрандта, виды Варшавы Каналетто. К сожалению, далеко не все, несмотря на старательные поиски, удалось разыскать.

3 мая 1945 г., через три с лишним месяца после освобождения польской столицы, в нескольких залах музея открылась выставка «Варшава обвиняет» — эта экспозиция была своего рода итогом гибели музейных, архивных и библиотечных ценностей Варшавы. Продолжением этой экспозиции была выставка «Гитлеровские преступления в Польше в 1939—1945 гг.». Эта выставка была поистине страшной документацией, способной потрясти все человечество. В первый год своего послевоенного существования Музей организовал под руководством проф. Лоренца 18 выставок.

22 июля 1946 г. — в День Возрождения Польши открылась впервые после войны экспозиция постоянного отдела музея — Галерея польской живописи, а также — в уменьшенном виде — Галерея зарубежного искусства. Советский Союз передал музею несколько десятков картин из Оплавановского собрания, спасенных Советской Армией, а затем — в 1956 г. картины, польское происхождение которых было установлено. В 1960 г. в Польшу вернулись также королевские регалии — в том числе аквамавиновый скипетр Станислава Августа. Все музейные ценности, возвращенные Польше Советским Союзом, были показаны на специальных выставках.

По инициативе и при участии Станислава Лоренца было организовано в Польше и за рубежом несколько больших выставок, имевших научно-искусствоведческий характер. Такова, например, выставка «Век Просвещения в Польше» (1951), приуроченная к первому конгрессу польской науки. Еще более обширными были выставки «Возрождение в Польше» (1953—1954), «Возвращенные национальные ценности» (1959 и 1961), юбилейная выставка «Варшавское искусство» (К столетию Национального музея, 1962). Из наиболее важных зарубежных выставок назовем «Польское искусство XIX в.» (1955, Москва), выставку картин и рисунков Б. Беллотто, называемого Каналетто, в Лондоне, Йорке, Ливерпуле и

Здание Национального музея в Варшаве

Роттердаме (1957), выставку польской живописи XVIII — начала XX в. в Праге и Братиславе, выставку «12 современных польских художников» в Национальном музее современного искусства в Париже (1961), выставку «50 лет польской живописи» в Осло (1961), большую выставку польского искусства от средневековья до второй половины XIX в. в Бордо (1961).

Проф. Лоренц неустанно занимался научно-издательской деятельностью (монографии, «Ежегодник Национального музея» и т. п. — в общей сложности 270 названий, не считая каталогов).

Национальный музей не ограничивается научной и организационной деятельностью, в широком смысле слова он является одним из общественно-просветительских центров страны. Проф. Лоренц считает, что музей должен быть живой организацией, привлекающей к искусству широчайшие массы трудящихся, которые должны иметь доступ к сокровищам искусства в любое время дня. С этой целью он создал школу «музееведения», подготовив в ней музееведов-просветителей. Впервые в мире появился «музеобус» — передвижная выставка, направляемая в деревни и малые городки.

Национальный музей получил новые, специально построенные помещения. Строится новый павильон, в котором будут помещения для складов. Возникли отделы музея в Лазенках, Виланове, Неборове, Ловиче. Все отделы музея ведут научно-исследовательскую работу: так, например, в Национальном музее в Варшаве возник центр документации и исследования польских портретов, в Виланове изучают польское искусство эпохи барокко.

Этими блестящими достижениями польская культура в значительной мере обязана деятельности проф. Лоренца, его неустанной работе в стенах Национального музея и за его пределами. В заключение нашего очерка добавим еще несколько штрихов для характеристики его удивительно разносторонней деятельности.

С 1948 г. проф. Лоренц состоит бессменным председателем Национального польского комитета Международного музейного совета, а с 1964 г. — также председателем Национального совета (созданного тогда при Комитете) по охране памятников и древних сооружений. Он является также вице-президентом польского комитета ЮНЕСКО, международным экспертом

ЮНЕСКО по охране памятников старины, а также президентом международного центра исследований памятников культуры в Риме. Он избран академиком и депутатом сейма и уже много лет руководит кафедрой истории искусств в Варшавском университете; Лоренц — член Академии наук в Бордо и Академии искусств в Венеции. Университет в Бордо присвоил ему степень почетного доктора.

Еще до капитуляции Варшавы Станислав Лоренц за спасение культурных ценностей, сопровождавшееся риском для жизни, был награжден крестом Воинской Доблести (*Virtuti Militari*). Помимо этого, Станислав Лоренц награжден многочисленными польскими и зарубежными орденами и медалями.

Научная деятельность Ст. Лоренца началась еще тогда, когда живя в Литве, он опубликовал в 1935 г. свои первые труды по истории и теории музееведения, а также об архитекторе Яне Кшиштофе Глаубице (1937), об архитекторе Яне Заоже и др. С течением времени основной сферой научных интересов Лоренца стал век Просвещения в Польше, причем ученого интересовали археологические находки, сделанные поляками в Риме, и влияние античности на развитие польского искусства эпохи классицизма. Отметим также его работу о ввозе итальянских скульптур и картин в Польшу в первой половине XIX в., ряд работ о Каналетто.

Среди трудов Ст. Лоренца, посвященных веку Просвещения, выделяются статьи и обзоры, посвященные русско-польским культурным связям. В настоящее время ученый работает над обширным трудом, посвященным культуре польского Просвещения.

Нельзя обойти работы Лоренца о Ренессансе в Польше (Надгробие Зыгмунта в Вавельском мавзолее), о польско-итальянских культурных связях (часть этой работы опубликована в Италии) и многочисленные труды, ставшие основополагающими в польском музееведении.

Ученый-патриот Станислав Лоренц подготовил для ЮНЕСКО, помимо замечательной книги «Философия музеев», еще две работы: «Польские музеи» и «Оккупационные воспоминания». В этих книгах ученый заклеил варварство фашизма, гневное разоблачение которого содержится уже в изданной в 1946 г. работе «Разрушение Варшавского замка». Книги Ст. Лоренца изданы во многих странах. К 25-летию народной Польши ученый собирает материалы для музея польской культуры.

Авторизованный перевод с польского И. Ф. Бэлзы

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. И. РОГОВ

СТАНИСЛАВ ЩЕПАНОВСКИЙ НА КОРОЛЕВСКОМ СУДЕ

В знаменитом кафедральном соборе в г. Гнезно одна из часовен посвящена Станиславу Щепановскому. Станислав в 1071 г. стал краковским епископом и почти сразу же вступил в конфликт с польским королем Болеславом Храбрым. До сих пор полностью не ясна политическая сторона этого конфликта. Известно только, что Станислав официально обвинял Болеслава в беспутстве и даже отлучил его от церкви. За это в 1079 г. он был убит по приказанию короля.

Часовня св. Станислава украшена изображением одного из эпизодов столкновения между епископом и королем — «Станислав на королевском суде». Полотно относится к середине XVII в. и происходит из мастерской знаменитого польского художника Томаша Долябелли, итальянца по происхождению. В Польшу Долябелли прибыл в 1600 г., и весь его творческий путь целиком связан со страной, где он обрел вторую родину. Талантливый ученик Алиенсе, он через него испытал определенное влияние П. Веронезе, однако у Долябелли весьма заметны черты маньеризма, стремление к светотеневым эффектам. Вместе с тем в Польше Долябелли быстро усвоил и так называемый стиль «сарматизма».

Художника привлекали в первую очередь исторические сюжеты и портрет. Им был написан портрет Сигизмунда III под Смоленском, картины: «Взятие Смоленска», «Гетман Жолкевский представляет королю Шуйских» (обе эти картины выполнены для Варшавского замка); «Переговоры под Смоленском в 1634 г.» (г. Кельцы); «Легендарное низвержение идола Перуна в Киеве доминиканским монахом св. Яцеком» (монастырь доминиканцев в Кракове). Обращает внимание интерес Долябелли к русской теме. Очень своеобразно оказалась эта особенность его творчества в гнезненской картине. Король Болеслав II изображен на ней в одежде русских царей. С такой одеждой Долябелли мог познакомиться не только по гравюрам. В 1611 г. он присутствовал на представлении королю Шуйских. Этот эпизод он и изобразил на одном из вышеупомянутых полотен. С особым вниманием отнесся он при этом к одежде всех тех лиц, которые были участниками этого события¹. Особенно подробно художником были изучены необычные одежды русского царя-пленника, в которые он впоследствии и одел короля Болеслава II.

Для чего, однако, это понадобилось художнику? Видимо, много слышавший, особенно в период войны России с Речью Посполитой, о «тираническом» правлении московских царей, Долябелли решил изобразить в одежде «тиранов» и польского короля, казнившего Станислава Щепановского.

Станислав Щепановский на королевском суде (середина XVII в.). Картина Долябелли в кафедральном соборе г. Гнезно

¹ W. Tomkiewicz. Dolabella. Warszawa, 1959, s. 19.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗ НОВЫХ РАБОТ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДУБРОВНИКА

В историографии Дубровника, крупнейшего торгового центра средневековой Далмации, значительное место занимают исследования по истории его социально-экономического развития. Эти работы, основанные на богатом архивном материале, способствовали выяснению общего состояния ремесла в Дубровнике, главных направлений его торговли в период расцвета, характера аграрных отношений на территории этой республики и др.¹

В последнее время ученые Югославии все чаще обращаются к детальному рассмотрению отдельных периодов истории Дубровника, без анализа которых нельзя до конца понять специфику его экономики и социального строя.

Изучению конкретных вопросов экономической истории Дубровника посвящены и вышедшие недавно статьи югославской исследовательницы Д. Динич-Кнежевич, затронувшие важные стороны исторического развития феодального города-республики в XIV в.² В основу этих работ были положены данные приблизительно одного и того же круга источников, включившего разнохарактерные исторические памятники как опубликованные (Дубровницкий статут 1272 г., Книги реформаций, постановления дубровницких веч и др.), так и неопубликованные, ныне хранящиеся в государственном архиве Дубровника (канцелярские записи, нотариальные книги, объединенные в серии *Diversa notariae* и *Diversa cancellariae* и др.). Автор с большой тщатель-

ностью отобрал из них необходимые сведения для подробного освещения средневековой городской экономики этого центра Далмации.

Первая работа, где Д. Динич-Кнежевич рассмотрела губительное влияние чумы 1348 г. на жизнь и экономику Дубровника, дополнила конкретными фактами из истории этого южнославянского города наше представление об огромном ущербе, нанесенном страшной эпидемией хозяйству средневековой Европы. Главное внимание в статье уделено изменениям в сфере товарного обращения Дубровника накануне и после эпидемии. Отмечая рост наемной платы работников и резкое повышение цен на предметы первой необходимости, автор констатировал и сокращение производства во время эпидемии. Однако на материале данных местного архива Динич-Кнежевич делает вывод о сравнительно быстрой ликвидации последствий чумы на дубровницких землях: в течение менее чем одного десятилетия после эпидемии цены на основные товары достигли прежнего уровня. Автор касается здесь и определенных изменений в социально-экономическом строе Дубровника этого периода, в частности в положении крестьян, ремесленников, сельскохозяйственных рабочих в связи с сокращением населения; в статье упоминается о распространении кметской зависимости в середине XIV в., о новых явлениях в аграрных отношениях на землях Дубровника³.

Из приведенных в статье наблюдений одно, на наш взгляд, является наиболее интересным. Число жителей Дубровника росло за счет жителей соседних областей. Но определить значение и относительную величину этого животворного прилива рабочей силы в обычные годы весьма трудно — документы почти не содержат сведений о количестве стекавшихся в город

¹ См. «Historija naroda Jugoslavije», knj. I. Zagreb, 1953, s. 661—667; Н. П. М а н а н ч и к о в а. Об изучении Дубровника. Сб. «Вопросы истории славян», вып. 1. Воронеж, 1963.

² D. D i n i ć. Uticaj kuge od 1348. na privredu Dubrovnika. «Godišnjak filozofskog fakulteta u Novom Sadu» (далее — GFFNS), knj. V., 1960; D. D i n i ć — К н е ж е в и ć. Trgovina vinom u Dubrovniku u XIV veku. GFFNS, knj. IX, 1966; Е е ж е. Trgovina žitom u Dubrovniku u XIV veku. GFFNS, knj. X, 1967.

³ D. D i n i ć. Uticaj kuge od 1348..., s. 14—18. Ср. А. П. К а ж д а н. Наемный труд в Дубровнике в XIV веке. Краткие сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, 1955, № 17.

людей. Размеры пополнения людских ресурсов города стали особенно заметными после эпидемии чумы, когда население города катастрофически поредело: большой приток переселенцев в Дубровник явился одной из главных причин быстрой стабилизации его экономики. Это наглядно свидетельствует о том, что между Дубровником и окружающими землями существовала глубокая связь, которая не ограничивалась политическими контактами и торговым обменом.

Известно, что на землях Дубровника издавна выращивали виноград и производилось довольно много вина, которое экспортировалось в другие области; мы знаем также, что своего хлеба Дубровник почти не имел, а закупал его в различных странах Средиземноморья. Отдельные вопросы торговли вином и закупки зерна уже рассматривались в работах югославских историков — Г. Чремошника, И. Божича, Б. Крекича, И. Тадича, М. Попович-Раденкович и др. В двух своих статьях Д. Динич-Кнежевич избрала торговлю вином и хлебом в Дубровнике XVI в. предметом специального и всестороннего исследования.

В статье о торговле вином в XIV в., касаясь значения виноградарства для республики, купли-продажи виноградников и их цены, автор дает краткую характеристику арендных отношений на дубровницких землях и приводит арендные договоры, свидетельствующие об обязанностях земледельцев, постановления об оплате труда наемных работников. Здесь заслуживает внимания строгий правительственный контроль и надзор особых чиновников за сроками сбора урожая, за ввозом вина из дистрикта в город и т. д. Но и в этой части статьи, напоминающей по характеру известную работу Д. Роллера об аграрных отношениях в Дубровницкой республике XIII—XV вв.⁴, Д. Динич-Кнежевич удалось собрать сведения, вносящие дополнительные штрихи в решение вопроса о времени возникновения крупного светского землевладения в областях Дубровницкой республики⁵, в изучение форм поземельной и личной зависимости крестьян⁶.

Далее в статье прослеживается путь,

⁴ D. Roller. Agrarno — proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV stolecā. Zagreb, 1955.

⁵ D. Dinčić — Knežević. Trgovina vinom... См. на стр. 39—40 сноску 4, где приведены данные о купле-продаже обширных земельных владений светскими лицами еще в первой четверти XIV в.

⁶ Ibid., s. 42. Автор анализирует договоры, свидетельствующие, что кметы одного землевладельца могли быть простыми арендаторами другого.

который «проходит» вино от непосредственного производителя через перекупщиков и трактиры к потребителю — простым жителям города. Этот путь интересен главным образом потому, что он дает возможность выяснить степень участия различных слоев населения не только в производстве и сбыте вина, но и в присвоении большей части прибыли от его продажи, поскольку рассмотрение данных о сбыте вина вынуждает автора затронуть сложные проблемы социального строя республики. Естественно, здесь на передний план выступают фигуры крупных торговцев вином, среди которых были иностранцы и дубровчане, принадлежавшие, как правило, к патрицианским родам. Такие торговцы занимались закупкой вина у земледельцев. Выдавая небольшие займы виноградарям (от 2 до 20 дерперов) в счет будущего урожая, они получали право на определенное количество нового вина, которое доставалось им фактически за мизерную цену. Случалось, по словам автора, что виноградарь многих островов в течение нескольких лет продавал свое вино одним и тем же лицам, сбывавшим его в трактиры или вывозившим на внешний рынок⁷. Среди торговцев-перекупщиков мы встречаем известных дубровницких богачей и патрициев, в числе которых были Юний Церевич, Клемент Гледич, Марин Медичич, Яков Гундулич, Приба — жена Николы Мешетича, Слава — дочь Воле Волчича, Мара — вдова Марина Бенешича и др.

На внешнем рынке дубровчане обычно продавали отечественное и перепродавали иноземное, чаще итальянское, вино. И только в годы неурожая в Дубровнику не хватало собственного вина. Изысканные должностные лица обязаны были определить количество вина, недостающее для удовлетворения потребности города, и организовать его закупку в других областях. Но тяжелые годы выпадали относительно редко, гораздо чаще власти республики бывали озабочены необходимостью своевременной продажи излишков отечественного вина. Автор называет многочисленные области, города и местечки, куда вино экспортировалось из Дубровника.

Торговля вином составляла важную статью дохода республики. Постоянное стремление выжать из этого источника как можно больше средств для казны толкало правительство на проведение гибкой налоговой политики, ставившей под контроль продажу вина. В статье рассматривается целая сеть налогов на вино, начиная от мелких поборов с розничной продажи внутри города и кончая пошлиной на вывозимое вино и сдачей этих пошлин на откуп отдельным лицам

⁷ Ibid., s. 52.

или группе лиц как в городе, так и в дистрикте.

Использовав богатый материал — долговые обязательства, по которым виноградари получали небольшие займы от торговцев в счет вина будущего урожая, Динич-Кнежевич составляет любопытную таблицу (стр. 58—62) закупочных цен на вино в течение XIV в. Как уже говорилось, закупочные цены были значительно ниже розничных цен вина, продававшегося в трактирах города. Благодаря этой таблице можно легко проследить колебания закупочных цен на вино в XIV в. В первой половине XIV в. существовали относительно устойчивые цены, которые резко возросли (в три раза и более) в период эпидемии чумы (1348 г.). Спустя несколько лет закупочные цены понизились, но уже до конца XIV в. сохранились почти на одном уровне, который был в два раза выше уровня цен, существовавших в первой половине XIV в. Заметим, что материал, положенный в основу таблицы, мог бы послужить для более широкого изучения влияния города и товарно-денежных отношений на хозяйство простых виноградарей, для исследования статуса мелких земледельцев, опутанных сетью долговых обязательств.

В следующей статье Динич-Кнежевич продолжила исследования Б. Крекича и М. Попович-Раденкович в области дубровницкой торговли⁸. Но в этой статье, как и в предшествующей, нет историографии вопроса, есть лишь краткая постановка задачи: рассмотреть торговлю зерном в Дубровнике XIV в. в целом, поскольку она являлась одним из важных моментов в жизни города⁹.

Избрав наиболее распространенный аспект исследования торговли, когда главное внимание направлено на освещение внешней стороны событий и фактов, автор сразу же приступил к подробному описанию организации этой торговли. В работе приведена масса конкретных постановлений Великого веча о назначении специальных послов (синдиков) для закупки хлеба в плодородных районах Средиземноморья, о льготах для торговцев-дубровичан и иностранцев за доставку зерна в Дубровник, о назначении «массариев» — чиновников, контролирующих торговлю зерном, далее — о ценах на зерно, об изыскании средств на очередные закупки зерна и т. д. Рассматривая год за годом (на протяжении почти всего

XVI в.) постановления Великого веча, Динич-Кнежевич воссоздает картину интенсивного товарного обмена, который был жизненно необходим Дубровнику и который связывал этот город со всеми значительными торговыми центрами Средиземного моря.

Так же, как и в Венеции, где закупка хлеба входила в круг деятельности властей республики, в Дубровнике торговля зерном была монополией коммуны. Но в отличие от Венеции, коммуна Дубровника не имела специальных, принадлежащих ей судов, которые можно было бы постоянно использовать для транспортировки зерна. Это осложняло задачу правительства, вынужденного арендовать частные корабли. Статья содержит образцы таких договоров правительства с судовладельцами об аренде судов на один или несколько рейсов.

Следует, однако, отметить, что организация закупки и транспортировки зерна в Дубровник была уже в известной мере изучена в работах некоторых исследователей: были выяснены имена многих синдиков и их связи с представителями южноитальянских торговых фирм, были известны и имена крупных кредиторов, финансировавших торговлю зерном в форме займов с высоким процентом, и т. д. Значительно менее изученными оставались вопросы, связанные с проблемой продажи зерна в самом городе. Статья Динич-Кнежевич вскрывает ряд существенных деталей организации внутригородской торговли хлебом. Здесь автор упоминает о главном складе зерна, об установленных местах его продажи и, что особенно интересно, о лицах, непосредственно занятых этой продажей.

В торговлю зерном были втянуты все слои населения, от знатных патрицианских семей до простых наемных работников, совмещавших обязанности носильщиков зерна (*bastasi*) с обязанностями его продавцов. Но в Дубровнике, как мы видим из приводимого в статье материала, не было свободной продажи хлеба населению. Хлеб по цене, утвержденной правительством, распределялся гражданам республики. Способ распределения хлеба как нельзя лучше обнажает социальное неравенство населения Дубровника. В первую очередь хлебом обеспечивались жители города, и только после этого особым распоряжением правительства разрешалось продавать хлеб жителям дистрикта. В городе же хлеб попадал прежде всего в руки зажиточных слоев населения — *possibiliores homines*, т. е. тех, кто мог без промедления выплатить коммуне необходимую сумму денег за купленный хлеб. Затем, по-видимому, какая-то доля зерна доставалась беднейшим жителям города. К сожалению, в статье почти ничего не сказано о порядке снабжения хлебом городских низов.

Правительство Дубровника, естествен-

⁸ См. Б. Крекич и М. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956; М. Попович-Раденкович — *Radenković*. *Le relazioni commerciali fra Dubrovnik (Ragusa) e la Puglia nel periodo Angioino (1266—1442)*. «Archivio storico per le Province Napoletane», Napoli, 1959, и др.

⁹ D. Dinić-Knežević. *Trgovina žitom...*, s. 81.

но, стремилось как можно дешевле платить за покупаемое на внешнем рынке зерно, но в городе хлеб продавался уже по более высокой цене. И, что особенно примечательно, вне города — для жителей островов и других владений республики — хлеб продавался по цене еще более высокой. В статье приведена обширная таблица закупочных цен на зерно, доставляемое в Дубровник из различных областей Средиземноморья в различные годы XIV в., а также цен, по которым продавалось оно в городе и вне города (стр. 121—125).

Рассмотренные работы Д. Динич-Кнежевич являются исследованиями, вводящими в научный оборот ценный неопубликованный материал из архива Дубровника, в котором содержатся конкретные сведения о внутренней и внешней жизни

республики, об экономической политике ее правительства, о напряженной трудовой деятельности городского населения и населения сельских районов, о пущах и заботах простых крестьян, виноградарей, ремесленников, наемных работников. Некоторые вопросы социально-экономического развития его рассмотрены очень подробно, некоторые лишь намечены. Главная заслуга автора, на наш взгляд, заключается в том, что ее исследования, свидетельствующие об остроте социальных противоречий в приморском городе XIV в., подводят нас к разработке новых проблем, связанных с конкретным изучением жизни различных слоев населения республики и их роли в развитии городской экономики и культуры.

Н. П. Мананчикова

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ. Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925—1929 годы. Харьков, 1968, 198 стр.

В последние годы в Болгарии опубликованы монографии и статьи, в которых освещаются отдельные вопросы болгарского рабочего движения в период частичной стабилизации капитализма. Автор рецензируемой книги, сосредоточив внимание на неразработанных или слабо исследованных вопросах, поставил перед собой задачу изучить проблему рабочего движения 1925—1929 гг. в Болгарии в целом.

Книга базируется на обширном круге источников: документы заседаний Народного собрания, мемуары, периодическая печать. В работе широко использованы неопубликованные воспоминания активных участников болгарского революционного рабочего движения. Значительная часть этих материалов впервые вводится в научный оборот.

В первой главе раскрывается сущность капиталистической стабилизации, которая как в сельском хозяйстве (основной отрасли экономики страны), так и промышленности была частичной и относительной. Автор объясняет это прежде всего отсталостью технической базы болгарской промышленности, сокращением покупательной способности рабочего класса, ростом зависимости экономики Болгарии от иностранного капитала. Глубокие внутренние противоречия в ходе стабилизации не были преодолены и во второй половине 1929 г. привели страну к новому, острому и затяжному кризису.

В последующих главах дается анализ развития рабочего движения в стране: БКП после тяжелых поражений 1923—1925 гг. восстановила свои подпольные организации, развернула широкую работу в массах, создала сеть легальных рабочих организаций (Рабочая партия, Ра-

бочий молодежный союз, Независимые рабочие профессиональные союзы) и возглавила революционные выступления народных масс против фашистской диктатуры и крупного капитала.

Руководствуясь учением В. И. Ленина, пишет Г. И. Чернявский, Болгарская коммунистическая партия умело сочетала легальные и нелегальные формы революционной борьбы. Своей деятельностью в легальных организациях болгарские коммунисты обогатили опыт международного рабочего движения.

По мнению автора, рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма прошло три этапа. Первый этап (от апрельских событий 1925 г. примерно до середины 1926 г.) характеризуется значительным спадом революционных выступлений пролетариата. Второй этап — с середины 1926 г. до конца 1927 г., когда под руководством Независимых профсоюзов и Рабочей партии, образовавшейся в феврале 1927 г., усилилась борьба рабочего класса за свои жизненные интересы. Третий этап (1928 г. — первая половина 1929 г.) отличается резким обострением классовой борьбы. Рабочее движение переживает новый революционный подъем, который достиг наивысшего уровня весной и летом 1929 г.

В заключительной главе показано участие БКП, рабочего класса Болгарии в международном коммунистическом, рабочем и демократическом движении.

Рабочий класс Болгарии требовал установления дипломатических отношений между Болгарией и Советским Союзом. Приведены факты, характеризующие движение солидарности болгарского пролетариата с революционной борьбой трудящихся других стран. Представляет

интерес также раздел о деятельности представителей Болгарии в Коммунистическом Интернационале и других международных рабочих организациях.

Монография Г. И. Чернявского не лишена отдельных недочетов. Автор фактически обошел такой вопрос, как отношение рабочих партий к внешнеполитической деятельности правительства. Встре-

чаются недостаточно четкие формулировки, повторения (стр. 44—57, 83—86). Вряд ли можно деятеля демократической партии С. Мошанова характеризовать как фашиста (стр. 163).

Новое исследование Г. И. Чернявского заслуживает положительной оценки.

Д. Б. Мельцер

ЧЕХИ И СЛОВАКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Книга К. Пихлика, В. Вавры и Я. Кржижека «Красно-белое и красное. Солдаты в войне и революции. 1914—1918 гг.»¹ рассказывает о сложных судьбах десятков тысяч чехословацких трудящихся, сражавшихся в годы первой мировой войны и Октябрьской революции в рядах австро-венгерской армии, в составе сформировавшихся в России, Франции и Италии чехословацких легионов и, наконец, под знаменами Октября, в защиту Советской власти.

В монографии дается оценка предшествующей литературы, приводятся некоторые малоизвестные материалы. Она состоит из 12 глав², написанных разными авторами, точки зрения которых, как отмечено во введении, не всегда совпадают.

В главах «Мы отправляемся в Россию, не зная почему», «Покончить с системой», «Все по домам!» рассказывается о революционных выступлениях чехов и словаков против габсбургской монархии. Здесь подробно исследуется история матросского восстания в Которской бухте в феврале 1918 г., восстание солдат в Румбурге в апреле того же года; авторы стремятся наиболее полно осветить роль в них чехов и словаков. Значительное внимание уделено выяснению позиции чешской и словацкой национальной буржуазии, стремившейся подчинить своим целям все формы освободительного движения и видевшей в разгроме Германии и Австро-Венгрии важную предпосылку для образования самостоятельного буржуаз-

ного Чехословацкого государства. В этой связи представляет интерес анализируемый в книге меморандум Т. Масарика «Независимая Чехия», разосланный им в начале войны ведущим политическим деятелям Лондона и Парижа. Чешское государство, отмечалось в этом меморандуме, может быть использовано странами Антанты как эффективное средство антигерманской политики.

В главе «Драматический перекресток» рассказано о создании чехословацкой буржуазией ряда псевдодемократических, псевдорбочих организаций, в том числе и на территории России, подчеркивается роль возникших в России социал-демократических организаций чехов и словаков, прогрессивных организаций военнопленных, приводятся данные о формировании первых чехословацких красногвардейских подразделений.

Глава «По пути несправедливой борьбы» посвящена истории контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса в России. В ней приводятся малоизвестные факты о связи контрреволюционного командования чехословацкого корпуса с империалистическими правительствами, в частности, с правительством США, использовавшим подразделения чехословацкого корпуса для охраны американских учреждений и предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке. За английские, французские и другие ассигнования корпусу легионеры платили защитой интересов иностранных империалистов, поддержкой контрреволюции.

В книге раскрыта руководящая роль большевистской партии и лично В. И. Ленина, считавшего, что контрреволюционные провокаторы обманом вовлекли чехословацких легионеров в восстание против Советской власти.

Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции ускорился процесс созревания классового сознания у части чешских и словацких военнопленных и легионеров, сумевших понять истинное значение событий в России и перешедших на сторону российского пролетариата (глава «На стороне революции»). Большое место в главе уделено разъяснительной работе чехословацких комму-

¹ K. P i c h l í k, V. V á v r a, J. K ř i ž e k. Červenobílá a rudá. Vojáci ve valce a revoluci. 1914—1918. Praha, 1967, 471 s. Название книги трудно поддается точному переводу, так как за прилагательными «červenobílá» и «rudá» должно стоять существительное «vlajka» (знамя). Эти цвета соответственно символизировали знамена буржуазно-националистических чехословацких легионов и интернационалистов, сражавшихся в рядах Красной Армии.

² Часть глав книги, объединенная общим заголовком «Дополнение», раздвигает хронологические рамки повествования, указанные в ее заглавии.

нистов среди легионеров — публикации ими на чешском и словацком языках агитационных листовок, специальных бюллетеней и газет, посылке агитаторов в подразделения чехословацкого корпуса и т. д.

Главы «На стороне революции», «Чехи и словаки в России в 1919—1920 гг.» посвящены борьбе чехословацких интернационалистов за победу и укрепление завоеваний Советской власти, формированию чехословацких подразделений Красной Армии, сражавшихся против белых и интервентов в Центральной России и на Украине, в Поволжье и Туркестане, в Сибири и на Дальнем Востоке. Чехословацкие коммунисты вели разъяснительную работу среди возвращавшихся на родину соотечественников, раскрывали им социальный смысл событий, происходивших в России и за рубежом. Для чехословацких коммунистов в Советской России были созданы специальные партийные курсы, на которых они изучали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, вопросы стратегии и тактики коммунистического движения, теорию социалистической революции, проблемы создания и упрочения III Коммунистического Интернационала. На курсах рассматривались и вопросы о чехословацком контр-

революционном мятеже в России, о революционной борьбе на родине, о деятельности и задачах возникшей в Чехословакии «марксистской левой» и др.

В главе «Под своими знаменами» впервые дана обобщающая картина формирования и боевой деятельности чехословацких воинских соединений во Франции и Италии (мобилизация в чехословацкой легион среди жителей чехословацкой колонии во Франции, деятельность эмиссаров парижского чехословацкого Национального совета в лагерях военнопленных, содействие правительств Антанты формированию чехословацких соединений в этих странах, участие их в военных действиях во Франции и Италии в 1917—1918 гг. и др.).

История формирования и развития вооруженных сил молодого чехословацкого буржуазного государства освещена в главе «Армия мертва, да здравствует армия!». Здесь показано также стремление национальной буржуазии изолировать армию от революционного влияния, сделать ее своим послушным орудием.

Рецензируемая книга является серьезным вкладом в исследование новейшей истории Чехословакии, в историографию Великого Октября.

Т. Комкова

JERZY W. BOREJSZA. *Polska emigracja po powstaniu styczniowym*. Warszawa 1966, 488 s.

ЕЖИ БОРЕЙША. *Польская эмиграция после восстания 1863 года*.

На протяжении ряда десятилетий XIX в. политические эмигранты играли весьма значительную роль в освободительной борьбе польского народа. Их деятельность привлекала интерес историков-полонистов в межвоенный период, но стала особенно широко изучаться после возникновения народной Польши. До сих пор, однако, наиболее широко были освещены 30—40-е годы и период восстания 1863 г., последующий же период был изучен несколько слабее¹.

¹ Из работ, вышедших за последнее время, назову следующие, наиболее крупные: С. В о б и њ с к а. Marks i Engels a sprawy polskie do osiemdziesiątych lat XIX wieku. Wyd. 2-gie. Warszawa, 1955; е е ж е. Ideologia rewolucyjnych demokratów polskich w latach sześćdziesiątych XIX wieku. Warszawa, 1956; «Marks i Engels o Polsce». Zbiór materiałów w dwóch tomach. Warszawa, 1960; «Pierwsza Międzynarodówka a sprawa polska». Dokumenty i materiały, t. I, Warszawa, 1964; t. II, Warszawa, 1965; «Radycalni demokraci polscy». Wybór pism i dokumentów. 1863—1875. Warszawa, 1960; К. В у с з а њ с к а. Polacy w Komunie Paryskiej. Warszawa, 1957; J. К о б е р д о в а. Pierwsza Międzynarodówka i

Рецензируемая книга Е. Борейши отчасти опирается на опубликованные им ранее исследования о польских связях К. Маркса и Ф. Энгельса и о польской эмигрантской печати 60—70-х годов XIX в.² Хронологически она охватывает период от подавления восстания 1863 г. до Парижской коммуны. Это — весьма значительное по объему монографическое исследование, основанное на тщательном изучении многоязычной литературы по теме, а главное, очень широкого круга первоисточников. В их

lewica Wielkiej emigracji. Warszawa, 1964; «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III, М., 1958; В. А. Д њ я к о в. Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. М., 1968.

² J. W. B o r e j s z a. W kręgu wielkich wygnańców. 1848—1895. Warszawa, 1963; е г о ж е; Prasa Zjednoczenia Emigracji Polskiej. «Rocznik Historii Czasopiśmennictwa Polskiego», 1964, t. III, z. 1, s. 72—125; е г о ж е. Z dziejów polskiej prasy emigracyjnej 1863—1865. Ibid., 1965, t. IV, z. 1, s. 50—104; е г о ж е. Prasa Towarzystwa Demokratycznego Mięrosławskiego. Ibid., 1965, t. IV, z. 2, s. 60—71.

числе укажем прежде всего на многочисленные (свыше 50) периодические издания эмигрантских организаций и групп, а также на воззвания, манифесты, брошюры и книги. Эти важнейшие по своему содержанию источники в настоящее время настолько трудно доступны, что систематическое и детальное ознакомление с ними автор само по себе уже является немалым научным подвигом. Существенно отметить также, что Е. Борейша в поисках материалов по теме обследовал большое число отечественных архивов, а также архивы Советского Союза (ЦГАОР, АВПР, отдел рукописей ГБ им. В. И. Ленина) и Франции (рукописные собрания Польской библиотеки в Париже, материалы и фонды префекта парижской полиции, военного министерства и министерства иностранных дел). Наиболее важными сам исследователь справедливо считает (стр. 12) материалы Объединения польской эмиграции, хранящиеся в Польской библиотеке в Париже. Они содержат протоколы заседаний Представительного комитета, руководившего этой организацией, его переписку с группами членов Объединения на местах (гминами), списки, кассовые книги, реестры корреспонденции и т. д.³ Если оценить источниковедческую базу исследования Е. Борейши в целом, то можно отметить, что она несравненно шире, чем у любой из предшествующих работ по данной теме. Качественное ее отличие состоит в значительном удельном весе активных материалов самих эмигрантских организаций и современных событиям эпистолярных источников.

Монография состоит из 12 далеко неодинаковых по величине глав. Она имеет именную и географический указатели, а также прекрасно подобранные и выполненные иллюстрации.

Ввиду краткости настоящего отзыва оставим лишь на наиболее важных, с нашей точки зрения, вопросах, исследованных автором.

Прежде всего отметим, что Е. Борейша весьма существенно дополняет и исправляет имевшиеся в литературе сведения о численности, размещении и материальном положении эмигрантов после восстановления 1863 г. Предшествующие исследователи говорили о 5—7 тыс. эмигран-

тов. Е. Борейша на основании сопоставления и анализа многих источников, в том числе архивных, называет цифру 10 тысяч, считая ее, хотя и не окончательной, но гораздо более соответствующей действительности (стр. 20). Есть в его исследовании и сведения о расселении эмигрантов по странам: около 5 тыс. во Франции (в том числе половина в Париже, причем преимущественно в районах Монпарнаса и Батиньоля); от 600 до 2,5 тыс. в Швейцарии, по несколько сот человек в Италии и турецких владениях, 2—3 тыс. в Америке и т. д. (стр. 21—35). Собранные Е. Борейшей сведения показывают, что Франция была единственной страной, где польские политические эмигранты получали небольшое пособие; в основном же им приходилось обеспечивать себя собственными заработками. Одни пробовали свои силы в искусстве или в коммерции, другие поступали на военную службу, а чаще всего — занимались физическим трудом. Происхождение и занятия до выезда за границу, а также местные условия и степень обеспеченности во многом определяли политическое лицо не только отдельных деятелей, но иногда и целых эмигрантских центров.

Много внимания уделяет автор истории идейно-политических групп и организаций, существовавших в 1864—1870 гг. среди польской эмиграции: партии белых со штаб-квартирой в Отель-Лямбер, Объединения польской эмиграции (1866—1870) и отколовшейся от нее группы — Огула (1867—1870), Демократического общества Л. Мерославского (1865—1870), Польского республиканского огниска (1864—1870). Деятельность организации Огула во главе с К. Жульским и Б. Свентожецким практически не освещалась до сих пор в литературе. О других организациях так или иначе шла речь в различных работах; некоторым были даже посвящены специальные статьи, но сведения о них были весьма фрагментарны и не отличались ни документальной обоснованностью, ни исчерпывающей полнотой. Посвященные эмигрантским организациям разделы книги Е. Борейши являются по существу маленькими монографиями о каждой из них; они включают всю историю этих организаций от предисылок возникновения до причин и обстоятельств прекращения деятельности, характеризуют их состав, структуру, политическую программу и тактику, описывают выпущенные периодические издания, дают представление о виднейших деятелях и руководителях организаций. В приложении к книге опубликованы списки членов Объединения польской эмиграции с указанием, в большинстве случаев не только фамилий, но и имен эмигрантов, места жительства каждого из них (стр. 423—452). В общей сложности эти списки включают свыше 1700 лиц и являются ценным справочным пособием.

³ Архив Объединения польской эмиграции уже использовался отчасти в работах Ц. Бобинской, Е. Борейши и др. Протоколы заседаний Представительного комитета вместе с важнейшими из приложенных к ним материалов подготовлены в настоящее время к публикации коллективом польских историков во главе с проф. Бобинской. Подробнее об архиве Объединения см. С. Bobińska. Archiwum Zjednoczenia Emigracji Polskiej. «Kwartalnik Historyczny», 1962, № 1, s. 109—115.

Много нового дает книга Е. Борейши для изучения эмигрантской прессы. О большинстве газет и журналов, которые существовали в эмиграции на протяжении изучаемого периода, мы до сих пор знали очень мало, а в ряде случаев и вовсе ничего не знали⁴. Существенно дополняя имевшиеся в литературе сведения о таких крупных эмигрантских изданиях, как «Ойчизна», «Глос вольны», «Неподлеглоць», «Вытвалосць» и «Гмина», Е. Борейша довольно подробно характеризует ряд других, гораздо менее известных нам или вовсе забытых изданий. Особое внимание при этом автор уделяет идейно-политическим позициям и «партийной принадлежности» того или иного издания, старается дать представление о журналистской специфике и литературно-публицистических дарованиях ведущих сотрудников каждого издания, делает попытки сравнить каждое из них с польскими и общеевропейскими изданиями. В специальной главе, посвященной прессе (стр. 157—168), довольно подробно освещены и такие на первый взгляд второстепенные, а в действительности очень интересные и немаловажные вопросы, как размещение и деятельность типографий с польскими шрифтами, работа наборщиков и корректоров, обеспеченность денежными средствами, тиражи, формат, способы распространения изданий и т. д. Не будет преувеличением сказать, что книга Е. Борейши в настоящее время может служить наиболее полным и всесторонним справочником по польской эмигрантской прессе 1864—1871 гг.

Основные политические течения эмиграции и анализ идейно-теоретических столкновений между различными ее группами — это, пожалуй, та область, которая в литературе может считаться наиболее разработанной. Однако и здесь книга Е. Борейши вносит немало нового. Сказанное относится в определенной мере и к левым течениям (Я. Домбровский, В. Врублевский, Ю. Токажевич, Л. Булевский, Ю. Гауке-Босак, С. Ярмунд, Е. Рыдзевский, В. Погрожельский, М. Гейденрейх). Но в несравненно большей степени это относится к политическим организациям и группам, составляющим центр и правое крыло польской эмигра-

ции, а если говорить об отдельных деятелях, то к Л. Мерославскому и его ближайшим сподвижникам, к А. Гиллеру и З. Милковскому, В. Плятеру и К. Якулинскому, Ю. Крашевскому и В. Мицкевичу, Ю. Клячке, Бр. Залескому, Я. Дзялынскому, А. Гуттри, Б. Волоскому, В. Шибиальскому и другим.

Автор рассказывает об ожесточенных спорах, развернувшихся вокруг оценки уроков восстания 1863 г., определения перспектив борьбы за восстановление независимого польского государства, роли внешних и внутренних факторов в этой борьбе, значения крестьянского и национального вопросов (в том числе так называемого «украинского» вопроса), определения общественного строя будущей Польши и т. д. Выявляя взгляды каждой группы и каждого деятеля на эти важнейшие идейно-теоретические проблемы, автор освещает события гораздо полнее, чем это делалось до сих пор⁵.

О связях эмигрантов с родиной и контактах польской эмиграции с общественным движением других народов рассмотрено очень мало источников. Несмотря на это, Е. Борейше удалось собрать и в данном случае немало ценного и нового материала. Он, в частности, показывает, что на польских землях, захваченных Пруссией, существовала связанная с эмиграцией конспиративная сеть, включающая, с одной стороны, шляхетско-интеллигентские, а с другой, — простонародные организации (стр. 255—256). Галиция, по мнению Е. Борейши, в связи с некоторыми особенностями местных условий и наплывом участников восстания 1863 г. «на долгие десятилетия стала оплотом идеи патриотизма, польским Пьемонтом» (стр. 271). В области контактов польской эмиграции с западноевропейским и русским революционным движением особенно интересными представляются следующие материалы: об отношении общественности разных стран к покушению А. Березовского на Александра II (стр. 280—284), о польском вопросе в деятельности П. Прудона (стр. 349—353), о сотрудничестве издателей «Колокола» и «Гмины» (стр. 336—337), о деятельности поляков в международной организации «Лига мира и свободы» (стр. 361—365) и некоторые другие.

Переходя к замечаниям, которые в той или иной степени носят критический характер, остановлюсь прежде всего на вопросах, относящихся к исследованию в целом.

Структура книги представляется вполне обоснованной и целесообразной с точ-

⁴ Из специальных работ об эмигрантской прессе, кроме называвшихся статей Е. Борейши, необходимо указать следующие: А. S i l s z. Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859—1864. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wrocław, 1956, s. 9—70; Ż. Ż a b i c k i. Z problemów ideologii i estetyki pozytywizmu. Publikacja emigracyjna Józefa Tokarzewicza na tle prądów epoki. Warszawa, 1964.

⁵ Наряду с перечисленными, автор касается многих других вопросов; его наблюдения и выводы не во всех случаях бесспорны, но всегда интересны и основываются на фактическом материале.

ки зрения тех задач, которые ставил перед собой автор. Она позволяет привести в стройную систему огромный фактический материал, имеющийся в распоряжении автора, облегчает изложение и содействует глубокому анализу накопленных фактов. К сожалению, автору не удалось до конца выдержать созданную им самим структурную схему. Так, в главах с третьей по седьмую, характеризуя основные политические организации, он довольно подробно останавливается на их периодических изданиях, что в какой-то мере обедняет специально посвященную прессе восьмую главу. Часть идейно-теоретических вопросов, которые по принятой автором структуре следовало бы рассматривать в девятой главе, освещаются им в двух последующих главах. Особенно это заметно в десятой главе, где имеется целый раздел, озаглавленный «о понятии нация», совершенно аналогичный любому из разделов предшествующей главы. Думается, что более четкое расположение материала облегчило бы читателю ориентировку в тексте монографии, а автора избавило бы от необходимости дважды возвращаться к одному и тому же вопросу.

Автор рецензируемой работы принял правильное решение — одинаково подробно освещать деятельность польской эмиграции независимо от ее местонахождения. Фактически наиболее полно рассказывается об организациях и отдельных деятелях, находившихся во Франции и Швейцарии. Значительно меньше материала об эмиграции в Англии, Италии и Турции; об Америке говорится как будто бы и немало, но общей картины почему-то не получается. Более всего неравномерность чувствуется в освещении идейно-теоретических столкновений: здесь фигурируют преимущественно Париж, Женева и Лондон. Копечно, названные города были главными центрами идейной жизни эмиграции; но думается, что в некоторых случаях можно было бы дополнить материал об идейном облике остальных территориальных групп эмиграции.

В смысле источниковедческой базы работа Е. Борейши, как уже отмечалось, стоит на достаточно высоком уровне. Однако некоторые из имеющихся возможностей в этой области он использовал недостаточно. Можно назвать, в частности, два комплекса документальных источников, известных Е. Борейше, но использованных им далеко не в полной мере. Первый из них — это хранящиеся в фонде III отделения (а отчасти и в других фондах) дела на возвращающихся в Россию польских эмигрантов. Дела эти датируются в большинстве случаев более поздним периодом, материал в них громоздкий и трудный в интерпретации. Тем не менее использовать его, несомненно, можно. Другой документальный комплекс —

донесения царского агента А. Балашевича-Потоцкого — гораздо более компактен, но еще более сложен с точки зрения оценки сообщаемых сведений. Однако для данной темы, особенно для освещения лондонского эмигрантского центра, этот источник чрезвычайно ценен. К сожалению, в книге Е. Борейши он отражен далеко не полностью. В подтверждение сказанному упомяну лишь о том, что в донесениях Балашевича-Потоцкого за 1867 г. сообщается о двух неизвестных в литературе приездах в Лондон Я. Домбровского, причем анализ имеющихся фактов позволяет предполагать, что данное сообщение не является недоразумением или выдумкой царского агента.

А вот несколько более частных замечаний.

В одном из заключительных абзацев книги автор пишет о том, что польская революционная эмиграция исследуемого периода передала свою эстафету польскому рабочему движению, и называет при этом председателя эмигрантского Социалистического общества в Париже В. Мрочковского и члена ППС с 1895 г. В. Врублевского. Высказывая это правильное в общем положение, следовало бы вместе с тем отметить, что революционный опыт, накопленный польской эмиграцией на данном этапе, как, впрочем, и лучшие традиции всего польского освободительного движения за предшествующие десятилетия, так или иначе вошли в актив сначала первой польской рабочей партии, получившей название «Пролетариат», а затем были освоены преемницей «Пролетариата» — Социал-демократией Королевства Польского и Литвы. Правда, тут нелегко найти личную преемственность, но думается, что преемственность историческая и идейно-теоретическая здесь совершенно неоспорима, как бы рьяно ее не отрицали те из деятелей социально-революционных организаций конца 70-х — начала 80-х годов, которые по вполне понятным в их положении соображениям прежде всего ополчались против традиций шляхетской революционности.

В своем рассказе о польском варианте общинного социализма, основанном на теориях «гминовладства», Е. Борейша обособленно рассматривает прежде всего его местные, т. е. чисто польские истоки (стр. 206). Однако, перейдя затем к вопросу о возможных влияниях, он почему-то называет французских социалистов, но занимает весьма проницательную позицию по отношению к тем историкам, которые указывают на А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и их последователей в эмиграции. Едва ли такая позиция может считаться вполне обоснованной. Если говорить не о простом заимствовании или при внесении извне (тут позиция Е. Борейши представляется полностью правильной), а именно об определенном влиянии русских теоретиков общинного социализма

на польскую революционную мысль, то подтвердить это влияние вовсе не трудно⁶. Впрочем, Е. Борейша и сам довольно успешно опровергает себя, говоря не только о сотрудничестве, но и об идейной близости между «Колоколом» и «Гминой» (стр. 336—337), указывая, что в социалистических теориях Ю. Токажевича, Л. Булевского и Ю. Цверцякевича частично видна «аналогия с социализмом Герцена» (стр. 360—361), признавая большое влияние на польских эмигрантов «Что делать» Н. Г. Чернышевского (стр. 341—342).

В заключение отмечу еще несколько совсем мелких, но досадных недосмотров или ошибок, имеющих в книге. В источниковедческом обзоре (стр. 13) архивный фонд III отделения (ЦГАОР, ф. 109и) почему-то идентифицируется с фондом Департамента полиции (там же, ф. 102и),

⁶ Для несколько более позднего периода можно было бы сослаться на специальное исследование Т. Г. Снытко «К вопросу о взаимоотношениях и связях народничества с польским социально-революционным движением в конце 70-х—начале 80-х годов XIX в. В сб. «Революционная Россия и революционная Польша». М., 1967, стр. 209—314.

упоминается несуществующий фонд Александра II. По-видимому, недосмотром или неудачной редакцией текста можно объяснить упоминание в числе произведений Н. Г. Чернышевского, известных польской эмиграции, прокламации «К барским крестьянам» (стр. 342); она была изъята властями до напечатания и никакого распространения даже в России, не получила. В этом же абзаце (стр. 342) Герцен противопоставляется Чернышевскому как деятель, замыкающий эпоху дворянской революционности. Такое противопоставление является чистым недоразумением, так как, начав свою деятельность дворянским революционером, Герцен в 60-х годах был уже вне всякого сомнения революционным демократом, хотя отрицать наличие в его взглядах определенных следов идеологии предшествующего этапа, разумеется, нельзя.

Подводя итог сказанному, правомерно сделать вывод, что книга Е. Борейши о польской эмиграции в 1864—1871 гг., несмотря на отдельные частные недостатки, является добротным сделанным научным исследованием, содержащим массу нового фактического материала и ценных обобщений.

В. А. Дьяков

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В XVI—XVIII вв.

В «Историческом журнале» Словацкой академии наук помещена статья А. Шписса «Развитие аграрных отношений в Средней и Восточной Европе в новое время и проблема существования второго крепостничества у нас»¹. Основной тезис автора — в Чехии, Моравии, Словакии не существовало в XVI—XVIII вв. условий, необходимых для возникновения «второго издания крепостничества».

Не ставя целью рассмотрение всех затронутых Шписсом проблем, считаем необходимым высказать некоторые соображения относительно аграрного развития Словакии XVII в.

Применительно к Словакии этого периода источниковедческая база статьи представляется сравнительно узкой. Автор не пользуется документами социально-экономического характера (урбарии, инструкции, письма-жалобы крестьян и т. п.), а опирается преимущественно на некоторые законодательные акты, главным образом государственные документы и архивные материалы XVIII в., рас-

пространяя сделанные на их основе выводы на весь период позднего феодализма.

В толковании термина «второе издание крепостничества» А. Шписс исходит из уже сложившихся представлений об аграрном развитии некоторых областей Германии и Польши: преобладающая роль помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве, высокая барщина, прикрепление крестьян к земле, сокращение крестьянских наделов, сосредоточение всей юрисдикции в руках землевладельцев и уменьшение роли государства в охране прав крепостных (стр. 515). Следовательно, автор исключает возможность существования особых, специфических только для данной страны явлений в рамках указанного процесса. Все же особенности аграрного развития Словакии, не укладывающиеся в указанную схему, автор относит к явлениям другого порядка. Однако представляется сомнительным принятый А. Шписсом основной критерий при решении вопроса о направлении аграрного развития страны, каковым он считает социально-правовое положение крестьян (стр. 539, 542, 545). В данном случае не убедительно выглядит и его ссылка на Ф. Энгельса, который, вводя в научный оборот термин «второе издание крепостничества», исходил якобы не из на-

¹ A. Špišsz. Vývoj agrárných pomerov v strednej a východnej Európe v novoveku a problém existencie druhého nevoľníctva na našom území. «Historický časopis», 1967, č. 4.

личия доменального товарного производства, а из факта ухудшения положения крестьян. На наш взгляд, развитие барщинно-вольварочного (майерского) хозяйства — увеличение барщины и ухудшение социально-правового статуса крестьянства — две диалектически взаимосвязанные и взаимно обуславливающие стороны одного и того же процесса. Именно это, очевидно, имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»².

В этой связи следует заметить, что А. Шпис допускает возникновение «второго издания крепостничества» только в тех странах, которые экспортировали продукты в Западную Европу» (стр. 555). Он оставляет без внимания известные экономические предпосылки возникновения и развития майерского хозяйства в Словакии, например расширение внутреннего рынка в рамках империи Габсбургов, чему, в частности, немало способствовала необходимость постоянно содержать большую армию для борьбы с турками. Расширение внутримперского рынка как основного потребителя товарной продукции майерского хозяйства представляется нам одной из важнейших предпосылок «второго издания крепостничества» в Словакии.

Касаясь в основном вопросов социально-правового положения крестьян, А. Шпис считает возможным не уделять достаточного внимания проблеме размеров майерского хозяйства и величины барщины в Словакии, отмечая при этом, что данные вопросы пока еще не изучены применительно к XVI—XVII вв. (стр. 539, 541). Но это не совсем верно. Достаточно указать на богатую фактическим материалом работу А. Кавульяка о панстве Льегава, статьи Н. Ватки, Е. Ставровского³. В работе о феодальном поместье Словакии XVII в., основанной на изучении урбариев и других документов социально-экономического характера⁴, нами отмечена тенденция развития май-

еров в этот период. Правда, собственно майерское хозяйство не стало в XVII в. главным производителем зерновой продукции (домениальные земли составляли меньшую часть обрабатываемых площадей, большая часть находилась в держаниях), но в таких имениях, как Требишов, Словенска Люпча, Стречно, Склабиня, Бановце, Бойнице, Вршатец, Маковица, наблюдается стремление помещиков перенести всю тяжесть ренты на барщину, чтобы сделать майеры главным поставщиком товарной зерновой продукции. Следует учитывать в данном случае и такую специфическую черту помещичьего товарного производства, как животноводческий профиль многих майеров.

А. Шпис полагает, что для XVI—XVII вв. наиболее характерно стремление феодалов к увеличению денежной и натуральной ренты, а размеры барщины практически не изменились (стр. 553). Это утверждение правильно лишь для северной Словакии, где в XVII в. действительно можно отметить преобладание в ренте натуральных и денежных платежей⁵. Но в имениях западной Словакии преобладала барщина. И то и другое в значительной мере зависело от профиля майерского хозяйства. Вместе с тем необходимо отметить, что в поместьях, где барщина не стала главной формой ренты, она обнаруживает тенденцию к росту. Особенно широко барщина была распространена в средних и мелких поместьях (Бойнице; владения Жилинской резиденции иезуитов в Стречно, Бановце; Вршатец, Склабиня). В конце XVII в. в известных нам имениях Словакии превалировала ежедневная барщина в соответствии с нуждами господского хозяйства. Таким образом, для аграрного развития Словакии характерно одновременное увеличение всех трех форм феодальной ренты, особенно барщины и денежных платежей, что поставило крестьянское хозяйство на грань экономической катастрофы.

Наличие в позднефеодальной Словакии наследственного права держания дает А. Шпису основание отрицать здесь существование «второго издания крепостничества» в связи с отсутствием так называемого «Bauernlegen» (стр. 518, 526, 539).

сборник (История средних веков), Саратов, 1966.

⁵ Характер продуктовых платежей в XVII в. изменился. Оставаясь феодальными по своей природе, они предназначались не только и не столько для удовлетворения личных потребностей помещика, сколько для торговых целей. Именно для дальнейшей продажи феодал увеличивал взимаемую с крестьян ренту зерном и скотом. Е. Ж. Е. Формы феодальной ренты в Словакии XVII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Вильно, 1964.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 341.

³ A. K a v u l j a k. Lietava. Podnik feudálneho hospodárskeho systému, Martin, 1948; J. W a t z k a. Vývyn majerskeho hospodárenia na trenčianskom a bánovskom panstve od pol. 16. do konca 18. stor. «Historické štúdie», 1959; E. S t a v r o v s k ý. K otázke vývynu hospodárstva a postavenia poddaných na severovýchodnom Slovensku, v 17. stor. «Historické štúdie», 1960.

⁴ И. Р. Фишер. Некоторые черты барщинно-вольварочного хозяйства в поместьях Словакии XVII в. Аспирантский

Однако известно, что в период позднего феодализма ликвидация наследственного права держания наблюдалась практически лишь там, где возникла необходимость расширения барской запашки за счет обрабатываемых крестьянских земель. Между тем, в Словакии, как видно из урбариев XVII в., существовал другой источник расширения старых и образования новых майеров — брошенные держателями наделы, что исключало, по крайней мере в XVII в., необходимость массового сгона крестьян с обрабатываемых наделов. Но сокращение крестьянского землевладения все же имело место. Анализ размеров седлацких наделов позволяет сделать вывод об их дроблении. Это должно было привести к частичному обезземеливанию крестьян⁶. Наличие в словацкой деревне XVII в. значительной прослойки безземельных крестьян (в некоторых поместьях от 38 до 47%) дает основание полагать, что в данном случае это было следствием захвата помещиком крестьянских земель. Недаром наибольшее количество гоферов (коморников) имелось в селах, расположенных вблизи майеров. Диалектика развития барщинно-фольварочной экономики, с одной стороны, толкала помещика на захват крестьянских земель, а с другой, заставляла его сохранять и даже увеличивать число седлаков, так как их барщинный труд, тягловый скот и инвентарь составляли производственную основу майерского хозяйства.

Отметим, наконец, что животноводческий профиль многих майеров побуждал феодалов в конце XVI и в XVII вв. захватывать не пахотные земли, а общинные леса, горные пастбища и луга⁷.

Вряд ли можно считать ликвидацию наследственного права держания главным обязательным условием «второго издания крепостничества», как это делает А. Шпис. Даже не лишая формально держателя его наследственных прав на надел, словацкие помещики фактически имели возможность распоряжаться его землей по своему усмотрению (отнять надел, перевести крепостного на другое держание, захватить и присоединить к домену пустующие наделы, произвести неэквивалентный обмен земель и т. п.)⁸.

Что же касается известных статей Трипартитума Вербечи об отношении крестьянина к земле, то мы склонны согласиться с К. Ребро, который подчеркивал, что наследственное право крепост-

ного на надел отражало в XVII в. прежде всего экономические интересы помещика⁹. В условиях постоянной в то время нужды в рабочих руках и обработки помещичьей земли барщинным трудом помещик был заинтересован в прикреплении крестьян к земле; его устраивало наследственное держание надела крепостным.

А. Шпис считает ошибочным мнение о полном прикреплении словацкого крестьянства к земле (стр. 546), ссылаясь, в частности, на флуктуацию населения. Известно, однако, что отчасти флуктуация была вызвана турецкой опасностью. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать заключение о том, что в XVII в. бегство крестьян от своих господ приняло широкие размеры¹⁰. Таким образом, флуктуация является доказательством не столько свободного права крестьян на переход к другому владельцу, сколько роста феодальной эксплуатации, бывшей главной причиной бегства крепостных¹¹.

Автор считает далее, что желяры и поджеляры не были прикреплены к земле, так как в большинстве своем они ее не держали и, следовательно, имели свободу перехода (стр. 549—550). Между тем, именно эти слои деревенского населения отбывали в ряде поместий тяжелую барщину (Склабиня, Словенска Люпча, Жилинская резиденция иезуитов, Требишов, Маковица, Вршатец). Более того, для XVII в. характерна тенденция феодалов посадить безземельных желяров и гоферов на надел с тем, чтобы в полной мере взимать с них феодальные платежи и повинности.

Нельзя, по-видимому, говорить и о полной свободе передвижения населения панских городов и местечек в XVII в. Значительная часть этого населения (в 13 поместьях XVII в. было 12 таких городов и 9 местечек) не только уплачивала определенную денежную и продуктовую ренту, но и отбывала барщину, что явля-

⁹ K. R e b r o. K otázke práv poddaného k usadlosti do r. 1848. «Historické študie», 1963, s. 412.

¹⁰ См., например, «Listy poddaných z rokov 1538—1848», Bratislava, 1955, s. 46—47, 50—51, 72—75, 76, 78, 81, 90—91; J. M a k k a i. Rácózi György birtokainak gazdasági iratai, Budapest, 1954, s. 101, 102, 115, 118—121.

¹¹ А. Шпис считает бегство крестьян из поместий свободным уходом на том основании, что власти, зная об их местонахождении, не пытались вернуть беглецов обратно. Надо полагать, что хорошо известные внутри- и внешнеполитические обстоятельства затрудняли розыск беглых и возврат их владельцам. По-видимому, это учитывали и сами беглецы.

⁶ Е е ж е. Экономическое положение крестьянства Словакии в XVII в. Уч. зап. Марийского пед. ин-та, т. XXVIII, кафедра истории, Йошкар-Ола, 1966, стр. 138—150, 151—152.

⁷ Е е ж е. Некоторые черты..., стр. 50—51, 54—55.

⁸ Там же, стр. 53. См. также «Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku», d. 2, Bratislava, 1959, s. 10, 138, 237, 309, 331.

ется одним из главных признаков личной крепостной зависимости¹².

Думается, что А. Шпис понимает слишком буквально законы XVI в. о свободе перехода. Ведь условия, на которых разрешался уход, делали его часто практически невозможным. А закон 1608 г. и вовсе передавал решение этого вопроса на усмотрение местных сеймов, составленных из феодалов-помещиков. Отмену права перехода в XVII в. мы склонны объяснять главным образом стремлением помещиков обеспечить растущее майерское хозяйство рабочими руками.

Спорным представляется и мнение А. Шписа о том, что абсолютистское государство было особенно заинтересовано в законодательной охране седлаков, как главных налогоплательщиков, от разорения их со стороны феодалов (стр. 555). Формально он прав. Но, как и во многих странах, такого рода устремления центральной власти, как правило, успеха не имели. Многочисленные крестьянские письма-жалобы и другие документы достаточно красноречиво свидетельствуют об экономической деградации крестьянского хозяйства к концу XVII в. Главная причина этого явления очевидна — рост феодальной эксплуатации как со стороны помещиков, так и со стороны государства¹³.

Феодалы не могли разорять крестьян, утверждает А. Шпис, так как в противном случае им некуда было бы сбывать огромное количество произведенных в поместье продуктов (стр. 556). Сбыт

крестьянам определенной части майерской продукции был действительно широко распространен в XVII в. и носил принудительный характер. Он осуществлялся путем внеэкономического принуждения, функция которого в данном случае расширяется и существенно изменяется: из орудия выколачивания из крестьян прибавочного труда оно становится средством увеличения емкости рынка для продукции майерского хозяйства. Во всех известных нам поместьях крестьянам продавались в обязательном порядке для потребления и дальнейшей перепродажи сыр, брызна, рыба, пиво, вино; нормы таких «закупок» крестьянами и цены устанавливал феодал. При этом сплошь и рядом не учитывалось реальное состояние крестьянского хозяйства¹⁴.

В статье А. Шпис пришел к выводу: аграрное развитие Словакии периода позднего феодализма следует отнести в отличие от западноевропейского и восточноевропейского типов аграрной эволюции в этот период к третьему типу, который он обозначает термином «Wirtschaftsherrschaft» (стр. 557).

Думается, что накопленный чехословацкими и советскими учеными материал позволяет отнести Словакию XVII в. к странам, пережившим «второе издание крепостничества» со всеми его основными и специфическими, присущими только данной стране, чертами. Но это, разумеется, не исключает очевидной необходимости дальнейшего изучения аграрной истории Словакии в период позднего феодализма.

¹² «Urbáre...», s. 42, 290, 482, 486.

¹³ «Urbáre...», s. 24, 25, 27, 36, 61, 62, 63, 86, 123—124; «Listy poddaných...», s. 36—95; «Rádoczi G. birtokainak...», s. 118—121.

¹⁴ «Urbáre...», s. 26, 42, 140, 143, 226.

И. Р. Фишер

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРОБЛЕМАХ РОМАНА В ПОЛЬСКОЙ КРИТИКЕ XIX ВЕКА

Польские писатели и критики много сделали для осмысления места и роли романа в литературе, его поэтики и национального своеобразия. Дискуссии по этим вопросам существенно обогатили историю польской эстетической мысли (ведь рассмотрение вопросов романа неизбежно выливалось в разговор о более общих проблемах развития литературы) и сказались на развитии самого жанра романа. Отдельные статьи в польской прессе и разрозненные высказывания о романе писателей и критиков до сих пор почти не обобщались и не систематизировались, хотя и привлекали внимание исследователей: мы имеем в виду работы Г. Маркевича и Я. Кульчицкой-Салони, попутно затрагивающие данную проблему, и несколько статей (Р. Каплановой, А. Бартошевич, Т. Десликовской). Задачу такого обобщения

и ставит перед собой Станислав Буркот в книге «Споры о романе в польской литературной критике XIX века»¹.

Автор использует огромный материал польской литературной прессы. Характеризуя в I главе «Предыстория споров» самые первые высказывания о романе (XVII—XVIII вв.), он вводит в научный обиход новые материалы (высказывания Ф. Н. Голянского, Ю. Х. Альбертранди и др.).

Суждения о романе рассматриваются в работе в связи с развитием самого романного жанра в Польше. Особенно удачно это сделано во II главе «Атаки и защита», охватывающей период с начала XIX в.

¹ S. Burkot. Spory o powieść w polskiej krytyce literackiej XIX wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, 169 s.

до 1830 г. На примере романов М. Чарторьской-Виртембергской «Мальвина» («первого польского современного романа», как считает автор работы), Ф. Скарбека, Э. Ярачевской и др. исследователь показывает, как «роман становился хроникой общества, записью обычаев и нравов эпохи, постепенно завоевывал для себя ведущее место среди других жанров» (стр. 45).

Проблемы польской литературы и критики освещаются в книге на фоне развития западноевропейского романа и западноевропейской литературной критики, в связи с выступлениями по вопросам романа Буало, мадам де Сталь, Вальтера Скотта, Стендаля, Бальзака. Уделено внимание дискуссиям в Польше вокруг Флора и Золя, значению опыта французского натурализма для утверждения принципа объективности изображения в польской литературе.

Однако вне поля зрения автора оказались русская литература и русская критика, в то время как Гоголь и Белинский были известны в Польше, уже в 40-е годы, а позже были популярны романы Тургенева, Толстого, Достоевского. Что касается Белинского, то польские литературоведы (М. Инглот, А. Жига, С. Кавыч) неоднократно подчеркивали его воздействие на формирование концепции польского романа. В рецензируемой работе имя Белинского вообще не упоминается.

В книге подробно рассмотрен период 40—50-х годов. Это вполне оправданно. Именно в эти годы роман впервые занял важное место среди других жанров, и критика должна была осмыслить его роль, задачи, поэтику, его жанровое своеобразие. Не удивительно, что именно в эти годы велись горячие споры вокруг романа. Автор выделяет три группы вопросов, которые вызвали особенно острую дискуссию: 1) проблемы исторического романа, 2) современная тема в романе и 3) принципы поэтики романа. В работе прослеживается острая идейно-эстетическая борьба вокруг этих проблем, борьба, которую возглавили известный критик и писатель консервативного лагеря, вдохновитель группы реакционного журнала «Тыгодник Петербургский» Михаил Грабовский и прогрессивный писатель и теоретик романа Юзеф Крашевский. С. Буркот справедливо подчеркивает оппозиционный характер выступлений Крашевского по отношению к Грабовскому и его группе, хотя Крашевский иногда поддавался влиянию группы «Тыгодника Петербургского», которая стремилась перетянуть его в свой лагерь. Особенно расходились Крашевский и Грабовский во взгляде на исторический роман.

Подчеркивая различные, иногда противоположные идейные позиции Крашевского и Грабовского, автор, однако, когда речь заходит о понимании вопросов худо-

жественной формы, отмечает единство взглядов того и другого, делая неожиданный вывод: «Они оба выступают за реалистический роман» (стр. 92). Вряд ли такое отождествление правомерно. Хотя Грабовский оценил значение жанра романа, понимал роль типического в литературе, выступал за реализм, однако он понимал реализм иначе, чем Крашевский. Выступая на словах за отражение «правды жизни», оперируя терминами «реализм» (следует, впрочем, согласиться с А. Бартошевич, которая писала, что «этот термин у Грабовского имеет отрицательную окраску»²), на деле Грабовский выступал за «поэтическое», как он писал, изображение жизни, т. е. за идеализацию в литературе как прошлого, так и современности. «Произведение, показывающее темные стороны жизни, безобразное,— это не произведение искусства,— категорически утверждал Грабовский³.

Крашевский не был одинок в борьбе с группой реакционного «Тыгодника Петербургского», как это можно подумать на основании работы С. Буркота. Еще более последовательно выступали против консервативной идейно-эстетической программы этого лагеря передовые львовские писатели и критики того времени — Лешек Дуниш-Борковский, Юзеф Джекковский и особенно критики прогрессивного польского журнала «Гвязда», выходившего в 1846—1849 гг. в Киеве, в частности Антони Марцинковский (А. Новосельский). Этим писателям и критикам следовало бы уделить больше внимания, чем это сделано в рецензируемой работе. Выдвигая программу реалистического социального романа, выступая за введение темы народа, отстаивая психологическую правду создаваемых образов, разрабатывая проблему типического, эти критики и писатели внесли свой оптимистический вклад в создание концепции польского романа.

Немало интересных мыслей о романе высказал ведущий критик «Гвязды» А. Марцинковский. Выступая против поверхностных и подражательных произведений, призывая глубже изучать природу, общество и человека, Марцинковский ратовал за оригинальную национальную форму, которая принесет успех польскому роману и позволит ему сделать свой особый вклад в развитие этого жанра в мировой литературе. Многочисленные факты показывают, что эстетические взгляды и творчество Марцинковского формировались под влия-

² A. B a r t o s z e w i c z. Z dziejów polskiej terminologii literackiej pierwszej połowy XIX wieku. Cz. 3. Realizm. «Pamiętnik Literacki», 1964, zes. 1, s. 255.

³ M. G r a b o w s k i. Literatura romanu w Polsce. В кн. Literatura i krytyka, t. IV. Wilno, 1840, s. 23.

нием работ Белинского и произведений Гоголя, на которые он неоднократно ссылается в своих сочинениях⁴.

Картина дискуссий вокруг романа в 40—50-е годы была бы более полной, если бы автор привлек высказывания о романе таких критиков, как редактор прогрессивного журнала «Паментник Науково-Литерацки» Ромуальд Подбереский, переведивший Белинского, как ведущий критик того же журнала Адольф из-под Бельска, писавший в духе русской «натуральной школы», о которых автор работы даже и не вспоминает. А между тем, как пишет М. Инглот, «благодаря знакомству с работами Белинского Адольф из-под Бельска зрелостью своих взглядов на реализм не уступал ведущим критикам своего времени, ни отечественным, ни зарубежным»⁵.

Не очень ясно, что автор рецензируемой работы имеет в виду, говоря о «кризисе романа» в Польше в конце 50-х годов (а глава, посвященная периоду 40—50-х годов, так и называется «Времена триумфа и первого кризиса»). В подтверждение своего мнения о «первом кризисе» автор ссылается на высказывания некоторых критиков, в частности Люциана Семенского (см. стр. 101), который хотел бы заменить роман другими жанрами и который действительно пишет об «упадке» романа. Но в данном случае Л. Семенский, перешедший к этому времени на консервативные позиции, просто напуган огромной популярностью романа, критическим изображением в нем современного ему общества. Утверждая, что «роман развращает широкого читателя», он недоволен тем, что «романистам важно не избавление душ грешников, а собиравшие отдельные отрицательных примеров и случаев...»⁶. Тот же Л. Семенский вынужден сказать и об успехах этого жанра. «Не признавать романа сегодня,— пишет он,— означало бы не признавать Боккаччо, Сервантеса, Прево, Гольдсмита, Гоффмана, Вальтера Скотта, не говоря уж о Жевуском, Крашевском, Ходько, Коженевском»⁷. Именно этот успех романа, в том числе и польского, и заставляет Л. Семенского желать его «упадка». О каком же кризисе

романа в 50-е годы может идти здесь речь?

Автор работы ссылается на недоброжелательное отношение некоторых других критиков к жанру романа в 50-е годы, называя при этом Яна Добжаньского (см. стр. 101). Но этот ведущий критик львовского журнала «Денник Литерацки» и прогрессивный общественный деятель отнюдь не был противником романа вообще, он только критиковал некоторых романистов за бедность наблюдений, отсутствие смелости в постановке социальных вопросов, выступал за обращение к теме народа. Я. Добжаньский пропагандировал политический роман, поднимающий проблемы польского национально-освободительного движения. Следовательно, и ссылка на Я. Добжаньского не подтверждает мнение автора работы о кризисе польского романа в конце 50-х годов. А главное, не подтверждает этого сам литературный процесс в Польше, в частности — появление таких интересных в идейно-художественном отношении романов, как «Два мира» Ю. Крашевского (1855), «Родственники» Ю. Коженевского (1857), «Заколдованная усадьба» В. Лозиньского (1859), «Домик на улице Глубокой» В. Вольского (1859) и др.

В целом же С. Буркот оценивает период 40—50-х годов в развитии польского романа очень высоко. «С перспективы XX века,— считает он,— именно в этом периоде следует искать начало новейших преобразований в области техники повествования, концентрации внимания писателей на внутренних переживаниях человека, начало смелых и новаторских экспериментов в композиции» (стр. 107). С этой высокой оценкой можно было бы согласиться, если бы автор работы не противопоставлял 40—50-м годам 60—70-е годы, когда, по его мнению, наступает якобы регресс в развитии польского романа.

Период — 60—70-е годы — оценивается автором работы слишком сурово. Глава, посвященная этим годам, называется «Утилитарные недоразумения». Значение же этого периода и в истории польской эстетической мысли и в развитии романного жанра не сводится к созданию концепции так называемого «тенденциозного романа». С. Буркот недооценивает заслуги польских критиков 60—70-х годов. «Нужно сказать,— пишет он,— что „молодые“ из „Шпегленда Тыгодневого“ (речь идет о критиках позитивистского лагеря, а ими было большинство ведущих критиков тех лет.— Е. Ц.) с самого начала своей деятельности и до конца 70-х годов в области споров о романе не открыли почти ничего нового, или ошибочными путями, от которых должны были потом отказаться» (стр. 105).

Считая воспитательную функцию главной задачей романа, критики 60—70-х годов создали концепцию тенденциозного

⁴ См. подробнее об этом: Е. З. Цыбенева о Белинском и польская литературная критика 40—50-х годов XIX века. Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1965, вып. 5.

⁵ M. In g l o t. Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832—1851. Warszawa, s. 302.

⁶ L. Si e m e Ń s k i. Wpływ powieści i romansu na społeczeństwo i literaturę. В кн. Kilka rysów z literatury i społeczeństwa od roku 1848—1858, t. I. Warszawa, 1859, s. 220.

⁷ Ibid., s. 227.

романа. При этом они руководствовались благородной идеей служения обществу, борьбы за передовые взгляды. И хотя практическое воплощение концепции тенденциозного романа нередко приводило к схематизму и иллюстративности, следует сказать, что в целом мысль о необходимости активной авторской позиции, о стремлении писателя влиять на общество была плодотворной.

Осуждая тенденциозность, автор работы готов защищать описательный роман, простое фотографирование жизни, красочные бытовые картинки, за которые выступали некоторые критики 40—50-х годов. Атаки же передовых критиков позитивистского лагеря против «описательного», «беспредметного» романа, атаки, которые не одобряет С. Буркот (см. стр. 100), были вызваны заботой о глубоком идейном содержании произведений, требованием высокой гражданственности. А поскольку многие романы конца 60 — начала 70-х годов не поднимали больших проблем, зачастую были бессодержательны, то эта критика «фотографичности» и «описательности» во многих случаях оказывалась вполне справедливой. В требовании «тенденции», таким образом, было прежде всего требование большой идеи, серьезных проблем. Другое дело, что большие идеи и актуальные проблемы писатели не умели тогда воплощать в художественных образах, в самой логике развития действия, а прибегали к прямому авторскому комментарию, допускали схематизм и иллюстративность. Наблюдения автора работы, касающиеся особенностей художественной структуры «тенденциозного романа», в высшей степени справедливы и интересны.

Переходя к обзору высказываний о романе в 80-е годы и отмечая усиление объективного начала в польском романе, автор совершенно справедливо объясняет это не только влиянием теории и практики французского натурализма, что, несомненно, имело место и на что современное польское литературоведение уже обрати-

ло внимание, но и усилением внимания к польскому реалистическому роману 40—50-х годов, возросшим влиянием романов Бальзака, Диккенса, Гоголя, Крашевского, Коженевского. Эта мысль новая, заслуживающая внимания.

Характеризуя 80-е годы, автор показывает расцвет польского реалистического романа XIX в., отмеченный такими произведениями, как, например, «Кукла» Болеслава Пруса и «Над Неманом» Элизы Ожешко, углубление теоретических представлений польской критики о реализме в романе, о сочетании типического и индивидуального, о необходимости проникновения в психологию героев, о композиции романа.

В последней главе «Зрелость и новый кризис» автор характеризует изменения в польской литературе конца XIX в., появление модернистских течений, лозунгов «чистого искусства». Новая тема романа вызвала новые проблемы, обсуждаемые в критике, — значение и роль психологического анализа, соотношение эпического начала и лирического.

Комментируя разговоры о «кризисе» романа в конце XIX в., С. Буркот подчеркивает, что не только ведущие писатели-реалисты выступали в этом жанре (Жеромский, Реймонт, Оркан), — обращались к роману и представители модернистских течений: Тетмайер, Пшибышевский и др. Проследившая развитие польской критики и польского романа в конце XIX в., автор показывает таким образом бесплодность усилий предсказать кризис романа как жанра.

Книга С. Буркота вносит много нового в изучение истории польской эстетической мысли. И хотя некоторые ее положения вызывают, на мой взгляд, возражения самое желание поспорить с автором свидетельствует о том, что работа не оставляет читателя равнодушным, она заставляет еще и еще раз обратиться к богатой истории польского романа.

Е. З. Цыбенко

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО КОНОПНИЦКОЙ

Так, пожалуй, вернее было бы озаглавить исследование Алины Бродзкой «Мария Конопницкая», выдержавшее уже три издания¹. Ибо как монография о всем творчестве книга не безупречна. В глаза бросается прежде всего диспропорция в освещении наследства Конопницкой: поэзии отводится несравненно меньше места, чем прозе. Если бы такой подход мотивировался слабой изученностью новелл Конопницкой или большей склонностью исследователя к раз-

бору прозаических произведений, то в этом не было бы ничего удивительного. Но в том-то и дело, что в основе указанной диспропорции лежит особая концепция.

По мнению А. Бродзкой, при жизни Конопницкой и читатели и критики превыше всего ценили ее поэзию и только немногие обращали внимание на ее блестящую новеллистику. Тогда, в эпоху рационалистической засухи, навеянной позитивистами, поэзия изнемогала в эпигонских потугах подражания великим романтикам, и только Конопницкой удалось сказать свое оригинальное поэтиче-

¹ А. B r o d z k a. Maria Konopnicka. Wyd. 3. Warszawa, 1965. 281s.

ское слово. Потому-то стихотворения даровитой поэтессы и приковали к себе всеобщее внимание и тем затмили ее не менее талантливые рассказы, тем более что в этом жанре современник Сенкевича и Пруса не испытывал недостатка. По крайней мере, к этому сводится, как считает Бродзкая, важнейшая причина не совсем объективной оценки творчества Конопницкой ее современниками. Иное дело сейчас. Сейчас, доказывает Бродзкая, мы можем беспристрастно констатировать, что поэзия Конопницкой, не исключая даже лучшей части ее, по-прежнему сохраняет лишь силу своего идейного воздействия на читателей, свое культурно-гуманистическое значение, однако по форме принадлежит уже к прошлому. «Новые понятия о функции и структуре поэзии, новые требования, предъявляемые потребителю и через потребителя, привели к тому, что послеромантическая поэзия стала для многих читателей предметом историко-литературного чтения, а не переживаний и раздумий» (стр. 243). «Тем сильнее, — развивает свою мысль польская исследовательница, — несмотря на изменение художественной прозы за последние полвека, сказывается воздействие Конопницкой-новеллистки. Ее присутствие в современной культуре естественно и необходимо; повизна психологических портретов, аутентичность человеческих драм и чуткость настроений, оригинальное и гибкое повествование делают из ее новелл живое чтение» (стр. 244).

Итак, «для многих читателей» стихи Конопницкой уже перестали служить источником «переживаний и раздумий», ибо форма их устарела. Но спрашивается: а устарела ли она для тех читателей, для которых эта поэзия сохраняет еще свое культурно-воспитательное значение, т. е. служит источником «переживаний и раздумий»? Равным образом остается неясным, почему стихи Конопницкой утратили свою формальную актуальность — утратили именно вследствие «новых понятий о функции и структуре поэзии», — а проза того же автора, наоборот, приобрела такую актуальность, и это не взирая на полувекую историю развития и изменения прозаических форм.

Впрочем, вполне достоверно судить о состоятельности этой концепции могут только сами поляки, знающие фактическое положение вещей. Со стороны можно заметить лишь следующее. Данная точка зрения теоретически не может считаться безупречной по двум соображениям. Во-первых, потому, что при частной посылке (для некоторых читателей поэзия Конопницкой перестала служить источником «переживаний и раздумий») нельзя сделать общего заключения, к каковому, несомненно, относится вывод Бродзкой об устарелости формы стихов

польской поэтессы. И, во-вторых, потому, что эта точка зрения не принимает в расчет исторический опыт. История знает немало случаев, когда равнодушие и забвение было уделом даже корифеев мировой литературы, творчество которых впоследствии — иногда спустя столетия — приобрело вновь значение образцов педагогической красоты и совершенства. Поэтому, на наш взгляд, и не следует спешить со сдачей в музей на хранение формального арсенала Конопницкой, поэзия которой, олицетворяя целый период в культурном развитии Польши, уже доказала свою жизнеспособность и свое историческое значение.

Хотя концепция А. Бродзкой представляется спорной, тем не менее всюду, где конкретно рассматриваются произведения Конопницкой, автору удастся раскрыть и подчеркнуть их новаторскую сторону. Даже поэтическое творчество, при явной беглости его анализа, охарактеризовано так, что мы узнаем о самых важных открытиях поэтессы и убеждаемся в меткости наблюдений автора книги. Тем более относится это к прозе.

С увлечением разбирая рассказы Конопницкой, Бродзкая не преувеличивает, однако, ее достижений в этом жанре. Напротив, она подчеркивает, что палитра автора сборников «Четыре новеллы» (1888), «Мои знакомые» (1890), «На дороге» (1893), «Новеллы» (1897), «Люди и вещи» (1898) и «На нормандском берегу» (1904) беднее палитры Сенкевича и Пруса. Но, отказываясь от рассказов со сложной интригой и увлекательной фабулой, Конопницкая стремилась найти средства, отвечающие ее задаче — дать полноценное художественное исследование психологии простых людей, тех неприметных, обезличенных представителей народной массы, которых долгое время польская литература либо вообще не замечала, либо трактовала в снизодительном тоне грубоватой шутки. Образовательному обществу они были известны только по внешнему облику, но их внутренний мир был в сущности неведом, и на нем Конопницкая сосредоточила свое внимание. Избегая, по словам Бродзкой, навязчивой композиции, она добивалась сюжетной остроты, главным образом посредством тонкой градации настроений и лирической кульминации, как бы самопроизвольно возникавшей из потока переживаний и дум героев, состояние которых лишь слегка оттеняется присутствием рассказчика.

В особой роли рассказчика, в способе представления героев и переплетении различных форм повествования видит Бродзкая основную новаторскую черту реалистического метода польской новеллистки. Надо сказать, что стилистической многообразности повествования и, в частности, художественной функции рассказчика польское литературоведение вообще уделяет много внимания, о чем свидетельст-

вует ряд работ последнего времени (М. Жмигродской, М. Ясиньской, А. Березы, Л. Будрецкого и др.). Особое значение этой стороне художественного мастерства придает и Алина Бродзкая. По ее наблюдениям, рассказчик Конопницкой — это слушатель, а в необходимых случаях — участливый собеседник. Всегда внимательный и отзывчивый, он создает особую атмосферу доверия, сближающую читателей с героями. Но оставаясь близким персонажам, он сохраняет свою особую позицию, позволяющую ему подмечать в людях то, чего они не замечают за собой. И рассказчик Конопницкой и ее герои индивидуализированы, пользуются собственным языком и держатся в сфере присущих им понятий. При этом лирическая задушевность, достигаемая «исповедью» героев, у Конопницкой нередко соединяется с язвительным комментарием и разящей прозой по адресу виновников народных страданий.

Облагораживание образа человека из низов, намечавшееся в творчестве Вольского и Дзежковского, Крашевского и Ежа и утвердившееся в польской литературе произведениями Ожешко, Пруса и Дыгасиньского, у Конопницкой, их современницы, по наблюдениям Бродзкой, достигло наибольшего размаха. Именно в раскрытии новых богатств простой души заключается новаторская сущность ее новеллистики.

Надо сказать, что до Бродзкой еще никто не разбирал с такой полнотой рассказов писательницы и никто так точно не определял их места в польской прозе рубежа XIX и XX в. Этой удачей исследовательница обязана, по-моему, несколь-

ким моментам. Прежде всего она отлично понимает, что описать свои впечатления от прочитанного — еще не значит дать анализ художественности, что необходимо «уложить» эти впечатления в упорядоченную систему. Бродзкая знает цену литературоведческим понятиям и терминам и умеет оперировать ими. Прекрасно чувствует она также существенную разницу между формальным новшеством и собственно новаторством, предполагающим подчинение всех формальных средств — и старых и новых — задаче открытия неизвестных ранее сторон действительности. Поэтому она самым тщательным образом описывает мировоззрение Конопницкой и его эволюцию, дающую возможность вырваться в истинный смысл творческих исканий писательницы. Наконец, Бродзкая проводит ряд типологических сопоставлений творчества Конопницкой с зарубежными и польскими прозаиками. Это позволило ей установить, что при всей общности с произведениями Ожешко, Пруса, Сенквича и Дыгасиньского, новеллы Конопницкой отличаются большей близостью — и идейной и в трактовке сюжетов — к следующей фазе развития польской прозы, отмеченной именами Жеромского, Оркана, Реймонта» (стр. 203). Особенно ярко показано в книге типологическое родство Конопницкой с Жеромским.

Все это, вместе взятое, делает книгу Алины Бродзкой ценным исследованием. И тем более это была бы блестящая монография, если бы автору удалось избежать явной диспропорции между анализом поэзии и прозы Конопницкой.

И. К. Горский

КНИГА ПО ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В Чехословакии на русском языке вышло ротопринтное издание книги А. Уманцева «Очерки по истории русско-чешских литературных связей» (Прага, 1967, 149 стр.). Она, как это отмечено в предисловии, возникла в результате долголетнего изучения автором русской и чешской литератур. Содержание книги таково: «Лермонтов в чешской литературе», «К вопросу о выяснении отношения Аполлона Майкова к Вячеславу Ганке», «Гончаров в чешской критике», «Тургеневские мотивы в литературных произведениях Витеслава Галека», «Пражские юбилейные торжества, посвященные Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому», «Последние следы вторичного пребывания Лескова в Праге», «Эпистолярные

отзвуки Бальмонта в Праге». В конце «Очерков» приводится библиография главнейших чешских переводов произведений русских авторов, о которых говорится в книге.

Автор «Очерков» не стремился к полноте освещения русско-чешских литературных связей. Его целью являлась частичная систематизация некоторых материалов по избранным им темам. И в этом отношении проделанная А. Уманцевым работа заслуживает внимания тех, кто занимается русско-чешскими литературными связями. «Очерки» могут быть полезны исследователям при дальнейшей разработке затронутых в них вопросов.

Л. К.

ЈОСИП ВРАНА. *Вуканово еванђеље*. Уредник академик Михајло Стевановић. Српска академија наука и уметности. Београд, 1967, 498 стр.

И. ВРАНА. *Вуканово еванђеље*

Вуканово (Волканово или Симеоново, по другим напменованим) еванђеље было написано в Рапке, известном культурном центре Србији XII—XIII вв. для великого жупана Вукана — сына Стефана Немани. Оригинал рукописи (189 листов в четверку, в два столбца) хранится в Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: F n I 82). Рукопись датируется на основании анализа записи монаха Симеона, завершающей кодекс. Одни исследователи относят Вуканово еванђеље к самому концу XII в., другие — к началу XIII в. И. И. Срезневский, первый обративший внимание славистов на этот памятник, считал, что он написан до 13 февраля 1200 г., т. е. до дня смерти Стефана Немани в Хиладаре¹. К мнению Срезневского присоединяется и проф. И. Врана, издатель Вуканова еванђеља. Также и В. Н. Щепкин датировал этот кодекс временем «не позднее 1200 г.»². В отличие от этих славистов С. Новакович полагал, что рукопись была написана между 1201 и 1208 гг., т. е. во время ссоры Вукана с братом³. Эту датировку принимает и Е. Э. Гранстрем⁴. Настоящее издание должно решить этот давний спор.

Вуканово еванђеље принадлежит к немногим и наиболее ценным в историко-культурном отношении древним памятникам славянской письменности. Оно стоит в одном ряду с такими рукописями, как древнерусское Мстиславово еванђеље 1117 г., Юрьевское еванђеље 1119—1128 гг., Галицкое еванђеље 1144 г., болгарское Добромирово еванђеље XII в., болгарские еванђеља XIII в. — Добрейшево, Боянское, Тырново. Вместе с Мирославовым еванђељем XII в. и грамотой боснийского бана Кулина 1189 г. Вуканово еванђеље относится к древнейшим датированным памятникам сербского языка.

Вуканово еванђеље всегда вызывало живейший интерес у лингвистов и палеографов, а также у историков славянского изобразительного искусства (в рукописи две миниатюры, интересные заставки). Еще в 1879 г. И. В. Ягич писал о необходи-

мости опубликования этой рукописи⁵. Но памятник увидел свет лишь через столетие после его первого научного описания, сделанного И. И. Срезневским.

В 1967 г. известный специалист в области старославянской и церковнославянской письменности проф. И. Врана издал фотографическую репродукцию текста Вуканова еванђеља. Рукопись написана уставом, прекрасно сохранилась, и все четыре почерка писцов довольно легко читаются. Исключение представляет последний лист (л. 189 об., стр. 486) со знаменитой записью старца Симеона, которую трудно разобрать даже с лупой. В данном издании ее следовало бы воспроизвести и печатным кириллическим шрифтом, несмотря на то что она, благодаря своему исключительному значению для славянской палеографии и истории сербского языка, неоднократно публиковалась в различных русских и сербских изданиях. Пользоваться Вукановым еванђељем в издании И. Враны несколько затруднительно из-за отсутствия нумерации евангельских стихов в тексте (что можно было сделать на полях книги, как, например, в издании Остромирова еванђеља А. Х. Востокова). Так как данное еванђеље — апракос, то найти нужное место не так-то просто даже с помощью очень четких и лакопичных таблиц-указателей, приложенных к книге в виде четырех отдельных вкладышей (по числу евангелистов).

Следует заметить, что в последние годы наблюдается определенное увлечение фототипическими изданиями без параллельного набора текста (ср. идеальное в этом и других отношениях издание Клодова сборника А. Достала, Прага, 1959). Можно указать, например, на «Македонское еванђеље на поп Јована» В. Мошина (Скопје, 1954), «Вранешнички апостол» Б. Конеского (Скопје, 1956), «Летописа на Константин Манаси» И. Дуйчева (София, 1963), «Болонски псалтир» И. Дуйчева (София, 1968). Между тем при всей научной ценности фототипического издания древней рукописи, очень нужного палеографу и лингвисту, оно не может заменить печатного воспроизведения текста памятника с делением на слова, текстологическими комментариями и словоуказателем.

Обширное введение И. Враны к тексту Вуканова еванђеља (стр. 1—106) содержит палеографическое и фонетико-грамматическое исследование памятника. Оно значительно превосходит известную работу

¹ И. И. Срезневский. Древние памятники письма в языке юго-западных славян. СПб., 1865, стр. 58—60.

² В. Н. Щепкин. Русская палеография [изд. 2]. М., 1967, стр. 121.

³ С. Новакович. Примери књижевности и језика старог и српскословенског. Београд, 1877, стр. 75.

⁴ Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 96.

⁵ В. Ягич. Зографское еванђеље. Берлин, 1879, стр. XXXIV.

С. М. Кульбакина⁶ и многочисленные, большей частью разрозненные наблюдения других лингвистов на эту тему детальным знанием текста, обилием примеров, аргументированностью выводов. Врана постоянно сопоставляет письмо и язык данного евангелия с Мирославовым евангелием (знатоком которого он также является⁷), с письмом и языком Саввиной книги и некоторых других кодексов.

В исследовании И. Враны содержится сравнительный анализ словарного состава первой части памятника, более архаичной по своим особенностям (л. 1—28д), и второй (от л. 29а до конца), а также сравнительный анализ словарного состава Вуканова евангелия в целом и старославянских кодексов — Зографского, Маринского, Ассеманиева и Саввиной книги. Особое место занимает «Дифференциальный словарь Вуканова и старославянских евангелий» (стр. 71—98). Словарь предназначен прежде всего для текстологического изучения рукописи с ориентацией на определение славянского протографа евангелия. В нем содержится 632 словарные статьи, включающие только те слова, которым в конкретных евангельских стихах названных четырех старославянских евангелий (во всех или части из них, что указывается) соответствуют другие слова. Случаи же лексического совпадения со всеми четырьмя кодексами в словаре вообще не отмечаются. И все же сложным путем различных сопоставлений по данному индексу можно провести наблюдения почти над 1500 конкретными словоупотреблениями, важных не только для данного текста, но и для сравнительной славянской лексикологии в целом. Тем не менее необходимость в полном словоуказателе к Вуканову евангелию и после опубликования данного словаря не отпадает, так как пользование только им без изучения самого текста Вуканова евангелия часто может создать у читателя неверное впечатление о лексике кодекса. Ограничимся одним примером. В индексе указано только существительное *трьѣа* (Л. XIII, 1 — л. 100а, стр. 307), употребленное вместо *жрътва* в старославянских кодексах. Этот факт заслуживает внимания исследователя, так как данные слова в числе очень немногих слов являются приметами языка одного из двух древнейших славянских культурных центров — Охридской школы (для нее характерно употребление слова *жрътва*) и Преславской (где в аналогичных значениях употреблялось слово *трьѣа*). Слово *жрътва* в Словаре не приводится в си-

лу принятого принципа отмечать только различия, а между тем в тексте евангелия на одно употребление существительного *трьѣа* приходится четыре употребления слова *жрътва* в различных частях рукописи: Мт. IX, 13 — л. 39г, стр. 186; Мт. XII, 7 — л. 37в, стр. 181; Мк. IX, 49 — л. 117г, стр. 342; Мк. XII, 33 — л. 124в, стр. 355. Аналогичные данные можно привести и об употреблении слов *кѣи* и *шнѣи* и др.

При пользовании Словарем следует иметь в виду, что в нем учтены не все различия, особенно однокоренные (что, впрочем, оговаривается автором). Например, не указаны: *искошати* (Л. XX, 23 — л. 110а, стр. 327), которому в Маринском евангелии соответствует *скошати* (это место отсутствует в других кодексах), *сѣражнати* (Л. XIII, 7 — л. 100в, стр. 307) — вместо *сражнати* в Зографском и Маринском. В статье дано отсутствует дублет Зографского евангелия *отвѣсти* (И. X, 21). Нет статьи *гѣра* (см. Л. I, 39 — л. 179д, стр. 466) в отличие от *пѣдъгѣри* в Ассеманиевом кодексе. В Словаре указан глагол *вѣнѣти* вместо *вѣлѣсти* в Саввиной книге (Мт. IX, 25), но нет *вѣлѣсти* (Л. XXII, 3 — л. 113а, стр. 333) вместо *вѣнѣти* в Маринском и Зографском.

К сожалению, Словарь не свободен и от опечаток. Например, в статье *комарь*⁸ указывается *мѣшѣца* вместо *мѣшѣца*. При слове *дѣла* указано, что оно отмечено в четырех старославянских памятниках, в то время как оно встречается только в Саввиной книге. Наоборот, в статье *сѣднѣте* о слове *прѣторъ* говорится, что оно отмечено только в Саввиной книге, тогда как оно представлено во всех кодексах; там же вместо И. XIX, 9 называется И. XIX, 6. Аналогичные ошибки — в статьях *дѣлатель*, *образъ* и др. Опечатки имеются и в греческих примерах (в статьях *вопѣанца*, *сѣждѣ* и др.). Все эти погрешности затрудняют работу.

Несмотря на это, Словарь имеет важное научное значение. Он является первым опубликованным лексикографическим пособием к полному апракосу и при этом к такому, который хронологически возглавляет обширную группу аналогичных памятников⁹. Особенно же ценно издание текста Вуканова евангелия, дающее в руки широкого круга исследователей памятник первоначальному научному значению.

Р. М. Цейтлин

⁸ В Словаре принята орфография так называемого классического старославянского языка; исключение сделано для слов, которые не отмечены в старославянских памятниках.

⁹ См. Л. П. Жукowska я. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. В сб. «Памятники древнерусской письменности». М., 1958, стр. 214, 269.

⁶ С. К у л ь б а к и н. Заметки о языке и правописании Волканова евангелия. Изв. Отд. рус. яз. и словесности, 1898, т. III, кн. 4.

⁷ См. J. V r a n a. L'Évangélie de Miroslav. Contribution à l'étude de son origine, — s'-Gravenhage, 1961.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1968 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Безыменский Л. Новое о последних днях гитлеровского рейха. «Новое время», 1968, № 40.

Верность интернациональному долгу. «Коммунист», 1968, № 13.

Вишневский С. Под знаменем пролетарского интернационализма. «Правда», 1968, 27 сентября.

Договор между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Социалистической Республики об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословацкой Социалистической Республики. «Правда», 1968, 19 октября.

Документы. К событиям в Чехословакии. «Новое время», 1968, № 35.

Заявление коммунистических и рабочих партий социалистических стран (Братислава, 3/VIII—1968) Пробл. мира и социализма, 1968, № 9.

Карагезьян К. Чего добиваются судето-немецкие реваншисты. «Новое время», 1968, № 35.

Карагезьян К., Ковалев И., Ратиани Н. Маневры политических диверсантов. «За рубежом», 1968, № 37.

Ковалев И., Ратиани Н. Под фальшивым предлогом. «За рубежом», 1968, № 41.

Коммюнике о заседаниях Рабочей группы и Комиссии по подготовке международного Совещания коммунистических и рабочих партий (Будапешт, 27 IX — 1 X 1968). «Правда», 1968, 2 октября.

Коммюнике о заседании Комиссии по подготовке международного Совещания коммунистических и рабочих партий (Будапешт, 18—21 XI 1968). «Правда», 1968, 22 ноября.

Коммюнике о советско-чехословацких переговорах (Москва, 23—26 VIII 1968). «Коммунист», 1968, № 13.

Косицын А. Главное орудие революционного преобразования общества. «Правда», 1968, 2 октября.

Куранов Г. Г. Крешут связи историков-марксистов. «Новая и новейшая история», 1968, № 5.

Н. Ш. Факты и документы о событиях в Чехословакии. «Новое время», 1968, № 39.

Павлов О. Пролетарский интернационализм и защита завоеваний социализма. Междунар. жизнь, 1968, № 10.

Постановление пленума ЦК КПЧ об итогах московских переговоров (26 VIII 1968). Пробл. мира и социализма, 1968, № 9.

Санакоев Г. Внешняя политика социализма и содружество братских стран. Междунар. жизнь, 1968, № 10. Сказкин С. Уроки Мюнхена. «Правда», 1968, 29 сентября.

Совместное коммюнике о встрече Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ (Чиерна-над-Тиссой, 29 VIII 1968). Пробл. мира и социализма, 1968, № 9.

Ульяновский Р. О единстве сил социализма и национально-освободительное движение. «Правда», 1968, 14 октября.

Центральному комитету Союза чехословацко-советской дружбы. «Правда», 1968, 28 октября.

Черник О. Доклад на сессии Национального собрания ЧССР о советско-чехословацком Договоре об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословакии. (Прага, 19 X 1968). «Правда», 1968, 20 октября.

Чечет В. Идеологические, политические и экономические предпосылки сотрудничества КПСС и ПОРП. Вопр. истории КП Литвы, 1968, т. 7.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Бахнов М. С. О некоторых причинах хозяйственных реформ в европейских социалистических странах СЭВ. Уч. зап. Моск. ин-та им. Н. К. Крупской. Политэкономия, 1968, т. 211, вып. 5.

Бегишев В. 19-я ярмарка в Брно. Экон. газета, 1968, № 40.

Бобров В. Я. Науково-технічний прогресс і розвиток промисловості європейських країн РЕВ. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Болгаро-венгерское общество «Интра-маш». Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 4.

Болгаро-венгерское общество «Агро-маш». Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 4.

Бондаренко В. Г. Спільна розробка корисних копалин — важлива форма економічного співробітництва соціалістичних країн. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Будкин В. С. Підвищення ефективності міжнародного соціалістичного поділу праці як закономірність розвитку

світової ї системи соціалізму. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Булаш М. О. Основи радянсько-польського економічного співробітництва. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Бутаков Д. Стимул технического прогресса. Экон. газета, 1968, № 44.

В Исполнительном Комитете Совета. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 4.

Вилковски Е., Залевски М. Югославская экономическая реформа на практике. Экон. газета, 1968, № 38.

Вопросы совершенствования системы многосторонних расчетов в переводных рублях и деятельность Международного банка экономического сотрудничества. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 4.

Глобачев О. И. Развитие научно-технической информации в Польской Народной Республике и его основные тенденции (1949—1967 гг.). Науч. и техн. информ. за рубежом. ВИНТИ, 1968, вып. 3.

Гурвич Ф. Г. Проблемы планирования и управления научными исследованиями в социалистических странах. Экономика и матем. методы, 1968, т. 4, № 5.

Гущин В. Промышленные новостройки Болгарии. «Новое время», 1968, № 39.

Гуров Р. Наш курс. «Новое время», 1968, № 37.

Демченко В. П. Міжнародний соціалістичний поділ праці сільського господарства країн РЕВ і проблеми розвитку. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Ильин А. И. Совет Экономической Взаимопомощи и транспорт. Ж-д транспорт, 1968, № 10.

Иовчук С. Совершенствование экономического механизма научно-технического сотрудничества социалистических стран. Вопр. экономики, 1968, № 9.

Коммюнике о тридцать шестом заседании Исполнительного Совета Экономической Взаимопомощи (Москва 24—26 IX 1968). «Правда», 1968, 27 сентября.

Конычев Д. Предпосылки хозяйственной реформы в Народной Польше. Уч. зап. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Политэкономия, 1968, т. 211, вып. 5.

Кормнов Ю. Оценка эффективности строительства. Экономика стр-ва, 1968, № 9.

Кучерявенко П. Х. Сільськогосподарські гуртки та їх роль у соціалістичному перетворенні польського села. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Михайловський В. І. Економічне співробітництво — важливий фактор розвитку хімічної промисловості країн РЕВ. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Нелюбов Б. Ф. Розвиток електрифікації в Народній Республіці Болгарії. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Организация по сотрудничеству в черной металлургии («Интерметалл»). Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 4.

Паронджанов Д. Нефтепровод «Дружба». Междунар. жизнь, 1968, № 10.

Поляков В. Клайд Фарисуорт «перестраивает» экономику Чехословакии. Экон. газета, 1968, № 38.

Поляков В. Фальсификация из «Нью-Йорк таймс». Экон. газета, 1968, № 39.

Римша А. Н. Проекты восстановления города Скопье. Материалы Моск. фил. Геогр. общ-ва СССР, Геогр. населения, 1968, вып. 2.

Розенберг М. Механизация учетно-вычислительных работ с помощью ЭВМ в ЧССР. Бухгалт. учет, 1968, № 8.

Семиин Н. Равноправное и взаимовыгодное сотрудничество. «Коммунист», 1968, № 14.

Сорокин В. Г. Проблемы совершенствования внешнеэкономических связей социалистических стран. Вестн Моск. ун-та. Экономика, 1968, № 5.

Сотрудничество стран — членов СЭВ в области развития судостроения. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 4.

Ткач А. Основные принципы капитального строительства в новых условиях хозяйствования Народной Республики Болгарии. Экономика Сов. Украины, 1968, № 8.

Третье международное совещание журналистов-экономистов (Будапешт, 31 VIII—6 IX 1968). Экон. газета, 1968, № 38.

Шинкин П. И. Нова система планування народного господарства в Болгарії. Питання політ. економії, 1968, вип. 43.

Щеголев В. В. Повышение роли цены в новых условиях социалистического хозяйствования. Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Политэкономия, 1968, т. 211, вып. 5.

Щорс В. Р. Пищевкусовая промышленность НР Болгарии в системе международного социалистического разделения труда. Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Вопр. полит. экономии, 1968, № 279.

3. Партийная жизнь

Брежнев Л. И. Речь на V съезде Польской объединенной рабочей партии. «Правда», 1968, 13 ноября.

Гомулка В. Доклад на V съезде Польской объединенной рабочей партии. «Правда», 1968, 12 ноября.

Дубчек А. Выступление на активе председателей и работников некоторых заводских организаций КПЧ района «Прага-9», 10 X 1968. «Правда», 1968, 14 октября.

Заседание Президиума ЦК КПЧ (Прага 8 X 1968) «Правда», 1968, 10 октября.

Кривошеин Г. У польских ком-

мунистов. (Перед V съездом ПОРП). Парт. жизнь, 1968, № 19.

Легуров Э. И. Начало коренного поворота в политике Польской объединенной рабочей партии. Вестн. Ленингр. ун-та, истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Пленум ЦК Компартии Словакии (Братислава, 20 X 1968). «Правда», 1968, 21 ноября.

Резолюция пленума ЦК КПЧ (Главные задачи партии на ближайший период. Прага, 14—17 XI 1968). «Правда», 1968, 21 ноября.

Решение V съезда ПОРП. «Правда», 1968, 23 ноября.

4. Государственное строительство и право

Бонев В. Великие свершения. К национальному празднику Болгарии — Дню Свободы. «Агитатор», 1968, № 17.

Даскалов Д., Гурбанов М. Болгария — по пути Октября. «Коммунист Молдавии», 1968, № 9.

Драганов В. Все блага — трудящимся. Сов. профсоюзы, 1968, № 17.

Приказ Президента ЧССР (по армии в связи с 50-летием со дня провозглашения независимости Чехословакии). «Правда», 1968, 26 октября.

Свобода Л. Выступление на традиционном приеме в честь выпускников высших военных учебных заведений. (Прага, 4 X 1968). «Правда» 1968, 5 октября.

Стембрович Е. Некоторые вопросы отношений между Государственным советом и Сеймом. Вестн. Моск. ун-та, Право, 1968, № 5.

Ткачевский Ю. М. Отбывание лишения свободы по законодательству Польской Народной Республики. Вестн. Моск. ун-та, Право, 1968, № 5.

Шинкарев И. Четверть века на страже интересов польского народа. Воен.-истор. журнал, 1968, № 9.

Ярузельский В. Братство нерушимое, вечное. «Правда», 1968, 12 октября.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Ананьев В. И. Вклад иностранных коммунистических групп в восстановление народного хозяйства Советской Республики (20-е годы). Уч. зап. Оренбургск. гос. пед. ин-та. Обществ. науки, 1968, вып. 26.

Антифеодальна агітація в Східній Галичині в половині 30-х на початку 40-х рр. XIX ст. «Архіви України», 1968, № 3.

Зайцев Я. В. В. И. Ленин и советская историография о Розе Люксембург. Уч. зап. Башкирск. ун-та, Сер. истор. наук, 1968, вып. 25, № 4.

Кузьмиц А. И. И. В. Ягич о русско-славянских научных связях второй половины XIX в. Изв. АН СССР, сер. лит-ры и яз., 1968, т. 27, вып. 4.

Маркушевський П. Ян Гус у пам'яті українських чехів. «Народна творчість та етнографія», 1968, № 4.

Мельников Д. Мюнхенский стовор в свете истории. «Новое время», 1968, № 38.

Милиц И. Октябрь и образование новых государств в Европе. «Правда», 1968, 3 ноября.

Нюркаева А. З. Сербская социал-демократическая партия и балканские войны. Уч. зап. Пермск. ун-та. Вопр. истории междунар. раб. движения, 1968, № 172, вып. 6, ч. 2.

Нюркаева А. З. К истории борьбы течений в Сербской социал-демократической партии в годы первой мировой войны. Уч. зап. Перм. ун-та. Вопр. истории междунар. раб. движения, 1968, № 172, вып. 6, ч. 2.

Полянина Т. В. Вопросы истории и культуры Закарпатья и Галичины в трудах первых русских славистов. (Н. И. Надеждин и И. И. Срезневский). Вопр. русск. лит-ры, Львов, 1968, вып. 2.

Рокоссовский К. «Знамя», 1968, № 10.

Рябоконе С. И. Борьба Болгарской коммунистической партии против прогитлеровской внешней политики монархического правительства Кюссейнована. Уч. зап. Перм. ун-та. Вопр. истории междунар. раб. движения, 1968, № 172, вып. 6, ч. 2.

Рябоконе С. И. Позиция болгарского монархо-фашистского правительства в период мюнхенскогоговора. Уч. зап. Уральск. ун-та. Сер. истор., 1968, № 74, вып. 5.

Тобіаш Ю. Радянські партизани на польській землі (1941—1945 рр.). «Наука і суспільство», 1968, № 9.

Халмашкеева Е. М. Люблинские фольварки в XVI веке (по логстрации 1565 г.). Вестн. Ленингр. ун-та. Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Хвостов В. М., Штерн Л. Мюнхенское предательство. Обращение комиссии историков СССР и ГДР к историкам всех стран. «Правда», 1968, 28 сентября.

Чемпалов И. Н. Присоединение Болгарии к тройственному пакту и позиция великих держав. Уч. зап. Уральск. ун-т. Сер. истор., 1968, вып. 5.

Шихов В. И. Итало-германское соперничество в странах Дунайского бассейна летом 1938 г. Уч. зап. Уральск. ун-та. Сер. истор., 1968, № 74, вып. 5.

2. Культура и наука

Андреев В. Д. Литература и публицистика. Вестн. Ленингр. ун-та, Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Бегунов Ю. К. З історії літературних зв'язків Київської Русі з Болгарією (Козма Пресвітер і Георгій Грек). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Богомолов Ю., Кушніров М. «Первый курьер». «Искусство кино», 1968, № 9.

Булаховская Ю. Из истории русско-польских и украинско-польских литературных связей 20—30-х годов XX века. Вопр. русск. лит-ры, Львов, 1968, вып. 2.

Ведіна В. П. Обличчям до людини. (Про творчість Юліана Кавальця). «Слов'янське літературознавство і фольклористика». 1968, вип. 4.

Гайдай М. М. Сучасний фольклор чехів і словаків та методика його дослідження. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Добровольский С. Р. Накануне решения. «Дружба народов», 1968, № 9.

Иовчук М. Т., Нарский И. С., Руткевич М. Н. Встреча редакторов философских и социологических журналов европейских стран социализма. (Опатия, 14—16 XII 1967). Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1968, № 4.

Іоаніді А. Л. Питання між слов'янських фольклористичних зв'язків на сторінках «Киевской старины». «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Канцедикас А. Мир мечты и фантазии. «Дружба народов», 1968, № 9.

Кравцов Н. Проблемы славянского фольклора. Изв. АН СССР, сер. лит-ры и языка, 1968, т. 27, вып. 4.

Кучина В. Хорватская керамика. Декорат. искусство СССР, 1968, № 9.

Линтур П. В. Славяноведение XIX в. в Закарпатье. Вопр. русск. лит-ры. Львов. 1968, вып. 2.

Лозинський І. Юліус Фучік. (до 25-річчя від дня загибелі). Укр. мова і літ-ра в школі, 1968, № 9.

Лозинський І. Ян Амос Коменський. «Всесвіт», 1968, № 6.

Мартынова Г. Научная конференция студентов-славистов. Вестн. Моск. ун-та, Филол. 1968, № 5.

Мишанич О. Антологія української поезії Югославії. «Ковтень», 1968, № 7.

Мушинка М. Фольклор Пришвіщини в працях українських та російських вчених і сучасний стан його дослідження. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Пименов В. На фестивале советских пьес. «Театр», 1968, № 8.

Порочкина И. М. Славянские автографы в личной библиотеке Л. Н. Толстого. Вестн. Ленингр. ун-та, Истор., язык., лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Правлюк О. А. Загальнослов'янська основа українського весілля. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Радянсько-польський симпозиум у Москві. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Ривкіс Я. Ф. Іван Франко — дослідник польської літератури. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Участие стран — членов СЭВ в работе по усовершенствованию Универсальной десятичной классификации. Бюл. экон. информ. (СЭВ) 1968, № 4.

Чабаненко В. А. Видатний поет і слов'янознавець М. Богданович. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Шайкевич Б. О. Радянська тема в поезії Н. Вапшарова. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1968, вип. 4.

Шерлаймова С. Полвека новой литературы Чехословакии. Лит. газета, 1968, 30 октября.

3. Языкознание

Ачарян Р. А. Армяно-славянские изоглоссы. Вопр. языкознания, 1968, № 5.

Герд А. С. Из славянского именного словообразования. Вестн. Ленингр. ун-та, Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Захаревич Е. А. Причастия с суффиксами —ЕН, —Н и —Т от возвратных глаголов в болгарском языке. Вестн. Ленингр. ун-та. Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Зенчук В. Н. Выражение отрицания в предложениях с отрицательными местоимениями и наречиями в современном сербохорватском языке. Вестн. Ленингр. ун-та. Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Карась М. Некоторые проблемы польской диалектологии. Вопр. языкознания, 1968, № 5.

Коннова В. Ф. Общеславянский лингвистический атлас. «Русская речь», 1968, № 5.

Михневич А. Е. Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов. Вопр. языкознания, 1968, № 5.

Мокиенко В. М. Семангическая конденсация и групповой анализ лексики. (Славянская географическая терминология). Вестн. Ленингр. ун-та. Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

Сокаль Н. И. Безличные предложения с безлично-предикативными словами в сербохорватском языке. Вестн. Ленингр. ун-та. Истор., язык, лит-ра, 1968, № 14, вып. 3.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1968, № 4

К. Манчев, В. Бистрицкий. Болгаро-югославское сближение и Чехословакия (1933—1937); Б. Цветкова. Гайдучество в болгарских землях в XV—XVIII вв.

«Литературна мисъл», 1968, № 4

П. Зарев. Мир Елисаветы Багряны; И. Конев. О национальном и общечеловеческом в болгарской литературе эпохи Возрождения; М. Василев. Поиски и литературная техника в современной болгарской повести; Л. Григоров. Владимир Башев; А. Анчев. Художественное своеобразие позднего Толстого; А. К. Цветков. К вопросу о письменных работах по родному языку и литературе; Ж. Авджиев. Восстание сентября 1923 года, сентябрьская литература и ее отзвуки в славянских странах; Н. Якушин. К истории русско-болгарских культурных связей; Г. Цанев. Кирил Христов без ретуши; П. Тихолов. Встречи и разговоры с академиком Михаилом Арnaudовым; В. С. Ангелов. Неизвестная копия «Азбучной молитвы».

«Български език», 1968, кн. 4—5

С. Стойков. Проф. Роже Бернару шестьдесят лет; С. Стойков. Библиография трудов проф. Роже Бернара (1946—1968); В. Георгиев. Морфологические заметки: происхождение форм типа *плам*, *пламък*, *пламик*, *пламен*; С. Стойков. К вопросу о болгарском диалектном словообразовании (словообразовательные варианты лексем «камък», «кремък», «пламък» и «ремък»); И. Лекков. Деривация, синтагматическая среда и грамматическо-родовые оппозиции (на примерах современного болгарского литературного языка); К. Мирчев. О синтетизме в Троянской повести; И. Гыльбов. К вопросу о возникновении так называемого *-оъ-аориста*; Л. Н. Вапков. К истории романзмов в болгарском (I); И. Дуриданов. Балканские этимологии; И. Заимов. Болгарские этимологии; Л. Андрейчин. Об ударении в некоторых болгарских фамилиях; М. Филипова-Байрова. Слова болгарского происхождения в говоре с. Гермас (Лощница), Костурско; М. Выгленов. Несколько лексических параллелей в славянских языках; С. Иванчев. Об одном заимствовании из словацкого языка и его производных; А. Спасова. Термины *рикошет*, *рикошетен*, *рикоширам* (происхождение и значение); М. и К. Костовы. Болг. *ринги*, *ринги*, *раје* и нем. *Ringel*, *Ringel*, *Reihe*; Д. Вакарелска-Немова.

О происхождении диалектного слова *кила* 'подник в поле'; Н. Колев. Об истории балканского романского слова *домле*; Б. Парашкевов. О происхождении слова *гевгир*; Б. Симеонов. О названиях с. Гиген; М. Москов. Происхождение двух местных названий; М. С. Младенов. Названия *Ялтра* и *Етър*; И. Петканов. Образование имен, обозначающих национальность; Л. Андрейчин. О формах *сицилиец*, *сицилийски* и «сицилианец», «сицилиански»; Л. Андрейчин. «Взаимствувам» и «взаимообразно»; М. Выгленов. Болгарский язык во Франции.

«Език и литература», 1968, № 4

И. Сукиасова. Природа в творчестве Валерия Брюсова; Р. Ницолова. Определительные предложения с вопросительными словами в современном болгарском языке; С. Петков. Предмет лингвистической эстетики; Т. В. Баляшвили. К вопросу о классификации частей речи; В. Шаур. Сборник пона Пунчо — важный документ по истории новоболгарского литературного языка; С. Стоянов. О закономерностях употребления членных форм существительных имен в функции подлежащих; Х. Недялков. О творчестве Андрея Гуляшки.

«Kwartalnik Historyczny», 1968, № 4

М. Маловист. Европа, Магриб и Западный Судан в XV в. Международные причины европейской экспансии в Африке; Э. Росторовский. Вольтер и Польша; Я. Пахоньский. Польская эмиграция в Венеции в 1794—1797 гг. Л. Баумгартен. Первые польские социалистические круги и национальный вопрос; Л. Зыбликевич. Панамский канал и внешняя политика США; З. Станкевич, Е. Сковронек, Р. Бендер. Рождение современной польской нации.

«Przegląd Historyczny», 1968, z. 3

И. Бежуньска-Маловист. Основные направления исследований по истории античного рабства в современной историографии; Б. Браво. К вопросу о культуре интеллектуалистов античности (от Фукидида до Синезия и св. Августина); А. Кравчук. Геродот и Алкмеониды; Ю. Вольский. Влияние персидских войн на формы политической борьбы в Греции; М. Ячиновска. Cultores Herculis в Тибуре; Я. Трынковский. Иорданов список правителей Дакии (Getica cap. 67—68); Е. Вишницка. Светские братства в религиозном быту христианского Египта.

НА VI СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Обсуждению проблем новейшей истории славянских стран и народов было посвящено на съезде, к сожалению, только одно последнее заседание исторической секции. Это обстоятельство не только лимитировало продолжительность выступлений докладчиков и участников дискуссии, но и, естественно, вело к свертыванию дискуссий по некоторым интересным вопросам. Очевидно, в распорядке работы секции был допущен определенный просчет.

Тем не менее указанное заседание исторической секции, на котором обсуждались проблемы развития славянских стран и взаимоотношений славянских народов в межвоенный период и в период второй мировой войны, позволило участникам съезда познакомиться с новыми взглядами и наблюдениями в области многих исторических проблем славяноведения и обменяться мнениями по ряду важных вопросов.

В докладе А. Я. Манусевича «Влияние Великой Октябрьской революции на зарубежные славянские народы» было рассмотрено разностороннее воздействие Октябрьской революции на политическое, социальное и культурное развитие славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в особенности ее роль в образовании национальных славянских государств, а также влияние идей Октября на последующее развитие в этих странах революционной борьбы, в частности, на формирование революционного авангарда рабочего движения — коммунистических партий.

В докладе были рассмотрены основные направления идейно-политической борьбы в современной историографии вокруг вопросов о роли и месте Октябрьской революции в жизни зарубежных славянских народов¹. Чехословацкий историк И. Мушка, исходя из того, что на-

ционально-освободительное движение, как и демократические революции, в славянских странах развивалось под руководством национальной буржуазии, выразил сомнение в эффективности воздействия Октября на революционные силы славянских стран. Манусевич в своем ответе подчеркнул, что позитивное воздействие Октября на исторические судьбы славян не исчерпывается влиянием на авангард рабочего класса или на трудящихся в целом — занимавшие антисоветскую позицию господствующее классы зарубежных славянских народов сумели реализовать планы создания Польского, Чехословацкого, Югославского государств, только используя коренные изменения во всей международной обстановке, вызванные Октябрем. Образование новых славянских государств создавало более благоприятные условия для развертывания революционной борьбы за социальное освобождение славянских и других народов. Наконец, только созданное Октябрем Советское государство, разгромив гитлеровскую Германию, спасло зарубежные славянские народы от физического уничтожения и открыло им путь развития в направлении к социализму.

Оживленную дискуссию вызвал доклад чехословацких историков З. Сладека и Я. Валенты «К вопросу о роли славянских идей в Центральной Европе в годы между двумя мировыми войнами».

Основным тезисом доклада, с сообщением о котором выступил З. Сладек, была мысль о том, что в межвоенный период упало значение идей славянской взаимности и взаимосвязи. Авторы доклада уделили основное внимание эволюции лишь тех идей, которые волновали общественность славянских народов в дооктябрьский период, и оставили в стороне все новые формы политических и культурных связей и взаимоотношений между славянскими народами, возникшие на новой государственно-социальной основе в межвоенный период. Итогом такого подхода явилось фактическое отрицание и каких-либо проявлений славянской солидарности в межвоенный период.

¹ Основные положения доклада см. в статье: А. Я. Манусевич. Великий Октябрь и образование в 1917—1918 гг. новых государств в Европе. «Вопросы истории», 1968, 11.

Свой вывод о том, что после Октябрьской революции происходило ослабление славянских взаимосвязей, З. Сладек и Я. Валента связывают с исчезновением из идеологической жизни вследствие крушения царизма таких течений, как панславизм и панрусизм. Сама идея славянской солидарности и взаимности, сыграв определенную «оборонную» роль в борьбе против великогерманского шовинизма и национализма, была ослаблена в послевоенные годы в связи с распадом Австро-Венгрии и образованием ряда национальных славянских государств, сошла с арены общественной жизни как в общеевропейском, так и в национальном масштабе отдельных славянских стран. Все это привело к ослаблению связей между славянами бывшей империи.

Авторы доклада как бы забывают об образовании таких государств, как Югославия и Чехословакия, где славянские народы, оказавшись в едином государственном организме, получили большие возможности не только для своего политического и культурного развития, но и для формирования политических, экономических и культурных связей с другими народами. На наш взгляд, большую научную ценность представляло бы выяснение именно того, какую роль образование славянских государств сыграло в развитии именно этой, по терминологии докладчиков, «славянской идеологии». Причинами ослабления идей славянской общности они считают также территориальные споры между как вновь возникшими, так и существовавшими ранее славянскими странами, невозможность наладить длительное экономическое сотрудничество из-за острой конкурентной борьбы и идентичной экономической структуры с явно выраженным в большинстве стран приматом сельскохозяйственного производства. Эти обстоятельства, дополненные узкоклассовой ограниченностью и антисоветизмом внешнеполитической линии правящих кругов, помешали использовать идею славянской общности в борьбе против агрессии фашистских государств, хотя именно эта идея и приобретала все большее значение в связи с нарастанием угрозы фашистской агрессии в конце тридцатых годов.

Доклад З. Сладека и Я. Валенты вызвал ряд существенных замечаний. Выступивший в прениях по докладу чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков отметил, что идея славянской солидарности в том виде, как она формулируется в докладе, лишена классового содержания. Надо различать политику правящих классов, которая вела к разобщению славян, к натравливанию одного народа на другой, и народные массы, видевшие в других славянах — братьев. Пролетарский интернационализм не подорвал идею славянской солидарности, а обогатил ее новым демократическим содержанием. Идея славян-

ской солидарности, по мнению Ю. А. Полякова, является составной частью идеологии пролетарской солидарности, завоевавшей миллионные массы трудящихся всего мира после Октября. Успех славянских народов в их борьбе за самостоятельные государства не исчерпал идею славянской солидарности; наоборот, она приобрела качественно новое содержание и новые формы. Эти новые формы политических и культурных связей и взаимовлияний славянских народов в изменившихся условиях, после создания национальных государств, к сожалению, пока еще не исследованы с научной обстоятельностью.

Темы славянской солидарности в межвоенные годы касались также некоторые другие выступавшие в дискуссии. В выступлении А. О. Чубарьяна (СССР) было отмечено влияние Октябрьской революции на освободительное революционное движение славянских народов и указано, что революция оказала определяющее влияние на огромные изменения в идеологии, носившие комплексный характер. На конкретном примере советско-чехословацких культурных связей в 20-е годы В. А. Куманев (СССР) показал проявление идей славянской взаимности в новейший период. Ряд соображений о влиянии Октябрьской революции на Болгарию и революционное движение болгарского народа высказали Я. Йоцов и Х. Хаджишиков (НРС). И. Колейка (ЧССР) отметил повышение значения славянской взаимности в связи с угрозой фашистской агрессии, приведя в качестве примера увеличение числа голосов, поданных на выборах в 1935 г. за те политические группы, которые в своей предвыборной агитации опирались на идеи славянской солидарности и взаимности.

В докладе болгарских историков К. Манчева и З. Мичевой «Болгаро-югославское сближение накануне второй мировой войны и южно-славянская взаимность» (с сообщением о нем выступил К. Манчев) было проанализировано развитие болгаро-югославских отношений в 30-е годы, после захвата власти в Германии гитлеровцами. Основной тенденцией этих отношений было стремление к созданию балканского союза. Авторы выделили два периода в развитии отношений между Болгарией и Югославией: тенденция на сближение в первый период (1933—1935 гг.) была обусловлена внешнеполитической ориентацией обеих стран на Францию. Второй период болгаро-югославского сближения, результатом которого было подписание 24 января 1937 г. пакта о «вечной» дружбе, проходил в условиях усиления влияния гитлеровской Германии на Балканах, в связи с чем правящие круги Белграда и Софии все больше склонялись к мысли связать судьбы своих народов с интересами Германии и Италии.

Официальная политика болгаро-югославского сближения была использована прогрессивными силами Болгарии и Югославии для расширения политических и культурных связей. Возникли болгаро-югославские общества, содействовавшие обмену делегациями, пропагандировавшие славянскую взаимность и солидарность. Эта деятельность и наступившее в результате ее взаимное сближение сыграли немаловажную роль в развертывании совместной борьбы двух славянских народов против фашистских захватчиков в годы второй мировой войны.

Во втором докладе советских историков (авторы Л. Б. Валева, Ф. Г. Зуев, А. И. Недорезов, Г. М. Славин). — «Сотрудничество СССР со славянскими странами на завершающем этапе второй мировой войны»² был раскрыт характер политических, экономических, культурных и других связей между славянскими народами в период совместной войны против фашистских агрессоров и освобождение славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы Советскими Вооруженными Силами. Авторы показали как складывались взаимоотношения нового типа, нашедшие позднее свое воплощение в договорах о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, подписанных между Советским Союзом, Чехословакией, Югославией и Польшей. В докладе содержалась попытка выявить главные принципы и формы этих отношений и определить их место в общей системе международных связей. По мнению авторов доклада, решающее воздействие на их формирование и развитие оказала совместная борьба против общего врага — германского империализма и освобождение славянских народов Советским Союзом. Идеи необходимости военно-политического союза славянских стран с СССР, общности исторических судеб и солидарности находили широкий отклик в сознании славянских народов.

² См. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». VI Международного съезда славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.

В связи со вступлением Советских Вооруженных Сил на территории славянских стран народы этих стран получили широкие возможности для непосредственного общения с советскими людьми, что не могло не способствовать усилению братских чувств дружбы и солидарности. Основой взаимоотношений Советского Союза с европейскими славянскими странами являлось сотрудничество в военной, политической и экономической сферах. Совместная героическая борьба Советского Союза и славянских стран и их сотрудничество в годы войны — яркая страница в истории взаимоотношений славянских народов. Своей борьбой и огромными жертвами, принесенными ради победы над фашизмом, славянские народы завоевали уважение других народов мира.

Политика Советского Союза, строившего свои взаимоотношения со славянскими странами на двухсторонней основе, на принципах дружбы, взаимопомощи и равноправия, была направлена на обеспечение самостоятельного политического развития и восстановления суверенности славянских стран. В годы войны был заложен фундамент дружеских отношений между СССР и славянскими странами, найдены правильные пути к решению многих сложных проблем межгосударственных связей, что способствовало развитию и упрочению идей славянской солидарности и взаимности.

Выступивший по докладу Н. Тодоров отметил, что в годы болгарского национально-освободительного движения против фашизма с особой силой проявились идеи славянской взаимности и дружбы с СССР в широких массах болгарского народа. Это обстоятельство объясняет, почему болгарское правительство так и не отважилось объявить войну Советскому Союзу.

В. Божинов охарактеризовал различные аспекты сотрудничества болгарских патриотов с советским народом в первые годы войны. Идеи славянской взаимности особенно ярко проявились в период Сентябрьского восстания 1944 года.

А. И. Недорезов

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ В XVIII—XX вв.

9-го августа состоялось заседание исторической секции съезда по проблеме «Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX вв.». Председателями секции были: директор Института славяноведения АН СССР И. А. Хренов, профессор Калифорнийского университета И. Зацек и член-корреспондент Чехословацкой академии наук Й. Мацурек.

Заседание секции было открыто докладом болгарского историка Х. Христова «Идейные течения и программы болгарского национально-освободительного движения». Широкий по хронологическому охвату доклад Х. Христова затрагивал вопросы, связанные с развитием болгарской национально-освободительной идеологии с момента ее возникновения во второй половине XVIII в. до освобож-

дения Болгарии от турецкого ига, но несколько отклонялся от проблематики секции.

Касаясь социально-экономических предпосылок освободительной борьбы болгарского народа во второй половине XVIII в., докладчик показал ускоренное развитие в Болгарии простого товарного производства и зарождение капиталистических отношений и отметил дальнейшее укрепление капитализма на протяжении XIX в. Изменения в экономике обусловили сдвиги в социальной структуре болгарского общества, привели к образованию мелкой городской и сельской буржуазии и крупной торгово-ростовщической буржуазии.

Центральное место в докладе занимала характеристика идеологии болгарского национально-освободительного движения, руководителем которого, по мнению ученого, являлся «ремесленно-торговый класс». Х. Христов указал на два основных идейных течения в национально-освободительном движении до середины XIX в. — демократическое, выражавшее чаяния широких народных масс, и либеральное, представлявшее интересы крупной торговой буржуазии. Отметив образование в 60-х годах XIX в. революционно-демократического лагеря, болгарский ученый охарактеризовал социальную природу, программу и тактику революционно-демократического и реформистского направлений в болгарском национально-освободительном движении во второй половине XIX в. Сущность программы революционно-демократического течения состояла в подготовке народной революции. Либеральное же течение ориентировалось на помощь внешних сил в деле освобождения болгарского народа.

Доклад Х. Христова подвел итог исследовательской работе болгарских историков-марксистов в области национального Возрождения.

Л. Киркова зачитала на секции коллективный доклад болгарских историков «Болгарская общественность и движение за славянскую взаимность от освобождения Болгарии до первой мировой войны» (авторы — Я. Йоцов, К. Ламбрев, Ц. Тодорова, В. Топалов, Л. Киркова, П. Коледаров), в котором отмечены искренние симпатии болгарского народа ко всем славянским народам и постоянный интерес болгарской общественности в XIX в. к освободительной борьбе других славян. Тесные болгаро-славянские связи в конце XIX — начале XX в. докладчик раскрыл на примере софийского общества «Славянская беседа», явившегося реальным воплощением славянской взаимности.

Общество было основано, по почину чешских деятелей, прибывших в болгарскую столицу для помощи освобожденной от турецкого ига Болгарии, 11 мая 1880 г.,

в день Кирилла и Мефодия. Оно объединило представителей разных славянских народов, проживавших в столице, русских, чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев и поляков. Борясь против насаждавшегося князем Александром Батенбергом немецкого влияния, «Славянская беседа» в своей деятельности опиралась на идею славянской взаимности. Стремясь провести ее в жизнь, общество осуществляло большую культурно-просветительную работу — устраивало многочисленные лекции по истории славян и их современному положению, торжественные встречи со славянскими деятелями, концерты из произведений славянских авторов и др.

Польский историк Г. Батовский выступил с докладом «Неославизм накануне первой мировой войны». Проблема неославизма — идейного движения, охватившего перед первой мировой войной буржуазно-либеральные круги чешской, польской, словенской, а также и русской общественности, — в последнее время не привлекала внимания историков. Доклад Г. Батовского внес новое в изучение этой проблемы. Отмечая реакционный характер неославизма с социально-политической точки зрения, польский ученый считает, что неославизм сыграл положительную роль в период его появления (1908—1914 гг.) в процессе осознания общенациональной целесообразности объединения сил славянских народов, подвергавшихся угрозе пангерманизма. При всей скромности практических результатов неославизм тем не менее содействовал чешско-польскому сближению.

Чешские историки М. Куделка, М. Шванкмаер, В. Гостячка и В. Штясны представили на секции доклад «Роль славизма в истории национально-освободительного движения чешского народа в XIX в.», в основу которого положен солидный коллективный труд чешских историков «Славизм в национальной жизни чехов и словаков», вышедший в Праге в 1968 г. под редакцией В. Штясны (главный редактор), Й. Грозичека, М. Куделки, Й. Микулки и М. Шванкмаера¹.

Понимая под «славянской идеологией» все разнообразие изменявшихся в процессе исторического развития общеславянских представлений, взглядов и концепций, опиравшихся на созвучие родства или единства славянских народов, авторы проследили ее эволюцию в ходе чешского национально-освободительного движения на протяжении XIX в. Докладчики правильно указали, что славянская идеология с характерной для нее, особенно на первых порах, идеализацией славянского мира наиболее сильно проявилась на начальной стадии чешского национально-освободительного движения в результате

¹ «Slovanství v národním životě Čechů a Slováků». Praha, 1968.

представления о слабости и недостаточности чешских сил для национального освобождения.

Докладчики остановились на возникновении и разных формах выражения австрославизма. Эта теория была идейно-политической платформой чешской либеральной буржуазии, руководившей политической борьбой в Чешских землях, начиная с 40-х годов до конца XIX в. Они считают переход в 40-х годах XIX в. к австрославизму результатом развития национально-освободительного движения и появления у чешской общественности критического подхода к славянскому вопросу. Чешские ученые показали присутствие разных форм австрославизма в политических концепциях либеральной буржуазии вплоть до конца XIX в. Они отметили, что рабочее движение, которое развивалось под знаменем пролетарского интернационализма, не имело отдельной программы по славянскому вопросу.

Связи национально-освободительного движения болгарского и других южнославянских народов в XIX в. нашли отражение в докладе болгарского ученого К. Шаровой «Болгарское освободительное движение и южнославянские народы». В докладе говорилось об объективной потребности сотрудничества и объединения сил южнославянских народов в борьбе за национальное и социальное освобождение на протяжении XIX в. Помощь болгар освободительным усилиям других южнославянских народов, как и акции последних в поддержку болгарского освободительного движения, свидетельствовали, по мнению ученого, об углублявшемся понимании этой потребности южнославянскими общественно-политическими деятелями.

К. Шарова конкретно показала отношение отдельных южнославянских народов к болгарской освободительной борьбе. Автор остановилась на политике Сербии и Черногории, свободных государств на славянском юге, в болгарском вопросе. Она охарактеризовала также позицию великих держав и их влияние на взаимоотношения южнославянских народов.

Словацкий историк В. Матула посвятил свой доклад концепции славянской взаимности, сформулированной в 40-х годах XIX в. идеологом словацкого национально-освободительного движения Людовитом Штуром, и ее значению для национального развития словацкого и других славянских народов. Автор провед мысль о принципиальном отличии учений о славянской взаимности Л. Штура и Я. Коллара. Концепция Я. Коллара, выдвинутая еще в 20-е годы XIX в. и получившая некоторое развитие в последующее десятилетие, характеризовала славянский мир как единое целое и отрицала во имя этой цельности за малыми славянскими народами возможность и целесооб-

разность самостоятельного национального развития. Она отражала начальную стадию формирования наций у угнетенных славянских народов, нуждавшихся во взаимной поддержке для национальной борьбы и не имевших еще достаточно развитого сознания своей самобытности.

В основе же воззрений Л. Штура, как убедительно показал В. Матула, лежала мысль о том, что славянство представляет собой единство национально самостоятельных его частей. Концепция Л. Штура, возникшая из потребностей поступательного национального развития словацкого народа, оказалась важным идейно-теоретическим оружием в борьбе за национальное сплочение словаков и их равноправие. Идея славянской взаимности Л. Штура отвечала направлению исторического развития славян и способствовала укреплению межславянской солидарности.

Помимо докладов, на сессии были заслушаны и сообщения. И. Мокутер (Венгрия) темой своего выступления избрал «Сознание славянской общности и взаимности в сербской литературе XVIII в.». Отметив большой интерес сербских писателей и деятелей культуры XVIII в. к России, Мокутер подчеркнул прямое влияние этого обстоятельства на идейное развитие сербской литературы. В ней, заявлял ученый, нашло отражение общественное сознание, укреплявшееся с ростом мощи России, о «единоверии и единоплеменности» православных славян во главе с Русским государством. Сербские поэты конца столетия воспевали победы русского оружия. И. Мокутер именовал это идейное явление «православным „панславизмом“». Он видел важную роль сербо-словацких культурных связей в преодолении ограниченности этого явления.

Венгерский исследователь остановился также на общеславянских мотивах в исторических сочинениях сербских авторов XVIII в. Он отметил, что в произведениях Бранковича, Орфелина, Раича содержалась мысль об общности происхождения и языковом единстве славян, подчеркивались огромные размеры заселенной ими территории, многочисленность славян и т. д. Ревностным пропагандистом идеи общеславянского литературного языка был Г. Терлаич.

Югославский исследователь М. Живанчевич представил сообщение «Литература иллиризма в Польше». В нем содержались сведения о хорватско-польских литературных связях в XIX в. Автор обоснованно указал на недостаточное внимание поляков к хорватской литературе в годы иллирийского движения (30—40-е годы XIX в.). Во второй половине столетия, по утверждению автора, интерес к литературе иллиризма и вовсе исчез.

Идее славянской федерации в программе Общества соединенных славян посвя-

тил свое выступление польский историк Л. Базылов. Тайное революционное Общество соединенных славян, главной целью которого было создание республиканской федерации славянских и некоторых соседних народов, имеет большую историографию, русскую и зарубежную. Автор в своем сообщении дал краткий обзор работ по интересующей его проблеме. Вместе с тем польский историк попытался раскрыть также важные, но недостаточно исследованные пункты программы этой организации, как: территориальные границы предполагавшейся федерации освобожденных народов; вопрос о нациях, которые должны были составить это объединение. Автор подчеркнул прогрессивность и демократизм замыслов декабристов о будущем славянских народов с точки зрения интересов их исторического развития.

Профессор Ж. Люспани (Франция) свое сообщение «От Пражского съезда 1848 г. до Московского съезда 1867 г.» посвятил развитию славянской идеологии на протяжении периода между славянскими съездами в Праге и Москве в XIX в. Освещая национально-политические концепции австрийских славян, отношение к славянскому вопросу официальной России и славянофильских кругов русского общества, французский историк неоправданно опустил не только общеславянские взгляды представителей польского освободительного движения, но и вообще влияние борьбы поляков на общественное сознание других славянских народов. Сообщение содержало также ряд спорных положений.

Сообщение английского ученого Дж. Морисона «Катков и панславизм» касалось отношения Каткова к славянскому миру. Автор в своем исследовании опирался на статьи русского публициста, напечатанные в изданиях «Русский вестник» и «Московские ведомости». Дж. Морисон пытался показать влияние польского восстания 1863 г. на мировоззрение Каткова, раскрыть его взгляды на положение славян в Австро-Венгрии, отношение русского журналиста к Московскому съезду 1867 г., его мнение по поводу Балканского кризиса 1875—1878 гг., позицию в период русско-турецкой войны и отношение к болгарскому движению. Дж. Морисон остановился на личных взаимоотношениях Каткова с русскими панславистами. Он затронул также вопрос о влиянии взглядов Каткова по славянскому вопросу на политические круги России.

Профессор Колумбийского университета Р. Ленчек выступил с сообщением об общеславянском языке и грамматике словенского национального деятеля М. Маяра.

Болгарский историк В. Паскалева сделала сообщение «Болгары и польский вопрос в третьей четверти XIX в.» Указав на влияние после Крымской вой-

ны живого интереса болгарской общественности к национально-освободительному движению других славянских народов и особенно к освободительной борьбе поляков, В. Паскалева охарактеризовала позицию по польскому вопросу разных кругов болгарского общества, придерживавшихся противоположных идейно-политических концепций. По мнению болгарского историка, три фактора определяли сложность болгаро-польских отношений в третьей четверти XIX в.: коренное отличие отношения русского правительства к польскому вопросу и к болгарскому национально-освободительному движению, разница в последствиях политики царского правительства для судеб польского и болгарского народов, различные вероисповеданши у поляков и болгар и, наконец, деятельность польской эмиграции в Турции.

В. Паскалева показала, что болгарская общественность в целом, независимо от политической ориентации ее представителей и несмотря на противоречивое отношение к борьбе болгар польских политических деятелей, относилась с большим сочувствием к освободительному движению польского народа. Наиболее последовательную позицию в польском вопросе занимали болгарские революционные демократы во главе с Х. Ботевым, выступавшие за единство славян на демократической основе.

Связи видного сербского критика и историка литературы Й. Скерлича с представителями чешской литературы и культуры привлекли внимание югославского исследователя Ж. Младеновича, выступившего на съезде с сообщением «Йован Скерлич и чехи». Автор проследил личные контакты молодого Й. Скерлича с чехами, жившими в Сербии, в первую очередь в Белграде, показал его дружбу с чешскими студентами в период учебы в Швейцарии. В зрелые годы он следил за творчеством крупнейших представителей чешской литературы и культуры. В свою очередь в Чехии с вниманием относились к литературной и общественной деятельности Й. Скерлича. Ж. Младенович остановился на посещении Скерличем Праги в апреле 1914 г. Здесь, в связи со 100-летней годовщиной со дня рождения Негоша, он прочитал перед чешской общественностью лекцию о Негоше как поборнике югославянского единения. Пребывание в Праге, утверждает Ж. Младенович, способствовало более глубокому ознакомлению Скерлича с культурой чешского народа.

Л. Лапе (Югославия) сделал сообщение на тему «Высказывания македонской интеллигенции о славянской взаимности в конце XIX и в начале XX вв.». Это сообщение, более широкое по своему содержанию, нежели означенная в заглавии тема, было посвящено жизни, общественной деятельности и идеологическому

развитию македонской эмиграции в России в конце XIX — начале XX в. Хотя автор использовал новый фактический материал, поднятые в его выступлении вопросы требуют еще дальнейшего изучения.

Советскую историческую науку представлял А. С. Мыльников, сделавший сообщение «Идейно-политические предпосылки Просвещения в Чешских землях и его ранний период». Советский историк решил ряд важных вопросов генезиса и развития раннего Просвещения в Чешских землях, что до сих пор не было предметом самостоятельного научного изучения. Автор проследил формирование национально-патриотической традиции у чешского народа в XVII — первой половине XVIII в., отметив вклад в ее развитие трудящихся масс и патриотически настроенного мещанства. По его мнению, в это же время происходило проникновение идеологии Просвещения в Чешские земли, усилившейся примерно с 20—30-х годов XVIII в. Начало периода раннего Просвещения в Чешских землях историк датировал 40—50-ми годами, а его завершение — концом 70-х годов XVIII в. Главным носителем просветительских идей на раннем этапе автор назвал интеллигенцию недворянского, преимущественно мещанско-бюргерского и крестьянского, происхождения.

В сообщении было уделено много внимания характеристике трех главных направлений в просветительской идеологии в Чешских землях середины XVIII в. Это были: «официально поддерживаемая концепция австрийского Просвещения», «истолкование просветительских идей в общенемецком духе» и «национально-просветительское направление», явившееся результатом слияния чешской национально-патриотической традиции с прогрессивной идеологией общеевропейского Просвещения². Подчеркнув огромную

² «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 91, 92, 96.

важность третьей формы просветительской идеологии для развития чешской культуры и общественной мысли, автор более подробно остановился на ее проявлениях, в первую очередь в филологии и истории.

Несомненный интерес представляет данная А. С. Мыльниковым типология Просвещения в славянских странах в связи с общеевропейским Просвещением. Он назвал три основных типа Просвещения в зависимости от уровня социально-экономического развития стран. Первый тип характерен для наиболее развитых капиталистических стран (Англии, Франции). Второй тип — для государств, где развитие капитализма протекало в условиях разложения феодально-крепостнического строя (Россия, Германия). Третий тип наблюдался в областях, где характерная для стран второго типа социально-экономическая обстановка сочеталась с национальной зависимостью. В таком положении и находилась большая часть южно- и западнославянских земель.

Исследование А. С. Мыльникова не только проливает свет на специфику Просвещения в Чешских землях, но имеет значение для понимания развития просветительской мысли и в других славянских странах.

После названных докладов и выступлений в секции развернулась дискуссия. Профессор Ванечек, историк права, поддержал мысли и наблюдения А. С. Мыльникова о Просвещении в Чешских землях. В связи с докладом В. Матулы по штуровской проблематике выступил словацкий историк литературы Р. Бртань, который сообщил о найденном, неизвестном до последнего времени, письме Л. Штура к хорватскому поэту Станко Вразу. Г. Батовский, подчеркнув важность польского вопроса в середине XIX в., отметил недооценку его в сообщении Ж. Люсиани. Выступление Л. Лапе вызвало замечания ряда болгарских и македонских историков. Были и другие дискуссионные выступления на секции.

И. П. Лещилова

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

К 50-ЛЕТИЮ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

23 октября 1968 г. состоялась научная сессия, посвященная 50-летию образования Чехословацкой республики. В работе сессии приняли участие сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института всеобщей истории АН СССР и других научных учреждений Москвы, активисты Общества советско-чехословацкой дружбы, советники Чехословацкого посольства в Москве Иржи Тауфер и Ярослав Никл, предста-

вители прессы. На сессии были заслушаны доклады доктора исторических наук А. И. Недорезова, доктора исторических наук А. Х. Клеванского и кандидата филологических наук С. А. Шерлаимовой.

А. И. Недорезов в своем докладе «50 лет Чехословацкого государства» показал, что образование Чехословацкой республики явилось результатом длительной национально-освободительной борьбы, увенчавшейся успехом благодаря победе-

Великой Октябрьской социалистической революции в России. Создание самостоятельного государства открыло новый этап политического развития чешского и словацкого народов. Национальное освобождение чехов и словаков, однако, не сопровождалось социальным освобождением трудящихся. Сохранение капиталистического строя сдерживало развитие производительных сил. В области внешних отношений правящие классы проводили гибельную для своей страны политику ориентации на западные державы, что имело следствием страшную национальную катастрофу Чехословакии в 1938 г.

После освобождения от фашистской оккупации в 1945 г. чехословацкий народ избрал иной, социалистический путь развития. Охарактеризовав громадные успехи страны в экономике, культуре и политике, докладчик подчеркнул, что эти успехи являются результатом усилий рабочих, крестьян и интеллигенции, которые кровно заинтересованы в дальнейшем развитии страны по социалистическому пути, в союзе, дружбе и сотрудничестве с другими странами социалистической системы.

Советско-чехословацким отношениям в 1918—1920 гг. был посвящен доклад А. Х. Клеванского. Советское правительство, — отметил докладчик, — сразу же после образования молодого чехословацкого государства предприняло шаги для установления с ним дружественных отношений, выразило готовность вступить в переговоры с чехословацким правительством.

Как свидетельствуют документы, Советское правительство неоднократно обращалось к чехословацкому правительству с предложением содействовать отправке чехословацкого корпуса на родину через свою территорию. Но чехословацкая сторона, идя на поводу у западных держав, удерживала корпус в Сибири. А. Х. Клеванский подчеркнул, что даже таким далеко неординарным политикам, как Массарик и Бенеш, потребовалось полтора десятилетия, чтобы отказаться от иллюзий о непрочности Советской власти в России и признать социалистическое государство.

О развитии чешской и словацкой литературы после образования Чехословацкой республики рассказала в своем выступлении С. А. Шерлаимова. Подъем революционной борьбы в первые годы независимой республики вызвал к жизни новую, революционную литературу. Поэты и писатели, вдохновленные идеями Октября, отразили в своем творчестве борьбу народных масс за лучшее будущее. Чешская и словацкая литературы выдвигают в этот период блестящую плеяду больших и талантливых художников, получают широкое международное признание. «Полувековая история новой литературы Чехословакии, — отметила в заключение С. А. Шерлаимова, — убеждает в том, что только на пути служения коммунистическим идеалам ее ждут новые успехи и достижения».

Р. Н. Смирнова

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

20 ноября 1968 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики, посвященное 50-летию со дня провозглашения независимости Польского государства. Во вступительном слове директор института д-р ист. наук И. А. Хренов отметил, что образование независимого Польского государства стало возможным прежде всего благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочий класс в России в союзе с трудящимся крестьянством, взяв власть в свои руки, аннулировал все договоры и соглашения, касающиеся разделов Польши. За национальное освобождение и возрождение польского государства боролись многие поколения польских патриотов, начиная от повстанцев под предводительством Т. Костюшко до польских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции.

Буржуазно-помещичья Польша просуществовала 21 год. Все ее правительства не смогли в течение этого времени решить ни одной актуальной общественно-экономической проблемы. Они не смогли так-

же обеспечить польскому государству полную суверенитет и гарантировать безопасность его границ. Внешняя политика буржуазной Польши привела страну к тому, что она оказалась одинокой перед сентябрьской катастрофой 1939 г.

В течение этого двадцатипятилетия созрело классовое самосознание польских трудящихся, понявших, что им не по пути с польскими капиталистами и их классовыми союзниками. Классовая борьба в условиях капиталистической Польши подготовила рабочий класс и крестьянские массы к роли хозяев народной Польши. В 1945 г. Польша получила свободу и независимость в результате победы Советской Армии над врагом всего человечества — немецким фашизмом.

С докладом «Образование независимого Польского государства в современной историографии» выступил старший научный сотрудник института, д-р ист. наук А. Я. Манусевич. Докладчик заявил, что возрождение Польши как независимого государства ровно через год после победы Великой Октябрьской революции не было случайным, в этом сказалась глубоко-

кая историческая закономерность. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что «независимость Польши и революции в России обуславливают друг друга». В новых исторических условиях, возникших в связи с переходом капитализма в империализм, В. И. Ленин изложил суть решения польского вопроса в ясной и глубокой формуле: «Свобода Польши невозможна без свободы России». В соответствии с коренными интересами революционной России и жизненными потребностями польского народа Ленин неизменно поддерживал в польском революционном движении направление, представленное в первую очередь польской социал-демократией, стоящей на почве русско-польского революционного союза.

К Польше и ее судьбам обратились большевики и в первом своем документе, опубликованном в связи с начавшейся в августе 1914 г. первой мировой войной. В ленинском раскрытии взаимосвязи польского и русского революционного движения нашел свое конкретное и точное выражение один из непреходящих законов исторического развития Польши и России. История показала, что противопоставление Польши — даже буржуазно-помещичьей Польши — революционной России чревато для Польши катастрофой и гибелью. Обретение Польшей независимости после 124 лет чужеземного ига явилось историческим завоеванием польского народа.

Советских историков, как и их коллег, польских историков-марксистов, объединяет признание всемирно-исторического значения Октябрьской революции, ее решающей роли в формировании условий восстановления независимости Польши и признание выдающейся роли самого польского народа в борьбе против разделов страны, за ее свободу и независимость.

Вопросы, связанные с восстановлением независимости Польши в 1918 г., привлекали и продолжают привлекать внимание буржуазных историков и публицистов. В буржуазной историографии 20—30-х годов процесс становления и формирования польской государственности трактовался как процесс не только обособленный от Октябрьской революции, но и прямо противоположный ей. Решающая роль отводилась внешним силам, якобы спешившим на помощь польскому народу. В подавляющем большинстве работ этого периода не находится даже места для простого упоминания о борьбе Советского правительства во время брестских переговоров за предоставление свободы и независимости польскому народу. В межвоенный период очень немногие буржуазные историки попытались раскрыть подлинную природу «14 пунктов» мирной программы Вильсона, предусматривавшей возможность образования независимой Польши. Некоторые из буржуазных историков попытались не противопостав-

лять в национальном вопросе показной вильсоновский либерализм великим ленинским принципам, а «сблизить» их, доказать, будто и Вильсон и Ленин с равным правом должны занять место у колыбели независимости Польши и всей системы международных отношений. Глубокое и интересное освещение получили этот и многие другие вопросы в книге Генрика Яблоньского «Великий Октябрь и независимость Польши». В его работе «Независимость и национальные традиции», опубликованной в сборнике «Октябрьская революция и Польша», в статьях и выступлениях и многих других польских ученых.

Польский историк, профессор Тадеуш Цесляк, выступивший с докладом «Полвека польской морской политики», подчеркнул, что восстановление независимости было для польского народа чрезвычайно важным событием, открывшим важную эпоху в его истории. Закончился период национальной дискриминации и трудностей в культурно-экономическом развитии. Угнетатели считали лишение Польши выхода к морю важным условием ее ослабления. Вот почему вопрос возвращения Польше морских границ был вопросом первостепенной важности. Но установленные Версальским договором условия пользования морскими путями в двадцатые годы ухудшились в связи с усилением германских националистов в Гданьске, которые всячески противились использованию Польшей ее договорных прав, с возрастающей силой вели пропаганду против местного польского населения, требуя аннулирования договоров, отделявших Гданьск от Германии. В связи с этим польское правительство решило построить небольшой порт в Гдыне, чтобы избежать постоянных конфликтов и притеснений.

Только после освобождения Польши и разгрома гитлеровского фашизма Советской Армией в корне изменилось положение с морскими границами Польши. Межвоенная Польша имела 140 км морских границ, морские границы народного Польского государства составляют 500 км. Порты Гдыня, Гданьск, Щецин и Колобжег снабжены современным оборудованием. Необыкновенно развилась польская судостроительная промышленность, которая поддерживает торговые связи со всем миром. Только плановое социалистическое хозяйство смогло скоординировать усилия силезского, лодзинского, краковского и других промышленных районов с нуждами морской политики страны.

Старший научный сотрудник института канд. ист. наук П. Н. Ольшанский в докладе «Советско-польские отношения в первый период независимого польского государства» подчеркнул, что еще в марте 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в воззвании к поль-

скому народу писал: «Царский режим, в течение полутора веков угнетавший польский народ одновременно с русским, низвергнут объединенными силами пролетариата и войск». Петроградский Совет заявлял, что демократическая Россия стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении. Большевицкая партия еще до Великой Октябрьской революции последовательно проводила политику признания права польского народа на независимость. Эта политика нашла свое отражение и во всех последующих действиях Советского правительства. В декабре 1917 г. советская делегация на мирных переговорах в Бресте потребовала выведения чужих войск с польской территории и предоставления польскому народу права свободного решения своего будущего. В Брестском мирном договоре Советская Россия отказалась от своих прав на польские земли, а декретом от 29 августа 1918 г. торжественно провозглашала, что все договоры и акты, касающиеся разделов Польши, отменяются безвозвратно. Однако власть в возрожденной Польше захватили буржуазия и помещики. Ослепленные идеей порабощения украинского, литовского и белорусского народов, они подняли руку на революционную власть в Советской России. Эта политика буржуазных правительств Польши привела польский народ к трагедии в сентябре 1939 г.

В докладе «Общие исторические условия восстановления Польского государства в 1918 г.» академик Генрик Ловмянский рассмотрел проблему с точки зрения того длительного процесса, завершением которого был возврат Польши к независимой государственной жизни. Это новое государство находилось в генетической связи с Речью Посполитой, прекратившей свое существование в 1795 г. Автор высказал мнение, что для надлежащего понимания причин восстановления Польского государства в 1918 г. нужно рассмотреть те силы, которые лишили Польшу ее независимости в XVIII в. и мешали ее восстановлению в течение XIX в. Во время первой мировой войны, особенно после Великой Октябрьской революции, когда политические обстоятельства переменились в благоприятном для Польши духе, польское общество с энтузиазмом поддержало программу восстановления Польского государства. Капиталистический характер этого государства вызвал в рядах пролетариата сомнения в целесообразности самостоятельной государственности, но это было явление тактического, а не принципиального характера. Все сомнения рассеялись с переходом Польши к социализму. Таким

образом, внутренним фактором восстановления Польского государства был польский народ как целое.

С докладом «50 лет польской культуры» выступил д-р искусствоведения, профессор И. Ф. Бэла. Культура Польши, получившей национальную независимость в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в 1919—1939 гг. была отражением напряженной классовой борьбы в условиях буржуазно-помещичьего строя. Под непосредственным влиянием Коммунистической партии Польши, вдохновляемая примером СССР, развивалась польская пролетарская литература. Имена таких пролетарских писателей как В. Броневский, С. Выгодский, Л. Шенвальд, В. Василевская, Л. Кручковский, которые не только правдиво изображали тяжелое положение трудящихся, но и призывали к революционной борьбе против эксплуатации и угнетения, а также прогрессивных буржуазных писателей С. Жеромского, Ю. Тувима, М. Домбровской, Э. Налковской, Е. Богушевской, П. Гоявичинской, Я. Корчака пользуются широкой известностью не только в Польше, но и во всем мире. На развитие пролетарской и прогрессивной литературы в Польше значительное влияние оказала советская литература. Особенно популярны в Польше были произведения В. Маяковского, М. Горького. В искусстве доведенной Польши значительное развитие получила графика, главным образом гравюра на дереве, развивалось и декоративное искусство, а также национальное искусство театральной декорации.

На заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики выступил поверенный в делах Посольства Польской Народной Республики в Москве Чеслав Коваль. Он поблагодарил собравшихся от имени Польского Посольства за участие в заседании Ученого совета. В своем выступлении Ч. Коваль отметил положительные явления в жизни польского народа в связи с образованием Польского национального государства. В течение этих двадцати лет произошла интеграция населения, раздробленного раньше, была создана единая система коммуникаций и связи, образовался внутренний рынок, сформировались и окрепли внутренние экономические, культурные и политические связи, укрепилось в сознании народа значение независимости. Это способствовало тому, что во время второй мировой войны главное внимание масс можно было направить не на решение вопроса должна ли быть Польша свободной и независимой, а на то, какой она должна быть после разгрома врага.

Е. В. Пилишек

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

26 июня 1968 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита М. Н. Кузьминым кандидатской диссертации на тему «Школа и образование в Чехословакии. История школьной системы и эволюция образовательного уровня (конец XVIII — первая половина XX в.)».

В диссертации освещается развитие школьной системы, отношение государства к образованию, изменение национальной грамотности, эволюция образовательного уровня населения Чешских земель, Словакии и Закарпатской Украины в сравнении с другими частями Австро-Венгерской империи и ряд других вопросов. Аналогичная проблематика, расширенная к тому же за счет социальной характеристики среднего и высшего образования, состава учащихся и т. п., рассмотрена на материале межвоенного периода Чехословакии (1918—1938 гг.).

Во вступительном слове М. Н. Кузьмин сказал, что в последнее время проблематика образования все более утрачивает прежний характер замкнутого домена педагогики, постепенно становясь объектом многостороннего исследования смежных научных отраслей — политической экономии, социологии, истории культуры, демографии и др. При очевидном разнообразии интересов все они так или иначе группируются вокруг одной общей проблемы — проблемы «школа и общество». Многоплановый анализ роли и значения образования в условиях различных общественных систем настоятельно требует всестороннего синтезирующего исследования объективной обусловленности развития образовательного уровня населения, надежного статистического описания этого процесса, изучения его закономерностей и внутреннего механизма, что в свою очередь предопределяет необходимость изучать школу и как особый социальный институт, с его определенными общественными функциями, организацией, структурой, социальной направленностью и т. п., причем не только на современном материале, но и в историческом плане. М. Н. Кузьмин отметил, что указанные вопросы гораздо в меньшей степени оказались изученными применительно к таким социалистическим странам, как Чехословакия, где уже в период капитализма были решены проблемы всеобщей грамотности и все-

общего неполного среднего образования. В результате картина культурного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в досоциалистический период, картина многообразия культурных условий и предпосылок перехода к социализму представляется далеко неполной.

Диссертант указал далее, что габсбургская монархия, в состав которой до 1918 г. входили области будущей Чехословацкой республики, отличалась резкими внутренними различиями по характеру и уровню культурного развития отдельных территорий и национальностей, крайней неравномерностью этого развития. Поэтому здесь имеется редкая возможность проследить несколько самостоятельных типичных вариантов эволюции образовательного уровня в их конкретно-исторической обусловленности, наблюдать различные стадии этого процесса практически одновременно.

Таким образом, изучение эволюции образовательного уровня населения Чехословакии дает весьма ценный материал для характеристики данного процесса при капитализме в целом, во всем его контрастном многообразии и противоречивости.

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук проф. В. М. Турок-Попов и кандидат исторических наук Я. Б. Шмераль. Оппоненты подчеркнули высокую научную значимость представленной работы, выделяющей своей комплексностью и охватом большого временного диапазона. Отмечено широкое, почти предельное использование австрийских, венгерских и чехословацких статистических материалов, их критическое и умелое применение. Помимо историко-демографического анализа, диссертанту удалось дать емкий социологический очерк истории связи образования с экономическими, социальными и другими нуждами общества в период капитализма. Выступавшая в качестве неофициального оппонента доц. Б. М. Руколь (исторический ф-т МГУ) также с большой похвалой отозвалась о работе, указав на чрезвычайную трудоемкость исследования.

Ученый совет института единогласно присвоил М. Н. Кузьмину степень кандидата исторических наук.

ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА ПО ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР

26 июня 1968 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации С. М. Толстой на тему «Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках».

Диссертация посвящена одному из наименее разработанных фрагментов из области синтагматической (или дистрибутивной) фонологии славянских языков. Бесспорно общefonологическое и общетеоретическое значение изучения сочетаемости согласных в начале и на конце слова, которая характеризуется особыми дистрибутивными структурами в противоположность консонантным сочетаниям середины слова и которая является одним из проявлений фонологической организации слова как целого. Помимо основной, в диссертации рассматриваются и такие важные проблемы, как общая дистрибуция фонем, фонологическая структура слова, структура слога в славянских языках.

В диссертации исследуется обширный материал из пяти славянских языков: польского, чешского, русского, сербского (в его двух вариантах — эквском и екавском) и болгарского. Приводятся полные перечни (инвентари) зафиксированных в отдельных славянских языках начальных и конечных консонантных групп, устанавливаются универсальные правила

их сочетаемости. Автор пользуется не только лингвистическими методами анализа, но успешно применяет и понятия, выработанные в математике. В результате глубокого и строгого анализа С. М. Толстая дает сравнительное описание типологии соответствующих дистрибутивных структур в пяти славянских языках.

На защите диссертации в качестве официальных оппонентов выступили д-р филол. наук Т. П. Ломтев и канд. филол. наук А. М. Кузнецова. Были зачитаны также отзывы д-ра филол. наук Л. Р. Зиндера и канд. филол. наук Л. Б. Бондарко (Ленинградский университет), д-ра филол. наук Ф. Т. Жилко (Институт языковедения АН УССР), канд. филол. наук В. В. Мартынова (Институт языкознания АН БССР). Все оппоненты высоко оценили диссертацию С. М. Толстой и высказали мнение о целесообразности ее опубликования. Они подчеркнули, что этот труд имеет не только теоретическое, но и большое методологическое значение и представляет несомненный вклад в общую теорию и методологию типологических исследований в области сравнительной фонологии славянских языков.

Ученый совет единогласно присудил С. М. Толстой ученую степень кандидата филологических наук.

Т. В. Попова

ПАМЯТИ Э. ПЕТРОВИЧА

7 октября 1968 г. на 70-м году трагически оборвалась жизнь выдающегося румынского лингвиста, академика Эмиля Петровича, признанного руководителя современной румынской школы славистов. Выходец из Баната, Петрович еще в юношеские годы овладел практически несколькими языками. Позже, в Клужском университете, он прошел под руководством С. Пушкарю хорошую лингвистическую школу. Во время специализации во Франции, а позже в Болгарии Петрович много работал в области экспериментальной фонетики, лингвистической географии, основательно изучил старославянский и болгарский языки, сравнительную грамматику славянских языков. Почти вся жизнь ученого была связана с Клужским университетом, в котором он прошел все ступени академической лестницы от студента до ректора. Здесь он читал лекции по старославянскому языку, по сравнительной грамматике славянских языков, по болгарскому, сербохорватскому и русскому языкам, различные спецкурсы по румынской диалектологии, топонимике, по славяно-румынским языковым связям. Ряд лет Э. Петрович, не порывая связей с родным университетом, состоял профессором Бухарестского университета, где тоже руководил подготовкой славистов. Он был основателем и бессменным председателем ассоциации румынских славистов и ответственным редактором органа ассоциации «Romanoslavica». Будучи председателем национального комитета славистов, он достойно представлял румынскую славистику в Международном комитете славистов. Он много сделал для того, чтобы румынские слависты приняли активное участие в обсуждении актуальных проблем современной науки на Московском, Софийском и Пражском международных славистических съездах.

Научная деятельность Э. Петровича была многогранна. Петрович оставил много трудов в различных областях славянского, румынского и балканского языкознания. В первые годы своей деятельности он много писал о языках родного Баната. Самым значительным трудом в этой области явилась монография ученого о сербском карашованском говоре Баната (1935). В 1930 г. Петрович опубликовал первый труд по экспериментальной фонетике. В 30-е годы по инициативе С. Пушкарю началась работа над «Румынским лингвистическим атласом», которая продолжалась несколько лет. В ней приняли участие Э. Петрович и С. Поп. Однако лишь после войны изучение румынских говоров по программе атласа получило небывалый размах, так как Румынская акаде-

мия наук лишь теперь смогла оказать щедрую материальную поддержку диалектологам. Всей этой работой руководил Э. Петрович. Румынская лингвистическая география достигла в послевоенные годы больших успехов. Высок ее международный авторитет. В этом прежде всего заслуга маститого румынского ученого, проявившего здесь много знаний, опыта и такта.

Еще в довоенные годы Э. Петрович опубликовал несколько статей и заметок, в которых затрагивались проблемы славяно-румынских языковых отношений. После войны эти проблемы оказываются в центре научных интересов ученого. До Петровича исследования в этой области ограничивались изучением лексики и словообразования. Петрович впервые обратился к фонетике и фонологии. Он пришел к заключению, что многие важнейшие фонологические особенности румынского языка возникли в результате славяно-румынской языковой интерференции. Эти выводы изложены в монографии «Славянское влияние на систему фонем румынского языка» (1956), во многих статьях, заметках и рецензиях.

Румынский ученый сохранял всю свою жизнь интерес к проблемам топонимики. Статьи по топонимике имеются уже среди его первых публикаций. Совсем недавно, на Пражском съезде славистов, в августе 1968 г., он выступил с докладом, в котором излагал свои принципы изучения румынских топонимов славянского происхождения. Интерес этот не был случайным. Ведь Петрович воспитывался в университете, где проблемы топонимики стояли в самом центре научных интересов лингвистов и историков. Достаточно указать на одного из учителей Петровича проф. Н. Драгану, который в этой области знания оставил труды первостепенного значения. Нужно, однако, отметить, что Э. Петрович внес очень много нового в методику изучения топонимов. Его лингвистическая интерпретация топонимического материала является весьма поучительной и ценной для исследователей топонимики ареалов со смешанным населением.

Э. Петрович неоднократно посещал нашу страну и всегда проявлял большой интерес и благожелательность к работам советских славистов и румыноведов. Мне приходилось неоднократно общаться с ним на съездах, конференциях, в работе комиссии по общеславянскому лингвистическому атласу. В памяти сохранится образ смелого и эрудированного исследователя, обаятельного человека и интересного собеседника.

С. Б. Бернштейн

CONTENTS

V. V. Zelenin. V. I. Lenin on the national revolution of the Southern Slavs. *R. P. Grišina.* The problem of popular front in the countries of the Central and South-eastern Europe (1944—1945). *V. D. Konobeev.* The socio-economic position of «free» peasants in Bulgaria in the 60—70-ies of the XIXth century. *L. G. Shaxova.* Artistic concept of character in Dimităr Talev's tetralogy. *V. V. Kolesov.* Accentuation of derivative nouns in Proto-Slavic 3

Slavic Studies in Higher Schools

S. I. Sidelnikov, V. V. Suharev, G. I. Černjajvskij. The history of Southern and Western Slavs and its teaching in higher schools. 52

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

I. V. Mihutina. The Soviet Union's entry into the League of Nations and the attitude of the Polish diplomacy. *V. I. Meleško.* The state of economy in Byelorusia and Lithuania at the end of the XVIIIth century. *A. I. Rogov.* N. T. Tixomirov's Slavic studies. *L. Pek.* The origins of the puppet film in Czechoslovakia. *S. A. Rejser.* A Russian XVIII century free-thinker on the enslavement of Poland 59

PEOPLE, EVENTS, FACTS

Irena Karasińska (Poland). Stanisław Lorentz 92

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

A. I. Rogov. Stanisław Szczepanowski before the King's Trial. 97

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

N. P. Manančikova. Some new works on the history of Dubrovnik. *D. B. Melcer.* G. I. Černjajvskij. Labour movement in Bulgaria in the period of the partial stabilization of capitalism (1925—1929). *T. Komkova.* Czechs and Slovaks in World War I and the October Revolution. *V. A. Daykov.* Jerzy W. Borejsza. Polska emigracja po powstaniu styczniowym. *I. R. Fišer.* The ways of the agrarian development of the countries of Central Europe in the XVI—XVII centuries. *E. Ž. Cybenko.* A study on the problem of novel in the Polish literary criticism of the XIX century. *I. K. Gorsky.* Konopnicka's craft of short story narration. *L. K.* A book on the history of the Russo-Czech literary contacts. *R. M. Cetlin.* Jocun Врана. Вуканово еванђеље 98

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1968 (continued). The contents of foreign periodicals 118

SCIENTIFIC LIFE

At the VI Congress of Slavists

A. I. Nedorezov. The contemporary history of the Slav countries. *I. I. Leščilovskaja.* The problems of the Slav self-conscience in the XVIII—XX centuries. 123

At the Institute of Slavonic and Balkanistic Studies of the Academy of Sciences of the USSR

R. N. Smirnova. The session to mark the 50th anniversary of Czechoslovakia. *E. V. Pilišek.* The session to mark the 50th anniversary of Poland's independence . . 129

The defence of dissertation theses

JUS. The social history of the school system in Czechoslovakia. *T. V. Popova.* An interesting dissertation on the typology of Slavic phonological structures 133

S. B. Bernstein. In memory of E. Petrovici 135

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 19/ХII-1968 г. Т-03845 Подписано в печати 3/III-1969 г. Тираж 1160 экз.
Зак. 1474 Формат бумаги 70×103¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,9 Бум. л. 4¹/₄ Уч.-изд. л. 13,7

2-я типография издательства «Наука». Москва. Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891

№ 17

В ОРДЕНКА

Д 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Р